

ПБ₂₁ 1028

САЯ БИБЛІОТЕКА

Книга

9

ПВ. ШМЕЛЕВЪ

ВЪВЪЗДЪ

ВЪ

ПАРИЖЪ

БѢЛГРАДЪ

1929

ИВ ШМЕЛЕВЪ

ВЪЪЗДЪ ВЪ ПАРИЖЪ

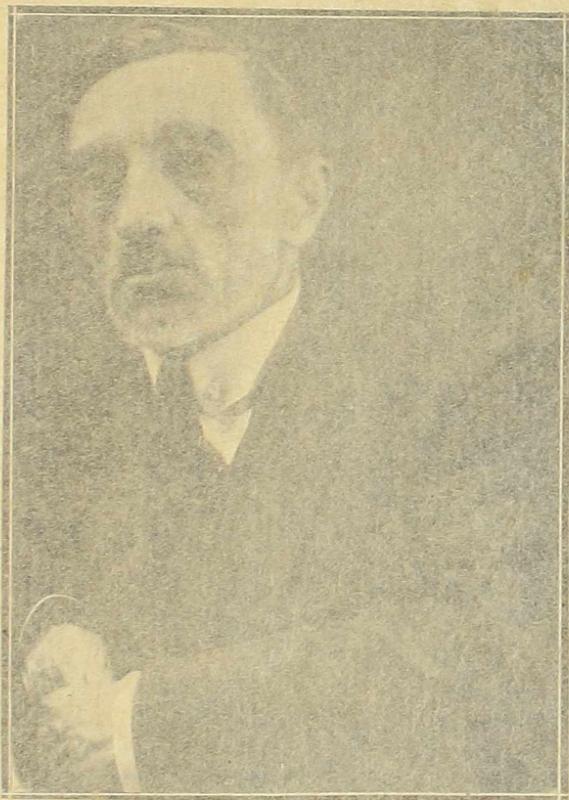
.....

Б ѳ л г р а д ѳ
1929

ИБЕРОСЛАВСКА БИБЛИОТЕКА
УНИВЕРЗИТЕТЪТ НА БЕОГРАД
К. Вр. 1038

Печатается въ количествѣ 2 000 экземпляровъ.
Droits de reproduction et de traduction réservés pour tous pays.

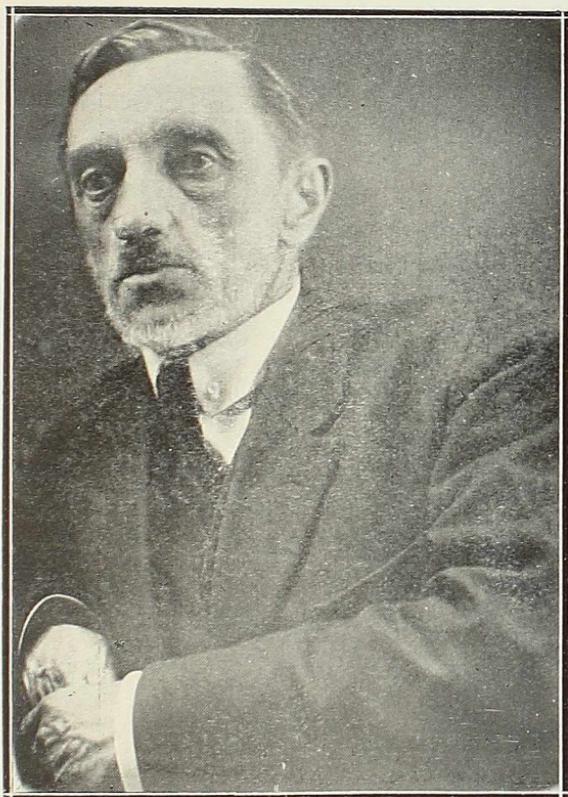

W. M. M.

Печатается въ количествѣ 2000 экземпляровъ.
Droits de reproduction et de traduction réservés pour tous pays.

W. Murray

ВЪЪЗДЪ ВЪ ПАРИЖЪ

Послѣ долгихъ хлопотъ и переписки, — сколько ушло марки, а каждая копѣйка выбивалась сердцемъ, — послѣ дской, до дурноты, работы, когда каждая обруха угля одгоняла: „ну же, еще немного!“ — Бичъ-Бураевъ, — впроемъ, „Бичъ“ онъ давно откинулъ, какъ усмѣшку, — славаго когда-то рода, бывший студентъ, бывший офицеръ, абойщикъ, теперь бродяга, добрался до Парижа.

Онъ вступилъ въ Парижъ безъ узелка, походно, во всемъ, что на себѣ осталось: въ черкескѣ, порванной боями, въ рыжей кубанкѣ съ золотистымъ верхомъ, въ побитыхъ крагахъ. Что было подъ черкеской — никто не видѣлъ. А было тамъ: германская тужурка, изъ бумажной ткани, грубая англійская фуфайка на голомъ тѣлѣ, — истлѣвшую рубаху онъ бросилъ въ шахтѣ, — пробитая ключица, замученное сердце. Дорогое, что вывезъ изъ боевъ, — американскій чемоданчикъ съ несэсаромъ, память убитаго на Перекопѣ друга, — пришлось оставить инженеру въ шахтахъ, болгарину, какъ выкупъ: а то не выпускали до конца контракта.

И вотъ, съ сорока франками въ карманѣ, онъ вышелъ съ Gare de l'Est на Boulevard de Strasbourg.

Часъ былъ ранній. Парижъ сіялъ роскошнымъ утромъ, апрѣльскимъ, теплымъ; рокоталъ невнятно, плескался, умывался. Сѣрный запахъ угля отъ вокзала заливала ласковая

свѣжесть весны зеленой, нѣжной: тонкими духами пахло отъ распускавшихся деревьевъ.

Ошеломленный свѣтомъ и движенъемъ, великолѣпиемъ проспекта, широкаго, далекаго, на версты, Бураевъ задержался на подъѣздѣ. Въ глазахъ струилось.

— Вотъ какой, Парижъ!..

Двѣ стѣны домовъ громадныхъ дымной великой шахтой уходили къ дали. Свѣтлая, направо, въ солнцѣ; налѣво — темная, прохладная, въ тѣняхъ лиловыхъ. А между ними, — двумя волнами, легкими, сквозными, зеленоватымъ дымомъ, — акаціи великаго проспекта начинали распускаться, желтѣли-зеленѣли пухомъ. Въ самой дали дымило и блистало, громоздилось: дворецъ ли, Ангелъ ли Побѣды на колоннѣ, башня?..

Бураевъ помнилъ: „съ вокзала прямо въ métro подъ землю“. Онъ прочиталъ — „Метро“. Но на землѣ такъ было свѣтло, солнечно-весенне, бойко, такъ манилъ просторъ проспекта, — а слѣва церковь, черная, старинная, рѣзная, какъ игрушка, въ колокольняхъ, въ стрѣлкахъ, изъ-за угла глядѣла, — St-Laurent, — такъ захватило новымъ, что онъ не захотѣлъ подъ землю: натомился въ шахтахъ. Онъ осмотрѣлся и пошелъ, довольный, возбужденный, по смытому асфальту, еще дымившемуся теплымъ паромъ, солнцемъ. Въ акаціяхъ кричали воробьи, весенніе, возились подъ деревьями въ рѣшеткахъ, путались въ ногахъ безстрашно.

— Чудесно! Какой... Парижъ!

Столько было въ этомъ гордомъ словѣ, весенне-звучномъ!

Встрѣчными струями текли такси, трамваи, автобусы; мальчишки въ нихъ юлили — мчали ящики на трехколескахъ, фартуки мотались бѣлымъ, синимъ; громыхали грузно грузовики; громадныя подводы шли за богатырскими конями-чудомъ, въ сіяньи мѣди, въ бляхахъ, въ звонѣ, въ грохотѣ и дрожи мостовой, подъ дребезжанье стеколъ. Крылатые ажаны-франты, черноусые румяные красавцы, властно грозили бѣлой скалкой, давали знаки, какъ дири-

жеры этого оркестра-гона. Блеклыми огнями хрустально золотились, зеленѣли, розово свѣтились на углахъ карнизы синема, — забыли потушить ихъ, что ли, или на огонь такъ щедры? Влажные цвѣты, въ корзинахъ, на столикахъ, съ тельжекъ, — сіяли утромъ, розовой гвоздикой, золотымъ нарциссомъ, снѣжнымъ, бархатной фіалкой сладкой, вѣтками сирени, давно забытой, говорившей сердцу. Такъ все было свѣтло, такъ упоительно ласкало, послѣ черной шахты, послѣ годовъ метанья. Въ глазахъ мелькало, звало.

Бураевъ натыкался на прохожихъ.

— А... pardon!..

То и дѣло слышалъ:

— Tiens, un cosaque!..

— Ça doit être un numéro celui-là!

— Ah, quel beau gaillard!..

Бураевъ зналъ языкъ не хуже этихъ, понималъ всѣ шутки, всѣ усмѣшки:

— Ce garçon-ci en a vu de toutes les couleurs!

— Ces cosaques-vagabonds qui battent nos pavés!..

Шли навстрѣчу, засматривали сбоку, снизу, — онъ былъ высокій, — текли, мелькали. Онъ проявлялся на витринахъ, на зеркальцахъ — полоскахъ. Прыгала его кубанка по шелкамъ, по тортамъ; потертая его черкеска проплывала по эталяжамъ кружевъ, цвѣтовъ, сверканій, мазала полами. Струились мимо подкрашенные губы, подведенные глаза, улыбки, зубки, — онъ ихъ давно не видѣлъ! — розовыя лица въ пудрѣ, открытыя апрѣлю шея, ямочки на подбородкахъ, щечкахъ, въ смѣхѣ; бойкіе глаза модистокъ, каблучки, общелкнутыя бедра, подолы, подвязки, раздѣтыя чулочнымъ шелкомъ ноги, картонки въ пляскѣ, котелки, усы, солдаты голубые. молодчики у лавокъ; нѣжнаго салата груды, полѣнья-хлѣбы, подмости съ пустоглазыми сырами, съ розсыпью яицъ, ракушекъ, розовыхъ креветокъ; пахнуція моремъ рыбы въ травкѣ, румяныя лангусты, апельсины, финики, ряды куриныхъ лапокъ, лимонно-желтыхъ, мяса на кружевной бумагѣ, въ бантахъ; сырки, сардинки, мандарины, фиги, бутылки всякія... — въ глазахъ рябило. За зеркалами стѣнъ — гостинныя съ

коврами, камины, канделябры, лампы. Дѣвственныя дамы полулежали на кушеткахъ, держали чашечки, оставивъ пальчикъ, устремивши взглядъ на кончикъ туфли, на потолокъ, на плечико сосѣдки; стояли томно у камина, откинувъ шейку, разглядывая на плечѣ повязку, закинувъ руки, вытянувъ въ шикарномъ жестѣ, — всѣ — въ прозрачныхъ платьяхъ, въ сквозныхъ рубашечкахъ, всѣ — съ голыми плечами, голыми ногами, голыми — чѣмъ можно, показывали бедра, груди, комбинэзоны, икры, мягкіе корсеты, ляжки, — ласкали, привлекали. Спальни манили тишиной уюта, сладкой силой, мощностью кровати, ея раздольемъ, приглашали возлечь на шелкѣ, на кружевахъ, на плюшѣ, розовато-серебристомъ; свѣтились полусвѣтомъ, голубоватой, розоватой тайной...

Онъ прошелъ и спальни, и салоны; прошагалъ коврами, кружевами, черезъ фарфоръ, хрусталь и бронзу, не зацѣпивъ, не смявъ, безшумно. Рядами возносились на хрустальныхъ полкахъ бисквиты, торты, пирожки, пти-фуры. *Paix d'érise* — бурья ковриги, громоздились штабелями балокъ, дразнили миндалями, свѣжимъ срѣзомъ. Уголь, дурманнй уголь, покоился въ хрустальныхъ вазахъ, полѣнья отражались зеркалами, золото сіяло по стѣнамъ, давило въ стекла. Тамъ и тамъ, куда ни глянешь, все искушало сладостью соблазна. Столики кафэ сіяли мраморомъ и мѣдью, флаконами съ цвѣтнымъ и сладкимъ. Лакеи, съ салфетками у локтя, у бедра, дремали на углахъ, на солнцѣ, оставивъ ногу, — набирались силы. Ряды и вѣера газетъ, журналовъ, — кричали со всего земного шара. По стѣнамъ, на крышахъ, орали вывѣски-плакаты. Бураевъ хорошо запомнилъ: стѣну изъ кирпича, въ потекахъ копоты, плакатъ подъ крышу, — по голубому полю блѣдная рука совала пальцемъ, книзу, — *Hôtel Brady*. Прочель и усмѣхнулся: „вѣрно, броди... какъ разъ!“

Шелъ, какъ на парадѣ: всѣ на него смотрѣли. Мальчишка, разукрашенный шнурками, съ пачкой писемъ, шелъ передъ нимъ на пяткахъ, глазѣлъ, какъ на слона, шепталъ протяжно: — *Oho... Quel type!*

Забѣгалъ сбоку, любовался сзади.

Бураевъ былъ конфузливъ. Общее вниманье его смущало, возбуждало, злило. Сжавъ губы, онъ шагаль и думаль: „да, мы теперь другіе, смѣшныя, досадныя... бродяги, гранимъ панели! а когда-то были нужны, желанныя...“

Въ узкихъ зеркальцахъ-простѣнкахъ онъ видѣлъ мелькомъ стройную свою фигуру, съ газырями, съ тонкой тальей, странную такую здѣсь кубанку надъ блѣднымъ лбомъ, размашистыя полы черкески вольной, сѣрое лицо съ поджатыми губами, въ рѣзкихъ складкахъ, круглыя глаза, степныя, усталыя, съ накальцемъ отъ ночей бессонныхъ, — удивился, какіе они стали, запавшіе, совсѣмъ другіе! — острый носъ, съ горбинкой, ставшій еще длиннѣе, проваленныя щеки, съ рѣзкими чертами отъ ноздрей къ губамъ, горькими чертами бездорожья, сѣрыя отъ угля, небритыя, — видъ не по мѣсту дикій. Бросилось въ глаза, какъ смотритъ полицейскій, поднявши подъ крылаткой плечи, руки въ бедра, румяный, сытый.

— На, гляди... со-юзникъ! — бросилъ онъ сквозь зубы, смотря въ упоръ. — Документикъ спросишь... союзникъ?..

Полицейскій отвелъ глаза, зѣвнулъ. Бураевъ усмѣхнулся. Въ немъ забилась гордость, сознание несдавшей силы. Остановился на проѣздѣ, оглянулся...

Надъ нѣжной зеленью деревьевъ, далеко, на дымно-голубомъ просторѣ, на гребешкѣ фронтона „Gare de l'Est“, надъ полукружіемъ розетки, грузно возсѣдала темная фигура, въ коронѣ, съ жезломъ въ одной рукѣ, съ ключомъ въ другой, прямая, крѣпкая. Онъ что-то помнилъ?.. что-то означало это... что-то — Страсбургъ?.. Онъ долго на нее смотрѣлъ, старался вспомнить. Она глядѣла въ шахту домовъ-громадь, въ пролетъ Парижа, въ дымное мерцанье дали. Gare de l'Est! Онъ вспомнилъ.

„Страсбургъ на востокъ... о Востокъ помни!“ Вонъ что!.. И я — съ Востока, съ „Восточнаго Вокзала“, съ Gare de l'Est!.. „Помни — о Востокѣ!..“

„Помнили о ни...“ — подумаль онъ. — „Свое вернули, живутъ. Теперь не надо помнить... о Востокѣ. Побѣдоносно смотреть, спокойная“.

Нестерпимо слѣпили стекла. Надъ пламенемъ она сидѣла.

Бураевъ отвернулся, пошелъ.

Медленно ступая, шагъ за шагомъ, какъ на прогулкѣ, шель передъ нимъ почтенный господинъ, покойный, элегантный, въ котелкѣ весеннемъ, новомъ, въ свѣжемъ пальто, въ обтяжку, въ палевыхъ перчаткахъ, съ тростью въ серебряныхъ потекахъ. Приостановился, поглядѣлъ въ деревья, на воробьевъ, вертѣвшихся въ рѣшеткѣ, вынулъ изъ бумажки крошки, сталъ бросать, залюбовался. Бураевъ тоже приостановился, вспомнивъ, какъ дѣдъ когда-то, такой же элегантный, надушенный, въ серебряной бородкѣ, въ шарфикѣ, въ пенснэ, такъ же вотъ гулялъ неспѣшно по Невскому Проспекту, въ Лѣтнемъ Саду сидѣлъ и такъ же наблюдалъ воробушковъ, кидалъ имъ крошки. Такъ же зеленѣли первые листочки, тамъ. И захотѣлось говорить, спросить, услышать голосъ. Онъ подошелъ учтиво, взялъ подъ кубанку:

— Простите, сударь...

Онъ замѣтилъ, какъ выпрямился парижанинъ, окинулъ взглядомъ, насторожился... но сказалъ вѣжливо и даже мягко:

— Пожалуйста, что вамъ угодно?..

Бураевъ вѣжливо склонился:

— Скажите... эта статуя на фронтонѣ вокзала, надъ полурозеткой... статуя Страсбурга?..

Румяно-серебристое лицо француза освѣтилось горделивой лаской:

— Да, сударь, это статуя Страсбурга! Ключъ, жезлъ... символъ хозяйской власти. Страсбургъ снова нашъ, и навсегда! — сказалъ онъ, ткнувъ въ рѣшетку тростью. — Простите, вы... полякъ? или, судя по платью... казакъ?.. — онъ чуть пожалъ плечами. — Но говорите, какъ настоящій парижанинъ?..

Бураева хлестнуло; полыхнуло въ щеки. Онъ выпрямился, усмѣхнулся.

— Простите... племени „cosaque“ нѣтъ, сударь. Есть — русский. Правда, теперь..! Но я имѣю честь быть рус-

скимъ! — сказалъ онъ гордо. — А это — казачья форма императорской россійской арміи, которая дралась въ Восточной Пруссіи, въ сентябрьскіе дни четырнадцатаго года... въ *тѣ* дни... Мира съ врагомъ не заключала... осталась вѣрной чести!.. — прибавилъ онъ съ нажимомъ.

Почтенный господинъ замялся.

— Простите... я хотѣлъ сказать... вы такъ прекрасно..?

Бураевъ поклонился, извинился. Пошелъ смущенный.

„Чортовы какіе нервы... все цѣпляетъ! Любезный человекъ, своимъ гордится... и имѣетъ право. „По-лякъ!..“ Не ожидалъ, чудакъ...“

Бураевъ шель, оглядывая силу, красоту, богатство.

„Нравственность народовъ... У стихіи — какая нравственность! А мы-то вѣрили!.. За науку платятъ. Будемъ знать“.

Крылатый полицейскій смотрѣлъ отъ фонаря, переминался. Но смотрѣлъ лѣнливо, равнодушно.

„Все забыто“, — раздумывалъ Бураевъ, чувствуя, какъ понываетъ подъ ключицей, треть фуфайкой. — „Да... если бы не ринулись *тогда*... было бы совсѣмъ другое. И я бы не пріѣхалъ такъ...“ — скользнулъ онъ по обшарпанной черкескѣ, — „не пришлось бы молить о визѣ, представлять фиктивные бумажки, что обезпечена работа... бѣгать волкомъ, съ гумбиненскимъ шрамомъ!..“

— Мсье, цвѣты! послѣднія мимозы, мсье?.. Два франка!

Вертявая, худая, чернявая дѣвица совала въ лицо Бураеву пучокъ мимозы нѣжной, въ пушинкахъ золотистыхъ. Неуловимо-тонкій запахъ, далекій, съ дѣтства, вспомнился ему: такъ, бывало, сладковато пахло свѣжей булкой, теплымъ молокомъ... мыломъ какимъ-то дѣтскимъ? Такъ и вспорхнуло сердце, до слезъ смутило. Живые каріе глаза дѣвицы играли лаской, милое лицо — улыбкой. Смотрѣла — будто подарить хотѣла. Онъ остановился, но... отказался, не найдя слова, ссутулился, пожалъ плечами, весь смутился.

— Для васъ за франкъ, мсье!.. — услышалъ онъ по-

спѣшный окликъ и уловилъ въ немъ что-то, нужное ему такое, — ласку?

Стало стыдно, будто и ее обидѣлъ, убѣгаетъ. Не оглянулся. И стало жутко-стыдно, когда подумалъ, что рубахи нѣтъ на тѣлѣ. Цвѣты... Если бы заглянула подъ черкеску. А если бы все знала..!

Теперь онъ слышалъ, какъ оглушительно гремѣли по асфальту „броненосцы“, подбитые шипами англійскіе его штиблеты. Мѣрили грязи Приднѣпровья, солончаки Сиваша, Перекопъ, стучали по плитамъ Константинополя, по галлиполійскимъ камнямъ, по горамъ болгарскимъ. Отдохнули въ шахтахъ, смѣнились постолами, подъ нарами дремали, въ земляной казармѣ. Теперь гуляютъ — *chic parisien!* Видѣлъ ихъ порыжѣвшіе носы, загнувшіеся кверху. Чувствовалъ, какъ жметъ рубецъ заплатки, жжетъ тряпками мозоли, зашибы въ шахтѣ. Представилъ свою „изнанку“: кальсоны въ дыркахъ, ползутъ, лѣвая оторвалась дорогой, крутится въ колѣнкѣ, итти неловко. Что за подлость! Куда-нибудь зайти, поправить?

Но шелъ онъ твердо. Черно-оранжевая ленточка затерлась, угасала, но укрѣпляла оправданіемъ: было! Сорокъ франковъ — на „весь Парижъ“! Идетъ къ такому же, какъ онъ, полковнику... сторожемъ гаража гдѣ-то, на Montrouge, у чорта на-куличкахъ, черезъ весь Парижъ.

„Молодецъ полковникъ! Шутить: Mont-Blanc-то подѣнилъ я, братъ, Mont-Rouge'емъ!“ Острякъ.

Сторожемъ гаража... И сразу — померкъ Парижъ, и завертѣлось мутью. Не думая — зачѣмъ, остановился у витрины. Высились варенья банки, стеклянная гора варенья. Онъ посмотрѣлъ на стекла, и черезъ всѣ глядѣло на него лицо, другое, поднятое на дорогахъ, въ чернѣющихъ еще морщинкахъ, съ шахты, въ вѣдкой пыли, — жесткое лицо шахтера. Онъ посмотрѣлъ на пальцы. Съ чернѣющими нитями на сгибахъ, въ копоти, прорвавшей кожу, въ каемкахъ подъ ногтями, по оваламъ, въ сизо-багровыхъ сшибахъ... И все же — родовыя были руки, красивой формы, какъ новыя перчатки.

„Дикое лицо какое!“ — подумалъ онъ, встряхнулся и пошелъ быстрѣе. — „А, плевать. Все видѣлъ, ничего теперь не страшно“.

„Взято хорошо!“ — подумалъ онъ, смотря туда, сюда, въ прорѣзъ великаго проспекта. — Страсбургъ, Побѣда, даль“...

Поглядѣлъ назадъ.

Темная фигура едва виднѣлась на фронтонѣ; сидѣла, какъ на кострѣ: подъ ней пылало.

Декабрь, 1925 г. Парижъ.

ПѢСНЯ

Поѣздъ métro выкатился изъ-подъ земли на волю, и сѣкущая гремь желѣза смѣнилась глубокимъ гуломъ. Пошла эстакада надъ Парижемъ.

Дождливо, мутно смотрѣлъ Парижъ: тонкія его дали скрылись, мыльно мутнѣлась Сена; черныя голыя деревья тонули рядами въ мути, смутно выпучивался куполь, тяжелый, темный, похожий на Исакій; дымнымъ гвоздемъ подъ небо высилась башня Эйфель, тянулась въ тучи. Въ косыхъ полосахъ дождя грязно чернѣли крыши, бѣжали глухія стѣны, висли на нихъ плакаты, — пухлый, голый, смѣющийся во весь ротъ мальчишка, зеленая, съ домъ, бутылка, рожа въ заломленномъ цилиндрѣ, сующая въ ротъ бисквиты, танцовщица на ребрѣ бокала, — кричали, пропадали. Черной водой струились внизу асфальты, стегало по нимъ ливнемъ; бѣжали зонты и шляпы; подпрыгивали, какъ заводные, автомобили въ брызгахъ, наскакивали, заминались. Тучи несло по крышамъ, хлестало, поливало. И вдругъ — прорывалось солнце, струилось въ лужахъ, дрожало на дали искрой, сіяло рельсомъ, стекломъ, автомобилемъ, озябшими цвѣтами на телѣжкѣ, — и пропадало въ ливнѣ. Шла обычная мартовская игра, — вѣтра, дождя и солнца, — капризная „giboulée de mars“.

Но и въ этотъ ненастный день Парижъ былъ тотъ же Парижъ — живой, торопливый въ мѣру, навѣки заведенный. Въ эту мартовскую игру онъ казался даже еще живѣе. Гуще клубились трубы. Въ черныхъ затекшихъ окнахъ несрочно вспыхивали огни и гасли. Брызгая бѣшено на лужахъ, гнали во-всю шоферы, крѣпче защелки-

вались дверцы, страшно ревѣли автобусы. Все спѣшило, сталкивалось зонтами, прихватывало шляпы, прыгало-шлепало по лужамъ, махало равнодушному шоферу, совалось въ подворотни, отряхивалось, пережидало. Вѣтеръ гудѣлъ столбами, гремѣлъ желѣзомъ, срывалъ и гонялъ шляпы; ливень поролъ по лужамъ, обрывался, — сверкало солнцемъ. Опять бѣжали, толкались, извинялись:

— Эта ужасная погода!..

Было уже за полдень — урочный, священный часъ, когда цѣлый Парижъ спѣшитъ по домамъ обѣдать.

Поѣздъ вкатилъ подъ своды „La-Motte-Picquet“, выбросилъ кучи люда, забралъ другія и покатился дальше. Толпа запрудила коридоры, топталась, порывалась, сыпалась чернотою съ лѣстницъ, крутилась на площадкахъ. „La-Motte-Picquet“ — большая остановка; встрѣчаются эстакада и подземка, всегда здѣсь людно. Но въ эту ненастную погоду, когда подгоняетъ ливнемъ, здѣсь была подлинная давка, встрѣча людскихъ потоковъ: одинъ катился отъ „Étoile“, другой, широкій, — отъ „Oréga“, съ подземки, и третій — съ воли. Сливались они къ площадкѣ, вровень съ асфальтомъ улицъ. Сверху гремѣла эстакада, съ улицъ несло гудками, хлестало изъ-за рѣшетки ливнемъ. Мутныя свай эстакады темнѣли коридоромъ, тянулись пустой аллеей, пропадали. Было видно, какъ прятались подъ столбами люди, вытягивали шеи, выжидали.

И вотъ, прорывая гулы, гудки и ливень, гдѣ-то запѣли пѣсню. Такъ это странно было, такъ неожиданно.

Толпа тѣснилась, давила, заминалась. Пѣсня?..

Глухо гремѣла эстакада, катила чугунными шарами, — будто играли въ кегли, — ревѣли гудки моторовъ, стегало ливнемъ. Но слабая пѣсня пробивалась. Тонко наигрывала флейта, звенѣла мандолина, тянула віолончель надрывно, ворчали басы гармоньи, и всѣхъ сливала, нѣжно ласкалась пѣсня, — гдѣ-то близко.

Это бродячіе артисты пѣли. Пѣли они подъ эстакадой, за рѣшеткой: сбило ихъ сюда ливнемъ.

Толпа валила, спускалась, поднималась, но въ ней пробѣгали струйки, текли поперекъ теченья, лились къ рѣ-

шеткѣ, глядѣли черезъ прутья. Толпа ворчала, слышались выкрики спѣшившихъ:

— Да проходите, чего вы стали?..

— Позвольте... куда вы прете?!..

Валились на рѣшетку, напирали. Глядѣли черезъ спины. Конечно,—бродячіе артисты, обычный квартетъ предметій, быстро, трактировъ, скромныхъ кафэ и нешумныхъ улицъ.

Но что же они пѣли?

Свое, понятно, которое всѣмъ извѣстно. Они раздавали ноты, приглашали прохожихъ—пойте. Кто желаетъ—беретъ, даетъ сантимы; ноты можетъ себѣ оставить. Музыканты ничего не просятъ, а только предлггають: пойте! Красиво, гордо.

Музыканты, пѣсни... — всякій слыхаль и знаетъ.

— Да проходите!..

Пробирались черезъ толпу къ рѣшеткѣ. Новая, какъ будто, пѣсня? Каждый день музыканты сочиняють, кладутъ на ноты.

Не новая была пѣсня: ходили измятые листочки, отданные назадъ артистамъ: продадите. Но то, какъ пѣли, — должно быть, казалось новымъ: листочки охотно брали. Или эта ужасная погода, пустая аллея эстакады, подъ гуль и грохоть, подъ жесткій припѣвъ желѣза, — дѣлали эту пѣсню новой? Многіе напѣвали подъ-сурдинку, прильнувъ къ рѣшеткѣ, всматриваясь въ желѣзную аллею, въ деревья-сваи, бѣжавшія въ даль столбами. Пѣли — глядѣли въ своды, гдѣ черныя балки-скрѣпы глядѣли на нихъ болтами.

Грустью томилась пѣсня. Невеселы были и артисты: ходить по такой погодѣ — веселаго немного. Что ихъ толкнуло въ жизни, сказало — пойте — ? Бродяжный ли духъ артиста, которому повсюду тѣсно, который живетъ на волѣ; или судьба скупая: ходите, пойте — ?

Пятеро было музыкантовъ. Стояли они лицомъ въ „аллею“, къ рѣдкимъ прохожимъ, укывшимся отъ дождя подъ своды. Такъ было и удобнѣй — пѣть и играть по вѣтру.

Впереди стоялъ, по виду, глава оркестра, брюнетъ,

худощавый, стройный, въ темномъ пальто, съ воротникомъ изъ мѣха, смокшаго на дождѣ, со звѣздочками проплѣшинь, изъ того мѣха, что зовется у скорняковъ — „собачій бобрискъ“. На лѣвомъ борту, въ петлицѣ, свѣтлѣлась какая-то полоска, — военный орденъ? Лицо брюнета было благородно, тонко, въ пенснэ въ роговой оправѣ, въ остренькой, съ просѣдью, бородкѣ. Мягкая шляпа, лодкой, крахмальный воротничокъ, серебристое шелковое кашнэ враскрышку, пальто, — все было свѣже, чисто, красиво даже. Его можно было принять за адвоката, за артиста. По тому, какъ обращалась къ нему пѣвица, какъ слѣдили за его флейтой музыканты, можно было судить, что его очень уважаютъ. Онъ стоялъ прямо, неподвижно-прямо, и лицо его было неподвижно, сторожко, напряженно. Оно было чуть поднято, смотрѣло поперехъ движенья, какъ смотрятъ прислушивающіеся или слѣпые люди. Въ перерывѣ пѣсни онъ уронилъ платокъ и опустился прямо, стараясь его нащупать. Ему подняли, и онъ по-военному, четко, коснулся шляпы. Дымныя стекла его пенснэ скрывали какіе-нибудь жуткіе изъяны.

Игравшій на виолончели сидѣлъ на походномъ стулѣ. Этотъ былъ жалкаго вида, въ виксатиновой курткѣ гороховаго тона, очень худой и, должно быть, очень большого роста; онъ согнулся въ дугу надъ инструментомъ и такъ ковырялъ смычкомъ, „рылъ землю“, что ходили бугры его лопатокъ, и извивалась шея. Лицо его было совсѣмъ подъ шляпой. И у него была чѣмъ-то украшена петлица.

Гармонистъ былъ круглый, съ одутлымъ сизымъ лицомъ, съ черными усиками „въ мушку“, съ большимъ животомъ, мѣшавшимъ ему въ работѣ. Онъ сидѣлъ на футлярѣ отъ гармоньи, очень низко, вытянувъ ноги въ крагахъ. По щегольской когда-то его курткѣ съ нашитыми жгутами болталась блестящая цѣпочка съ жетонами-брелками, какъ и у нашихъ, бывало, гармонистовъ. Многорядная гармонья, въ звонкахъ и блескахъ, стояла на раздвинутыхъ колѣняхъ, слѣдуя ихъ движенью, и подавала басомъ — ррам... ррам..., — вступая, когда нужно. Что-то сѣрѣло и у него въ петлицѣ.

Четвертый, мандолинистъ, былъ крѣпкій и краснощекій, залихватскій малый, веселый, — даже въ эту ужасную погоду. Кровь его хорошо играла, чуть ли не жарко ему было: онъ былъ въ одномъ пиджакѣ, особенно какъ-то лихо на немъ сидѣвшемъ, притершемся къ его тѣлу, съ отвисшими, — а, плевать! — будто носилъ въ нихъ камни, карманами, изъ которыхъ совсѣмъ по домашнему торчали скаковыя афишки, круасанъ, трубка, и мотался ухомъ чернѣй чехоль отъ мандолины. Онъ игралъ — раскачивался въ разливѣ пѣсни, закинувъ голову, словно вызванивалъ гдѣ-нибудь подъ прекраснымъ небомъ, и чудесныя звѣзды сіяли ему подъ серенаду. Онъ стоялъ, выставивъ одну ногу, подавшись на другую, раскачивался на ней, весь, какъ-будто, уходилъ въ пѣсню, бойко окидывалъ черными глазами, подмигивалъ гармоньѣ, віолончели, вѣтру, — лихо?.. — и весело колупалъ по струнамъ, совсѣмъ небрежно. И только послѣ, когда кончилась пѣсня мандолины, можно было понять, что этотъ веселый мальчѣ — совсѣмъ калѣка: выставленная нога такъ и осталась неподвижной.

Пятой — была высокая, сухопарая пѣвица, съ вытянутымъ лицомъ, въ которомъ пробѣгало испуганное что-то, птичье, — съ крупными, выпиравшими зубами, которыхъ не покрывали губы. Короткое пальтецо на ней моталось, моталась и тощая горжетка, съ колючей мордой какого-то звѣрушки. Пѣвица раздавала ноты, получала франки и сантимы и, получая, пѣла.

Но что же они пѣли?

Флейта томилась грустью, выпѣвала нѣжно. Мандолина вызванивала томно, словно напоминала что-то. Віолончель дрожала, ласкалась страстно, замирала въ упоеньи. Гармонья утверждала: правда... правда... *c'est vrai... c'est vrai...*

И чистый, высокій голосъ вырывался укоризной, болью:

„Tu m'avais promis... m'avais promis...“

„Ma vie... ma vi-i-el..“

Віолончель стонала, жалѣла флейта, истекала болью. Сопрано опять врывалось.

...„illusions perdues...

...„promesses... pas accomplies!..

Стоявшій прямо, слѣпой, смотрѣлъ въ „аллею“. Тамъ столбы бѣжали, сливались въ мути. Но флейта напѣвала нѣжно, манила въ дали, гдѣ — небо голубое, гдѣ — „море, какъ глаза твои, синѣтъ... и острова, волшебными цвѣтами, какъ поцѣлуй губъ твоихъ прелестныхъ“... гдѣ — „музыка звучитъ и дни, и ночи...“

Сопрано, мандолина — подпѣвали:

„Глаза мои — мерцающія звѣзды...

„Пойдемъ со мною,

„Пойдемъ со мно-о-ю...

Виолончель вступала, глухимъ укоромъ:

„Ты обѣщала... Ты обѣща-а-ла, жи-и-изнь...

Игравшаго не видно было: голова его склонилась, моталась шляпа. Онъ ковырялъ смычкомъ, тянулъ изъ инструмента жилы. Ерзали его лопатки, крутилась шея.

Сопрано, лицомъ подъ эстакаду, укоряло:

„...Tu m'avais promis... m'avais promis...

„Ma vie... ma vi-i-iel..

Стояли плотно, давили на рѣшетку, колыхались. Подпѣвали глухо. Обычная толпа метро — рабочіе въ каскеткахъ, мишинетки, мелкіе торговцы, машинистки, посыльные, солдаты, клерки, чиновники, многіе съ полосками въ петлицахъ — бывшіе солдаты, — плотный слой Парижа. Выше другихъ стоялъ гвардеецъ въ каскѣ, въ черно-красной гривѣ, гудѣлъ въ листочекъ. На темномъ фонѣ, притиснутые къ прутьямъ, такъ что выпирали вздутки, желтѣли двое. Сразу ихъ признаешь — пятна молочной грязи, „союзныя шинели“, затрепанную тряпку — демикотона, что ли, — пальто биваковъ, платье черной доли, — дары бездомнымъ. Все еще они мелькаютъ, демикотонъ еще желтѣетъ по Парижу, — халаты арестантовъ, затрапезные подряски служекъ, — размахъ Европы.

Эти двое тоже внимали пѣснѣ. Лица ихъ были юны, свѣтлоглазы, тревожно-смутны.

Поѣзда катили; гудѣла эстакада издалѣка, глухо, переливала въ грохотъ.

Пѣсня укоряла, билась:

„Ты общала... ты обща-а-ла, жизнь...“

Это былъ романсъ для улицъ, пѣвучій, легкой, — работа музыканта изъ мансарды, — легко запоминался. Но странно: музыканты исполняли необычайно ярко. Ихъ подтянуло, захватило что-то. Необычность мѣста, куда загнало ливнемъ, грохотъ ли желѣза сверху, мертвая „аллея“ эстакады, давка? Толпа „несетъ“ артистовъ. Или — погода затомила душу?..

Пѣсня захватила.

Слушали съ волненьемъ; было по лицамъ видно, какъ забирали звуки. Уже не романсъ былъ это, печально-сладкій: рождалась пѣсня, являлась откровеньемъ, прозрѣваньемъ, кричала болью, пѣла о томъ, что близко, страшно близко, что движетъ жизнью. Вдругъ остановила и открыла. Стояли и внимали: счастье невозможно, надежды тщетны... общанья, дали, цвѣты волшебные, мерцающія звѣзды, поцѣлуи губъ манящихъ... —

„...illusions perdues...“

„...promesses... pas accomplies!..“

Жизнь обманула, сойдетъ впустую...

Смотрѣли въ эстакаду, давили на рѣшетку. Глаза вбирали: правда, правда.

Басы хрипѣли:

„C'est vrai... c'est vrai...“

Быть можетъ, преображенной пѣснью пріоткрылось — что росточкомъ дремлетъ, мерцаетъ въ каждомъ? что стоитъ загадкой, томить поэтовъ, опаляетъ душу, томить ризгадкой? что было изначала слова-чувства — сознание обреченности безсрочной?..

Это было въ пѣснѣ.

Слѣпой стоялъ недвижно, глядѣлъ надъ всѣми. Рука его дрожала, съ флейтой. Веселый дернулъ мандолиной, опустилъ къ ногѣ и слушалъ.

Кончалась пѣсня. Голоса стихали. Осталось трое. Голосъ сорвался воплемъ:

„...pas accomplies..!“

Виолончель тянула, умирала... — рlоnn!.. — лопнула струна. Гармонья приглушенными басами еще хрипѣла...

Пѣсня кончилась. Молчали, словно ожидали — дальше. Кто-то крикнулъ — bravo! Захлопали, зашевелились, вынимали деньги. Въ желтыхъ пальто, стояли у рѣшетки, ждали. Одинъ сказалъ пѣвицѣ, путая словами:

— Мадамъ, донэ... сэ нотъ... пуръ ну... напамять!

Пѣвица сунула листочекъ, усмѣхнулась. Сказавшій четко приложился къ шляпѣ.

Эстакада громыхала рѣже. Стало посвободнѣй, но публика еще валила съ лѣстницъ. Дождь рѣдѣлъ. Солнце хотѣло выглянуть. Передній что-то сказалъ. Пѣвица взяла „тарелки“. Малый встряхнулся, звякнулъ мандолиной, мотнулъ гармоньѣ. Виолончель наставила смычокъ, — и грянули. „Марсельезу“ заиграли.

Толпа сомкнулась, подхватила дружно. Нотъ не надо: слова и звуки знали съ дѣтства, — о родинѣ. Наваждение слетѣло. Подъ ногами была земля, своя, родная. Пропала эстакада со столбами, гулъ и громыханье. Бѣшено играли артисты улицъ! „Тарелки“ оглушали, бились въ дребезгъ; виолончель взрывалась; свистѣла флейта; гармонья извивалась брюхомъ; мандолина... Малый вертѣлся на ногѣ волчкомъ, другая двинулась въ походъ, стучала пяткой. Топотали, свистали, прыгали, сбѣгая съ лѣстницъ; бухалъ ящикъ, стучали кастаньеты, — ключами выбивали по рѣшеткѣ.

И стало ярко.

Солнце смѣялось окнами напротивъ, сверкало въ лужахъ, на бѣшеныхъ „тарелкахъ“, на гармонистѣ, на его гармоньѣ, въ звонкахъ и блескахъ, на рѣшеткахъ. На губахъ трубили, — легко бѣжалось.

Музыканты двинулись въ бистро, черезъ дорогу.
Можно теперъ и выпить: погода, и заработали недурно.

Двое, въ желтыхъ пальто, пошли плечо къ плечу.
Остановились: автомобили запрудили ходъ.

— А лихо это у нихъ вышло! — сказалъ одинъ.

— Еще бы, свое!..

Брызнуло опять, и завертѣло.

Постояли, поглядѣли туда, сюда...

— Ну, allons...

Пошли куда-то.

Октябрь 1925 г.

Ланды.

ПТИЦЫ

На песчаных холмахъ, у океана, я съ удивленіемъ встрѣчалъ рыжіе шалаши, изъ сосновыхъ вѣтвей, очень покое на наши, откуда-нибудь съ Оки, — временное жилище плотогоновъ, маячниковъ и луговыхъ сторожей.

Идешь по сыпучему песку, поросшему кое-гдѣ колочкой и жесткой травкой, завидишь такой шалашъ, — и грустью захватитъ сердце. Пусто на океанѣ, глухо по побережью, и пусть шалашъ; посвистываетъ въ щеляхъ тутимъ океанскимъ вѣтромъ, звенитъ по сухой хвоѣ. Иногда торчитъ надъ шалашомъ вѣшка, — и кажется, что высунется вотъ-вотъ лысая голова никому ненужнаго старика, состоящаго при лугахъ, съ Господней помощью охранителя многоверстной поймы, или выглянуть лохмы калужскаго плотогона, прихваченныя мочалочкой. И вспомнится ярко-ярко, какъ пахнетъ еловой гарью, махоркой и чернымъ хлѣбомъ. Позваниваетъ вѣтромъ, океанъ тяжело шлепаетъ волною, взмываетъ пустой песокъ, — а въ памяти проступаютъ — спокойные свѣтлые глаза, мягкая русая бородка, тяжелая рубаха, скатавшаяся на воротъ, загорѣвшая дочерна грудь, крестикъ на бечевкѣ... Вспомнишь даже, какъ вякаетъ назойливая собаченка, безродной русской породы, Жучка или Волчокъ, всегда голодная, но крѣпко преданная хозяину въ его бездомной жизни.

Нѣтъ, эти шалаши — не наши, не для жилья: это тайникъ - засада, для птицелововъ. Здѣсь, побережемъ океана, проходитъ невидимая дорога, извѣчный путь осенняго перелетптицъ.

Съ сѣвера и востока, съ родимыхъ мѣстъ, гонимыя

холодами и непогодой, тянуть онѣ за солнцемъ, обходить Пиренеи, къ югу... И вотъ, тихіе шалаши, знакомые бѣднымъ птицамъ, — быть можетъ, нежданная, радостная встрѣча, уже забытое и вдругъ возставшее на пути?.. Кто знаетъ!.. Чужой и грозный, океанъ шумитъ глухо, пугаетъ темнѣющею далью. И вдругъ, усталый птичій глазокъ примѣтитъ вдали знакомое: поле, кустики, шалаши...

Я никогда не думалъ, что ихъ такъ много, далекихъ — близкихъ, родимыхъ птицъ; что милыя наши коноплянки, овсянки, славки, малиновки, соловьи, жаворонки... — эта веселая, звонкая птичья мелочь, которую нашъ народъ помѣтилъ ласковыми словами, кому-то несеть доходъ!..

— Подходить веселенькая пора, мосье... — говоритъ Ружэ, плотный немолодой французъ, съ горячими темными глазами, вправляя въ штаны вылѣзшую рубашку.

На его крѣпкомъ, словно налитомъ мѣдью, лицѣ крупныя капли пота: онъ весь вспотѣлъ, яро выпальвая цапкой широкую площадку на луговинѣ, но глаза его свѣтятся азартомъ.

— Да, мосье Ружэ. Если осень погожая, чудесно. Собираетесь что-то сѣять?..

— Не сѣять, а собирать, мосье. Это лучше будетъ, не правда ли?!

Онъ плутовато подмигиваетъ и крѣпче подтягиваетъ ремешкомъ штаны.

— Начинается пролетъ птичекъ! Летятъ милліоны ихъ... кюблянъ, ортолянъ, линотъ, сипо... Но это все мелочишка. Вотъ когда полетитъ доходъ... десять су за штучку...!

— А это..?

— Алюзэтъ, мосье! А по-вашему..? А, жа... вѣрѣнки... За нихъ пла-тятъ! Бордо, Парижъ... Это очень тонкое кушанье... тррэ бонъ! Особенно, головки. И грудки, и горлышки, но... головки..!

Когда полетятъ жаворонки..!

Я узнаю, что жаворонки, овсянки, коноплянки, трясугузки... — вся пернатая мелюзга милліонами таетъ по берегу, что птичками можно заработать на всю зиму.

— И это будетъ тянуться... два мѣсяца! На это время

я всегда бросаю свою штукатурную работу... — съ радостнымъ возбужденіемъ говоритъ Ружэ. — Одною сѣткой можно нахлопать ихъ... тысячи на двѣ франковъ! У меня двѣ площадки... вы понимаете? О, это, я вамъ скажу, золотыя птички! А когда вы попробуете головки... — онъ сочно щелкаетъ языкомъ, — тррэ бонъ!..

Каждое утро теперъ я слышу, какъ Ружэ хлопаетъ.

На луговинѣ, еще не застроенной дачами, стоитъ такой же шалашъ, какіе встрѣчалъ я на побережьи. Изъ окна я вижу гороховую блузу и сѣрую каскетку мосье Ружэ. Онъ стоитъ передъ шалашомъ, за рыжимъ щитомъ-заборомъ, и вдумчиво смотритъ въ небо. Его руки сложены на груди крестомъ. Во рту у него поблескиваетъ пищикъ. Онъ смотритъ въ синее небо съ вѣрой и упованіемъ, — на сѣверъ, откуда летятъ птицы. Порой начинаетъ насвистывать, журчатъ и пикать. Можно подумать, что Ружэ молится на небо. Можетъ быть, онъ и молится, — кто знаетъ!

Я выхожу и тоже смотрю на небо, но ничего не вижу. А Ружэ видитъ: онъ вертитъ шеей, подымаетъ лицо къ небу, трелить-журчитъ нѣжнѣ... Я жмурюсь, забываю мосье Ружэ... — жаворонокъ звенитъ въ небѣ! Я вижу голыя черныя поля, еще не обсохшія дороги... свѣтло зеленѣющіе овсы, росистые луга къ ночи... жаворонки играютъ...

Открываю глаза. Ружэ пересталъ молиться, его не видно; но надъ растянутыми сѣтями, на площадкѣ, попрыгиваютъ птички, привязанныя за хвостики. Это мосье Ружэ начинаетъ „играть птичками“. Онѣ выплясываютъ надъ сѣтью, вспархиваютъ и вертятся. Можно подумать, что онѣ счастливы: измученныя дорогой, онѣ что-то нашли на вылощенномъ току и радостно призываютъ новыхъ! Глазъ Ружэ остро видитъ: летитъ стайка. И стайка видитъ: порхаютъ птички. Выводитъ трельки мосье Ружэ; но это, конечно, щебечутъ птички... Теперъ ужъ и я вижу, какъ летаетъ стайка. Она летитъ низко, ныряетъ, мелко трепещетъ крыльями, съ знакомымъ шорохомъ воробьевъ — пырр... пырр...

Кто онѣ, въ этой стайкѣ? Онѣ такъ трепетны, такъ мелки. Онѣ пролетаютъ мимо, завинчиваютъ въ полетѣ и

опускаются на площадку... Взлетают сѣтки и накрываютъ: хлоп-хлоп!

Удачно хлопнулъ мосье Ружэ.

Онъ выбѣгаетъ изъ шалаша и принимается выдирать трепыхающіеся въ сѣтяхъ комочки. Онъ это дѣлаетъ мастерски: чуть прищипываетъ за горлышко и быстро суетъ въ карманъ. Снова раскидываетъ сѣти и — на молитву.

А онъ все летягъ.

Къ вечеру Ружэ устаегъ. Все рѣже налетаютъ стайки. Я вижу бурые вороха перья, перепутаннаго проволочками ножекъ, коготками... Я едва различаю коноплянокъ, овсянокъ; но жаворонковъ я вижу ясно.

Каждый день, съ ранняго утра, я слышу, какъ хлопаетъ на луговинѣ. А онъ все летягъ... Гонитъ ихъ съ родины ненастье, ведетъ солнце.

Я встрѣчаю всюду разбитыя ихъ стайки. Онъ пугливо таятъ въ жесткой травѣ холмовъ, по лѣснымъ опушкамъ, по виноградникамъ, по садамъ, на задворкахъ, на бульварчикѣ городка. Онъ замучены, запуганы и разбиты. И голодны. Но онъ все летягъ... Я нахожу ихъ на лѣсныхъ тропинкахъ, на камнѣ большой дороги. Онъ присаживаются на проволокахъ, на щебнѣ, по кустамъ, въ канавахъ... Я слышу, какъ пахнетъ ими, уже приготовленными для рынка.

На моей рукѣ, свѣсивъ головку, лежитъ увядшая коноплянка, буренькая, съ желтыми, словно только-что изъ-подъ лака, ножками, тонкими, какъ иголки. За ней я вижу... темныя конопля, задворки бѣдной русской деревни, кривыя риги, лохматые ометы, желтѣющія березы, ухабистыя дороги, дождь... Все это было за бѣловатой пленкой, въ бусинкахъ живыхъ глазъ, недавно все это видѣвшихъ и все донесшихъ сюда, — до смерти.

Я стою на голыхъ холмахъ песку, на океанскомъ вѣтрѣ, и съ щемящей тоской смотрю на знакомыя шалаша. Чужая земля, чужіе люди. Я хочу заглянуть впередъ, но... зачѣмъ? Я почти знаю, что не увижу больше въ родной землѣ по-дѣтски ласковаго, кроткаго сердцемъ Касьяна съ Красивой Мечи... не встрѣчу мужиковъ передъ шалашами, босыхъ, сильныхъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, широкимъ кре-

стомъ крестящихся на поднимающееся солнце и съ просто-душной улыбкой, съ наивно-радостными глазами прислушивающихся, поднявъ лицо, какъ высоко въ свѣтломъ небѣ звонко играетъ жаворонокъ, чуемый только блескомъ...

Солнце опускается въ океанъ. Оно перестало слѣпить — вотъ-вотъ коснется синеватой дали. Оно плаваетъ матово-краснымъ шаромъ, покачивается краснымъ яйцомъ, тонетъ, вытягиваясь архіерейской шапкой, караваемъ лежитъ на зеленомъ полѣ, мигаетъ далекимъ костромъ въ степи, вспыхиваетъ и гаснетъ искрой. Бѣжитъ по дали зеленой рябью, холодѣетъ сталью, сѣрветъ, зыбится...

Шалаши уже опустѣли: охотники сняли сѣти, ушли. Я нахожу замятыхъ въ песокъ, чуть видныхъ, застывшихъ птицъ. Но стайки еще перелетаютъ робко. Тянутъ на дымные Пиренеи, въ далекое... Такъ онѣ близки мнѣ, гонимыя непогодой птицы!

Люди въ каскеткахъ запоздало бродятъ у шалаша, пьютъ изъ бутылки, передаютъ другъ другу.

— Добрый вечеръ. Ну, какъ... удачно?

— Не очень-то. Всюду бури, птицы теряютъ голову, всѣ разбились. А жаворонковъ и совсѣмъ мало. Да вонъ, глядите...

Я вижу ворохъ перья, узнаю ихъ и думаю: гдѣ вы, пѣсни?..

Ланды, октябрь 1924 г.

ТѢНИ ДНЕЙ

И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывалася пѣна ревущихъ валовъ.

Ө. Тютчевъ.

I

Будто я на Place de l'Étoile, въ толпѣ. Вечеръ или ночь — не знаю. Черное, какъ копотъ, небо — нависло, давить. Ни одной звѣзды не видно. Подъ смутной Аркой, на могилѣ Неизвѣстнаго Солдата, — вѣтеръ: неугасающее пламя рвется. Блѣдные огни такси тревожно убѣгаютъ, оглядываясь краснымъ глазомъ. Торопятся уйти трамваи. Всѣ чего-то ждуть, въ тревогѣ. Лицъ не видно, все головы да шляпы; и всѣ — туда. А пламя уже полыхаетъ, кидается подъ своды Арки. Валить дымъ, тяжелый, черный, какъ отъ нефти. Огни рекламъ мутнѣютъ, свѣтятся въ дыму багрово, грязно. Кто-то говоритъ, что нефтяные склады загорѣлись...

Я кого-то жду. Смотрю на пламя, — траурный огонь. Я знаю — склады гдѣ-то здѣсь, на Прѣснѣ. Тамъ кладбище, и нефть — оттуда, изъ-подъ земли, густая. Пламя — отъ нея. Мнѣ жутко, я хочу уйти, но — трудно. Гляжу въ тоскѣ: направо, книзу, — Champs-Élysées, раздольные, пустые, въ огонькахъ; свѣтъ блѣдный и печальный, молочно-мутными шарами, какъ въ Москвѣ, въ морозы. Туда мнѣ нужно, но зачѣмъ — не знаю. Тамъ — покой.

Кто-то кричить:

— „Пусти-те..!“

Голосъ истошный, трудный.

Я знаю: пробирается ко мнѣ. И жду въ тревогѣ.

Это старичокъ. Лицо знакомое, но кто онъ — не могу припомнить. Онъ низенькій, въ поповской шапкѣ, щуплый, глаза слезятся, жидкая бородка, — какъ будто, богадѣльщикъ. Красный узелокъ подмышкой, словно — въ баню; только не бѣлье, а яблоки или просвирки, выпираетъ. Такъ ему я радъ, родному, съ нашей стороны. Хочу спросить о важномъ. Но онъ моргаетъ:

— „Идемъ, идемы!..“

Онъ что-то знаетъ. Намъ дають дорогу. Шепчетъ:

— „Съ Place de la Concorde... Черезъ Берлинъ, а тамъ направо. Послѣдній поѣздъ...“

Сердце у меня взмываетъ. Билеты, визы..? Не поспѣемъ.

Онъ бѣжитъ, подхватываетъ полы. Я вижу, что это нашъ извожикъ, „изъ хорошихъ“, только очень старый. За мной прислали... Но какой-то странный: армякъ распущенъ сарафаномъ, безъ кушака, мететъ полою; серебряные „бубыри“ подмышкой, въ строчку; шапка подъ-бобра, съ подушечкой и уголками, выпушка на шеѣ, лисья, — какъ у кучеровъ.

Иду въ тревогѣ: не поспѣемъ, послѣдній поѣздъ. Лучше бы въ пролеткѣ — черезъ Берлинъ, а тамъ направо, близко. И безъ визы можно.

Бѣжимъ по налощенному асфальту. Скользко. Ни души навстрѣчу. Позади раскаты, взрывы. Оглядываюсь — пламя выше, мигаетъ Арка, огненнымъ и чернымъ, дымъ клубами. Пожаръ?.. Ощупываю набѣгу карманы, carte d'identité. А деньги..? какъ же мы уѣдемъ?..

Старичокъ бѣжитъ, поматываетъ узелочкомъ. Мнѣ кажется, что все онъ знаетъ. Визы продають на Place, de la Concorde, въ какой-то будкѣ. Кто же онъ? Такой знакомый... Алексѣй, нашъ кучерь? Но тотъ былъ выше, съ черной бородой... и померъ, когда я былъ студентомъ. Померъ, а живетъ, — не странно.

Champs-Élysées уходятъ безконечно, книзу, въ холодномъ свѣтѣ матовыхъ шаровъ, молочно-мутныхъ. Странные огни, другіе. Прежніе ведеркой были, зеленоватые. А эти, бѣловатыми шарами, гдѣ я видѣлъ? Въ дѣтствѣ, въ сѣняхъ театра, у подъѣздовъ? Давніе огни.

Вдали — какъ черная рѣка, замерзло. Грязный ледъ переливается и свѣтитъ сонно, накатаннымъ асфальтомъ. Блѣдные огни навстрѣчу: такси, тревожно убѣгаютъ къ Этуали, всѣ — пустые. Въ сосѣднихъ улицахъ огни погасли, тамъ чернота. Я вспоминаю авеню огней, витринъ, автомобилей и отелей, — гдѣ все это? Темные дома, слѣпые. Все прошло. Теперь одна дорога — прямо, въ мертвенныхъ огняхъ, холодныхъ. Скоро и они погаснутъ.

Бѣгу въ тоскѣ. Champs-Élysées, послѣдняя моя дорога.

Я слышу, какъ за мной пустѣетъ, лопаются тонко стекла. Шары погасли? Оглядываюсь набѣгу. За матовымъ стекломъ краснѣетъ, гаснетъ. Слышу, какъ шары пустѣютъ. Вотъ фонарь. Я добѣгаю — меркнетъ, красный уголекъ, погасъ. Но впереди еще мерцаютъ. Я кричу, показываю на фонарь, — онъ меркнетъ.

— „Гаснутъ!.. Почему гаснутъ?!“

Отъ дыма, съ Этуали..?

Старичокъ — мнѣ кажется, что онъ священникъ, — кричитъ невнятно:

— „Елисейскія Поля..! ... конецъ!..“

Стучитъ за нами по асфальту, попрыгиваетъ, какъ кузнечикъ. Вижу — на костыляхъ какой-то, темный, догоняетъ. Я слышу, какъ онъ тяжело дышитъ, хочу взглянуть, но лица не видно. Фуражка — къ носу, голова пригнута, шинелька надувается отъ бѣга, хлещетъ палки. Я знаю, что это нашъ, бѣдняга. Такъ его мнѣ жаль, хочу окликнуть...

Изъ темноты — возъ съ сѣномъ, огромный, смутный. Претъ на насъ, колышется, шипитъ... закрылъ дорогу, — сразу потемнѣло. Голосъ мужика, изъ-подъ земли:

— „Держи-ись..!“

Валится на насъ горою, завалило. Я продираюсь, разбрасываю вороха... — дорога, тихая, пустая, въ огонькахъ. На костыляхъ — за нами.

— „Гляньте, гляньте..!“

Мужикъ подъ сѣномъ?!

Авеню забита ворохами, — сѣноваль. Вороха трясутся, ходятъ: копышится мужикъ подъ сѣномъ. За сѣноваломъ полыхаетъ небо, тамъ — пожаръ. На небѣ вздрагиваетъ Арка. Черный столбъ, клубами; надъ нимъ оранжевая снизу туча, сползаетъ вправо. Это нефть горитъ. Я вижу, какъ валяются на сѣно искры. Вспыхнетъ!.. Вотъ, дуракъ, привезъ... погибнетъ!

Прыгаетъ мужикъ на сѣнѣ, машетъ.

Мы бѣжимъ. Отъ черныхъ улицъ — голоса, раскаты. Началось?.. Огни погасли, зарево намъ свѣтитъ.

Смутная, пустая площадь. Дома безъ оконъ. Во тьмѣ свистятъ и гикаютъ мальчишки, бѣгутъ — топочутъ. Черныя деревья. Кривые, путанные сучья, на красномъ небѣ, какъ сбитыя вороньи гнѣзда. За мутною горою Grand-Palais пылаетъ небо, — Инвалиды?..

Пролетъ, направо полыхаетъ. За мостомъ, за крылатыми конями, на пламени, — чугунный куполь. Надъ нимъ — блистанье. На раскаленномъ небѣ — вихри, дымъ. Я вижу — Инвалиды загорѣлись.

На костыляхъ — за мною. Показываетъ костылемъ на куполь:

— „Чугунъ-то... подкоптился!..“

Я слышу — окликаетъ:

— „Поспѣша-ай!..“

Знакомый голосъ. Чуть видно, отъ пожара, — машетъ.

Я знаю: онъ меня уводитъ. И радостно, и жутко. Тамъ я встрѣчу... Пршрое туда уходитъ. Тамъ — покой. Но надо выйти.

Place de la Concorde, послѣдній поѣздъ. Тамъ что-то...?

Я вижу — какъ богровое пятно, пылаеть. Косты? Доносить шумомъ.

Я тороплюсь, боюсь остаться. Онъ знаетъ это. Ласково такъ смотритъ:

— „Ничего... не бойся, милый“.

Моргаеть. Я хочу припомнить, кто же онъ?

— „На, возьми-ка...“

И вынимаетъ изъ платка просвирку.

Я узнаю ее, копѣчную, дѣтскую просвирку, — просвирку бѣдныхъ. Столбикомъ она, какъ храмикъ. На куполочкѣ отрумяненъ крестикъ. Радостно беру, и въ ней — далекое, что было, свѣтлое, святое, дѣтство. Заглядываю въ узелокъ. Тамъ яблоки-грушевка, мелочь! Смотрю въ глаза. Знакомые, мигаютъ лаской. Морщинки, изможденное лицо, борода клиномъ... Боже мой! Я вспомнилъ... Это же псаломщикъ старый, нашей богадѣльной церкви! Николай Арсентичъ, съ нашей стороны, псаломщикъ. За мной прѣхалъ.

Онъ шепчетъ:

— „Скорѣй, послѣдній... съ Place de la Concorde...“

И радость, и тоска утраты, — проходятъ въ озареніи, какъ мигъ.

Я чувствую, какъ онъ мнѣ нуженъ. Я его люблю, какъ въ дѣтствѣ, — за морщинки, за ласковую руку, за тоненькія свѣчки, которыя онъ ставитъ образамъ, за странныя слова, — я ихъ не знаю, но они ласкаютъ, — за то, что онъ похожъ на образъ.

За мной прѣхалъ!

Проходитъ въ озареніи, какъ мигъ.

Бывало, гладитъ по головкѣ, дастъ просвирку, храмикомъ, какъ эту, ведетъ въ алтарь, показываетъ книгу въ воскѣ, пахнущую Богомъ, моргаеть, ласково. На Спаса — яблочковъ наложить, въ красныхъ жилкахъ, святою кистью пощекочеть...

Во мнѣ взмываетъ сладко, какъ во снѣ.

Я вспоминаю миляя иконы, м о и. Онѣ бывають только

въ дѣтствѣ, у каждаго—свои, живыя. Покачиваетъ головой, читаетъ... Дремлетъ свѣчка, проснется-вздогнетъ, за-капаеъ на пальцы воскомъ, на старенькую книжку. Съ иконы смотритъ старичокъ, такой же, ласково моргаетъ. Я вспоминаю дребезжащій голосъ, я слышу непонятныя слова, святыя, — „... и уны во мнѣ духъ... весь день сѣтуя хождахъ...“ — загадочною грустью льется. А на душѣ такъ ясно, такъ покойно.

За окнами — сугробы, звѣзды. Вотъ уже онъ читаетъ — „Иже на всякое время и на всякій часъ...“ — сонныя слова, ночныя. Гаснутъ свѣчи. Ночная улица синѣетъ. Сугробы завиваются горбами, — тонешъ. Весь день валило. Снѣжными рядами копны. Такъ тихо въ нашей уличкѣ такъ глухо: все забито снѣгомъ. Какъ хрупаютъ лопаты, слышно; какъ сгребаютъ, какъ тукаются комья... Возъ проползаетъ пухомъ, снѣговой, стойкомъ лопата. Извощикъ проплыветъ безшумно, фыркаетъ лошадка за угломъ, — довольна, — снѣжкомъ праховымъ изъ-подъ ногъ взрываетъ. На тумбахъ, на заборахъ — стопки. Мягко, рыхло. Фонарики подъ снѣгомъ, свѣтятъ сонно, собаки зарываются носами. За гвоздянымъ заборомъ, на березахъ, ворона каркнетъ густо, къ снѣгу, — не проснется. Отъ оконъ на снѣгу сиянья, на окнахъ розовое отъ лампадокъ. Придешъ — тепло, уютно, топится лежанка къ ночи. На ней, подъ лампочкой съ зеленымъ колпакомъ, — завѣтный, новый „Вокругъ Свѣта“, черный хлѣбъ горбушкой. Читаетъ долго, пѣтухи взываютъ. Въ намерзшихъ окнахъ — звѣздное мерцанье, серебряный Угодникъ въ уголку, лампадка усиками водить...

Все воскрешаетъ милое лицо, въ морщинкахъ. Радости, утраты, — проходятъ въ озареніи, какъ мигъ.

За мной прислали...

Но онъ же умеръ?.. Какъ же онъ... въ Парижѣ? вмѣстѣ мы?..

И умеръ, а живетъ. Не странно.

Идетъ, поматываетъ узелочкомъ. Я — за нимъ.

Зарево закрылось тѣнью: дворецъ какой-то, темный. Чуть розовѣетъ небо, гдѣ пожаръ. Чернѣютъ крыши.

Лѣсъ, черныя деревья. За чащей, въ глубинѣ, — пунцово-дымно, свѣтится полоской. Загородный домъ? Зеленоватый свѣтъ въ деревьяхъ. Странно. Кругомъ погасло, а..?

Деревья отступаютъ, я вижу огненные буквы — Restaurant.

Зеркальная стѣна. Сіяютъ люстры, кристальныя гирлянды, звѣзды. Сіаетъ серебромъ, сверкаетъ хрусталами звонко, мерцаетъ матомъ. Жаркіе цвѣты въ вазонахъ...

Ресторанъ?.. Не знаютъ, что огни погасли..?

Я вижу въ блескѣ розовое тѣло — плечи, груди, крахмально-бѣлоснѣжные плястроны, блики лысинъ, извивы голыхъ рукъ, мерцанье фраковъ. Я слышу теплый, пьяный аромат вина и пудры, тѣла и цвѣтовъ. Смотрю, какъ плаваютъ въ огняхъ въ истомѣ, льнутъ, откинувъ лица. Лежатъ съ бокалами на спинкахъ креселъ, нюхаютъ сигары. Двигутся гарсоны, пристойно замираютъ по стѣнамъ. Но музыки не слышно. Странно. Мнѣ кажется — они — другіе, съ другого свѣта, — не живые, будто. Какіе-то... американцы?..

Станный ресторанъ.

Въ деревьяхъ — красноватое сіянье. Я вижу обгорѣлыя колонки, кровавый отблескъ стеколъ въ фонаряхъ. Высокій Обелискъ мерцаетъ.

Place de la Concorde, послѣдній поѣздъ...

Накатываетъ гуломъ. Воза, колеса, кони, сундуки гогами, — сбродный станъ?..

Пылаетъ небо, куполь Инвалидовъ. Двѣ башенки, какъ двѣ монашки, въ остренъкихъ шлычкахъ, стоятъ на небѣ, одна къ другой, тревожно. Деревья за Concorde, палаты, Обелискъ — въ кровавомъ свѣтѣ.

Какъ же мы пройдемъ?..

На постаментахъ — бѣшеные кони. Ихъ гривы развѣваются, какъ пламя, оскаленные зубы красны. Ровъ за

ними... Перебѣгаю, вижу: ноги въ пряхкахъ, чулки, камзолы, вздувшіяся лица, парики... Кричатъ:

— „Народу подавили..!“

Ходынка, Прѣсня?.. Задавленные люди въ ямахъ... здѣсь?!

Я одинъ, мнѣ страшно.

Дымятъ костры. Бьютъ по тазамъ цыганы, играютъ въ карты. Клубятъ котлы, мотають головами кони. Бухаетъ, какъ-будто, въ бубень... — балаганы? Какіе-то, въ фуфайкахъ, съ закатанными воротами, — воры? — волочатъ шубы. Вихлявый, плисовые шаровары внапускъ, съ обсосаннымъ лицомъ, какъ заяцъ въ кепкѣ, — жуликъ, — идетъ за мною. Мнѣ гадливо-жутко. Съ фулярами на шеяхъ, рвань, — ведутъ молоденькую даму, непристойно. Она въ ротондѣ голубого плюша, выламываетъ руки, бьется; ротонда распахнулась, вздувшійся животъ безсиленъ, часики на золотой дѣпочкѣ вьются. Затаскиваютъ въ уголъ, лѣзутъ...

Кричатъ — дорогу! Везутъ кого-то, стоя. Люди на коняхъ, грозятся. Я гдѣ-то видѣлъ..? Въ кровавомъ свѣтѣ, что-то — стояками... Казни?.. На новыхъ балаганахъ, въ глубинѣ, — черно народомъ. Мальчишки зацѣпились на деревьяхъ, ждуть.

Высокій Обелискъ — надъ всѣми. Красный камень. Его тысячелѣтія проснулись, моргаютъ на огонь, струятся. Угрюмыя палаты, окна, колонны, фонари на аркахъ, — все мигаетъ. Съ балконовъ балаганщики вопятъ надъ станомъ.

Я вглядываюсь: гдѣ же поѣздъ? Къ садамъ, должно быть. Прямо — не пройти. Я вижу сундуки, надъ ними свалка. Съ волчьими глазами, въ рваныхъ шарфахъ; апаши, въ крагахъ, съ тайными ножами; усатыя толстухи, дѣвки, сбродъ... — выхватываютъ, тащатъ шубы...

Я пробираюсь. Снѣжные плястроны, фраки... ресторанъ..? При фракахъ — дамы, съ голыми плечами, жмутся. Ихъ окружили, грабятъ. Сдираютъ фраки, жемчуга, браслеты. Затрепанные дѣвки лѣзутъ, дамы бьются. Развѣсивъ

губы, косоглазый гладить... Вихлявый, съ мордой зайца, играть съ толстякомъ, щекочетъ мышки. Толстякъ, съ сигарой, прѣветъ, смотритъ мутно. Рыластый рветъ его за фалды, какъ мѣшокъ, вытряхиваетъ вонь изъ фрака. Бьютъ длиннаго американца: йок!

Я — внѣ. Мнѣ нужно на послѣдній поѣздъ.

Съ балконовъ машутъ. Лица этажами, какъ галерка. Воятъ:

— „Побѣ-дал..“

Передній — маленькаго роста, гномъ. Головка черненькая, клиномъ. Онъ въ шубѣ, — похоже на салопъ просвирни, съ блескомъ. Лисій воротникъ по локти. Глазки сверлятъ. Пасть у него щурячья, онъ пищитъ; но пискъ — какъ шило, продираетъ кожу.

Другой — тяжелый. Шапка башней, енотовая шуба, какъ гора, — слоновьи уши. Протодіаконова шуба, а усы... — румынскій цымбалистъ: усы винтами.

Еще — жукастый. Усики обвисли, носъ гвоздемъ, ротъ кислый: нюхаетъ, какъ-будто. И — краденая шуба, на хорю. За нимъ — безлобый, съ пастью; усъ, „для пикана“, въ стрѣлку; шинель съ бобрами — на одномъ плечѣ, подбита краснымъ; блуза въ маслѣ.

За ними, стаей, — картузы изъ выдры, собачьи шапки, волчьи балахоны, хорьки, верблюжина, крылатки, полущубки, пледы, башлыки... Пыряютъ кулаками къ Обелиску, зываютъ — волочить куда-то дальше. Мнѣ чудится, что этотъ камень — ихній, тысячелѣтнее кропило сброда, богъ кочевья. Его таскаютъ по землѣ извѣчно.

Внизу переминаются смущенно: съ книжками, одѣты бѣдно, лица нервны. Доказываютъ, шепчутъ, спорятъ. Движенья нерѣшительны, безильны. Одни — согласны; другіе протестуютъ, молча. Шуршаніе бумаги, блескъ очковъ...

Я знаю: ихъ сейчасъ потащутъ. За ними, за рѣшеткой, — лязги; рыластые, въ звѣриныхъ шкурахъ ждутъ: вотъ, спустятъ...

Кровь на всемъ: на Обелискѣ, въ небѣ. Она пылаетъ въ стеклахъ фонарей, струитъ по камню, льется на деревья.

Не пройти. Я пробираюсь къ Обелиску. Мужикъ съ

мѣшкомъ, глазѣтъ. Брюхатая лошадка, санки; подь ордой сѣно: кормить. Я спрашиваю, гдѣ же поѣздъ. Онъ не слышитъ, высматриваетъ впереди, къ балконамъ: швыряють на толпу одежду, шубы... Я понимаю: за добромъ прѣхаль.

У камня, за рѣшеткой, — старички: въ халатахъ и тюрбанахъ, пестрые, — волхвы, какъ-будто. Лицъ не видно; всѣ на колѣняхъ, головами вмѣстѣ: разглядываютъ что-то на землѣ. Я вижу, съ жутью: огонечекъ желтый, язычкомъ. Неугасающее пламя?.. Нефть и здѣсь?!.. Колдуютъ, раздуваютъ... Маги? Пожары раздуваютъ... или — свѣтъ? Въ молчаньи, головами вмѣстѣ.

Бьютъ по тазамъ цыганы. Ржутъ кони. Бухаетъ, какъ-будто, бубень. Котлы дымятся чадно, тянетъ мясомъ. Паръ прѣлый, тошный.

Лѣстница подь землю. Метро, тамъ поѣздъ. Дверочка, чуть свѣтитъ. Визы?.. Женщина за стойкой, пачки. Бистро, а будто визы. Женщина бросаетъ „magyland“, три франка сдачи, наши золотые. Бѣгу, рожокъ мерцаетъ: уголь, сдвинуты столы, до потолка, какъ загородка. Въ углу — замученныя лица, молодая, смертная тоска во взглядѣ. Мученики, наши! Кричу — „последній поѣздъ, уходите!..“ Молчатъ, какъ дремлютъ. Не добраться къ нимъ. Бросаю золотые, слышу звонъ. Бѣгу — пройти къ нимъ, сзади. Стѣны. Стучу, какъ въ пустоту. Гдѣ двери? Все доски, новое, и пахнетъ ѣлкой. Лѣстницы, пролеты, дырья. Ползу по скрѣпамъ, въ крестовинахъ, въ брусьяхъ. Вижу въ дырья — глубоко внизу — все огоньки, костры, дымится. Мнѣ страшно: полечу въ провалы. Ступеньки провалились, нѣтъ периль. И слышу: костыли, за мною. Оглядываюсь — тотъ, на костыляхъ. Шагаетъ въ брусьяхъ.

Я вылѣзаю на площадку. Ходу нѣтъ: послѣдняя площадка, съ доску. Не за что схватиться, упаду... Синѣтъ небо, звѣзды. На страшной глубинѣ — краснѣють точки, — огоньки, костры. На дали — зарево, и куполь, съ пятачокъ. Двѣ башенки, какъ двѣ монашки, въ остренькихъ шлычкахъ, — двѣ палочки, на страшной дали.

Знакомый голосъ слышу:

— „Поспѣша-ай..!“

Сбѣгаю по дощечкамъ, въ вѣтрѣ. Свѣжо, морозно. Бѣлыми клубами паровозы. Платформа, ящики. Снѣжокъ, какъ-будто. Поѣздъ, странный: скамейки на вагонахъ, по стѣнамъ. Я вижу: старичокъ мнѣ машеть. Такъ я радъ, бѣгу къ вагонамъ, схватываюсь... — шляпа?!.. Потерялъ. Багажъ..? Не помню. Все мое тамъ было... Сейчасъ отходить, поздно. Въ вагонѣ, подо мной, оркестръ играетъ. Съ нами Бисмаркъ ѣдетъ, на конгрессъ.

Свистокъ. Я вижу: далеко, какъ птица, машеть, на костыляхъ, шинелька надувается отъ вѣтра. Догоняетъ, прыгнулъ! Я радъ, кричу отъ счастья. Кто онъ мнѣ, родной? Лица не вижу.

Ѣдемъ. Звѣзды, хрустальные, такъ ярки! Охлестываютъ ноги ёлкой. Снѣгъ, лѣса. А музыка играетъ, нѣжно.

— „Берлинъ проѣхали-и..!“

Мужичій голосъ: будто бы — Бя-рлинъ!

Березы, въ звѣздахъ. Будто бы — Кусково. Длинная казарма подъ бугромъ. Окошки въ клѣткахъ, запотѣли; свѣтъ банный, мутноватый. Старичокъ бѣжить по снѣгу въ баню. Я-то какъ же?..

Валить снѣгъ, платформа. Я — одинъ. Теперь, куда же? Безъ шляпы стыдно. Приглядываюсь за окно — желтѣетъ лампа. Вижу... я — здѣсь?!.. тотъ ужасъ..? Стою. Изъ темноты плыветъ фонарикъ. Въ окно мнѣ виденъ станціонный залъ, пустая стойка. Кто-то, у дверей...

Голосъ изъ темноты, осипшій:

— „Входите, запираемъ!“

Снѣгу намело къ дверямъ. Я вижу колоколъ, корявую веревку. На колоколѣ снѣгъ полоской. Стою и слышу. Все хочу взглядѣться. Стойка, человекъ какой-то, спитъ. За дверью кто-то ждетъ...

Сейчасъ войду...

II

Я изъ Парижа, — гдѣ-то подъ Москвой, въ дорогѣ.

Ночь, валить снѣгъ. Глухая станція, пустая, ни одного вагона. Даже путей не видно, все подъ снѣгомъ. Платформа — ни слѣдка, все гладко, чисто, полное безлюдье. Снѣгъ не живой какой-то, не хруститъ, — какъ вата. А все обычно: сараи, палисадники, березки. На станціи въ окошкахъ огоньки.

Осматриваюсь. Какъ я одинокъ!.. Куда мнѣ и зачѣмъ, — не знаю. Я безъ шляпы, безъ багажа. Снѣгъ лѣпитъ, будто въ мартѣ. Отъ фонарей, за снѣгомъ, — мутный свѣтъ. За станціей собака лаетъ, беспокойно: послушаетъ — полаетъ, въ пустоту. Опять послушаетъ. Тамъ — темень.

Какъ мнѣ выйти? Черезъ вокзалъ, безъ шляпы, — неудобно. Садикомъ, извожикъ гдѣ-то... — все рѣшетки Острая тоска. Зачѣмъ я здѣсь? Припоминаю: что-то... баня?... Сколько лѣтъ безъ бани! Всѣ — въ банѣ, никого не видно. Праздникъ завтра.

Вокзалчикъ невысокій, длинный, дощаной, заляпанъ снѣгомъ. Стараюсь разобрать надъ входомъ — „Москва“ какъ-будто? Окошки клѣточками, запотѣли, свѣтятъ постно Приглядываюсь... — Боже мой, я здѣсь..? да какъ же. я... пріѣхалъ?!.. Мнѣ тошно, я хочу назадъ, а ноги мнутя. Лѣпитъ снѣгомъ, собака лаетъ, — безысходность.

Смотрю гадливо: темноватый залъ, чернѣетъ печка, сушатся портянки... въ мохнатой шапкѣ, спить... зеленоватый чадъ махорки, лампочка косая въ фонарѣ, струится ниточкою копоть. За дверью кто-то... Не могу войти, такъ гадко.

Слышу—человѣкъ..? Отхаркиваетъ вязко, какъ больной. Мотаается фонарикъ, рѣшеткой мызгаетъ по снѣгу.

Рабъ, опять... Вертѣтся, путать, гнусныя анкеты... Такъ мнѣ гадко!

Голосъ изъ сумрака, осипшій, скучный:

— „Входите, запираемъ“.

Соображаю: надо закурить... сказать, что здѣшній, такъ, гуляю..? Нащупываю папиросы—Maryland, увидятъ... Спичекъ нѣтъ.

Иду, какъ здѣшній. Пробую свистать, а губы смякли. Carte d'identité въ карманѣ!.. Снѣгъ вязкій, намело къ дверямъ, давно не ходятъ. Дергаю за ручку, не могу... Фонарикъ наплываетъ. Я вижу колоколь, замерзшую веревку съ узелкомъ, на колоколь снѣгъ полоской. Стою и стыну, все хочу взглянуть. Стойка, человѣкъ какой-то... спитъ? За дверью — кто-то. Въ ногахъ зудливая истомы — убѣжать?..

Сейчасъ войду.

Высокая казарма, на столбахъ, — лабазъ, какъ-будто. Темная стѣна, въ потекахъ, сводъ на балкахъ. Лампочка желтѣетъ въ пустотѣ. Ступить противно, — полъ осклизлый, липкій. Бьетъ острой вонью бычьего загона, тошнить отъ сладковатой прѣли. Не могу...

Осматриваюсь, гдѣ же выходъ? Тамъ...

Я вижу загородку въ глубинѣ, рогатку. Ходятъ тѣни. И мерзь, и жуткое хотѣнье — увидать. Они таятся.

Я знаю: здѣсь не могутъ, здѣсь „европа“, особенное мѣсто — внѣ.

Пустые столики въ перегородкахъ, будто — ложи. Мужикъ какой-то. Онъ лежитъ на лавкѣ, подъ окномъ. Окно глухое. Поддевка на барашкѣ, малиновый кушакъ, подковки, шапка колпакомъ, кулакъ въ карманѣ... носъ ястребиный, смуглое лицо. Цыганъ-барышникъ? Мнѣ тревожно: проснется — пропадетъ „европа“.

Оглядываю стойку. Корытце, студень въ немъ, какой-то страшный, — желтенькое сальце. За стойкой —

смотреть на меня, беретъ мутовку, лѣзетъ въ студень. Я узнаю гарсона съ Motte-Picquet, отмахиваюсь съ ужасомъ — не надо! Онъ черпаетъ, несетъ на столикъ. Показываетъ пальцемъ: фшь!

За мной перегородка, тамъ другіе. Гремятъ посуда, шумно, — будто ресторанъ. Лакей съ салфеткой, смотритъ. Ёсть, т а к о е?!.. Мнѣ тошно, я хочу задобрить... Похоже — итальянецъ, въ эспаньолкѣ, выглядываетъ изъ-за стѣнки: здѣсь ли я. Я притворяюсь иностранцемъ, — здѣсь „европа“ — и говорю гарсону съ Motte-Picquet, хочу задобрить:

— „Voilà, monsieur...“

Даю пятифранковую бумажку.

— „Вотъ, валюта... Я изъ Парижа, и сейчасъ въ Парижъ...“

Онъ смотритъ нагло, говоритъ по-русски:

— „Все равно, а надо подписаться. Всѣ анкеты, четырнадцать анкетовъ-съ! Я сейчасъ...“

Идетъ куда-то. Я въ тревогѣ. Выглядываетъ голова надъ стѣнкой, здѣсь ли я. Я понимаю, отхожу подальше, гдѣ „европа“. Прохаживаюсь иностранцемъ. Тамъ — лакей, показываетъ на меня бумажкой. Вижу дверь, чуть пріоткрыта щелью...

Я узнаю вокзалъ — Виндавскій. Красное сукно, стаканы, люстры, чемоданы. Залъ I—II класса. Тамъ — они.

Всѣ ряженые, въ шубахъ. Отходить поѣздъ въ Ригу, на Парижъ. Я вижу низенькаго, голова торчкомъ, въ салопѣ, лисій воротникъ по локти. Съ нимъ другіе, поддерживаютъ, водятъ, всѣ — съ почтеньемъ. Онъ тычетъ пальцемъ къ двери, на меня. Мнѣ жутко, но держусь за ручку: здѣсь — „европа“. Всѣ — иностранцами, и всѣ — въ Европу. Я вижу, что на нихъ — до чемодановъ — все чужое. И всѣ они — чужіе, въ русскихъ шубахъ. У выхода — въ суконныхъ колпакахъ, при красныхъ звѣздахъ, — наши дураками. Подобострастно тычутся глазами, сторожатъ.

Смотрю я — лисій воротникъ, ко мнѣ!.. Захлопываю дверь, бѣгу куда-то...

Платформа, пустота. Огромный поѣздъ. Вижу человека:

— „На Парижъ?“

Копается въ какой-то сумкѣ.

— „Не пойдетъ“.

Мнѣ кто-то машетъ. Смазчикъ, — пахнетъ масломъ. Ведетъ куда-то. Поѣзда ужъ нѣтъ, а поле. Шепчетъ:

— „Прямо, прямо...“

Знакомый голосъ, а лица не видно, темнота.

Идемъ глубокимъ коридоромъ, доски гнутся. Мигаютъ — золотятся щели, подъ ногой: подъ нами освѣщенный залъ, и гомонъ. Ступаю осторожно, вижу въ щели: толкуются, хлопаютъ дверями, ищутъ... Я знаю: самый тотъ, гдѣ въ шубахъ.

— „Вотъ выходъ...“

Это другъ, родной мнѣ, — можетъ быть, отецъ покойный. Хочу обнять...

Одинъ я. Дверь на блокъ, кирпичъ рокочетъ. Вижу чистый снѣгъ, глотаю воздухъ.

Длинная казарма, баня. Мокрая окошки, тѣни тамъ. Вода въ канавѣ, пахнетъ баннымъ. Бревенчатая стѣна, какъ труха: пропрѣла баня. Склизкое окошко. Приглядываюсь — все набито: тѣла, стойкомъ, другъ къ дружкѣ, плотно. Лопатки, ребра, шеи, — все костляво. Паръ стоитъ, шипучій банный шумъ, гулъ шаекъ. Набито — не войти. Отыскиваю двери, — нѣтъ дверей. Мнѣ жутко: какъ сдавились, трутсѣя!.. Мнѣ кажется, что паръ идетъ отъ нихъ, тамъ холодъ. Я кричу:

— „Пусти-те!..“

Кольшутся и жмутся, головы — какъ зыбь. Мнѣ страшно: баня расползется, лопнуть стѣны...

Ночь, снѣгъ. Я — въ переулкахъ. Снѣгъ бѣлесый, — луна, должно быть. Мертвые дома, закрытыя ворота. Я путаю, не знаю, гдѣ мое... Вотъ перекрестокъ, некого спросить. Какой же это городъ? Тупики, фонарики-маслянки. Клинь... Рязань?..

Извозчикъ поперекъ, изъ переулка въ переулокъ, тѣнью. Я слышу санки на зарубахъ, глухо. Навозъ чернѣтъ, огороды. Гдѣ я?..

Какъ-будто, Сухарева башня, глазъ часовъ. Мъщанская, конечно. Безъ четверти... 7! А почему же никого не видно?

О, Господи... да гдѣ же..?

Садовая? Пустая, безъ садовъ. Заборы. Все перепуталось. Да какъ же такъ... забыть?!

Еще извозчикъ, простучалъ въ проулокъ. Здѣсь, кажется. На Житной? Тупичокъ, ограда...

Вижу — церковь, Кажется, она..? Нѣтъ, ниже. Гдѣ крестили — была высокая, съ зеленымъ верхомъ. Паперть та же. Конечно, постарѣла. Я узнаю Угодника — въ снѣгу, ограду. Здѣсь притворъ. Да, самая та церковь. Заперта.

Я прижимаюсь ноющею грудью, цѣлую прутья. Снѣгу намело въ притворъ. Купель стояла... бѣлая купель, всегда стояла. Какъ часто поднимался по ступенькамъ, глядѣлъ за прутья! Она стояла, бѣлая купель, на пяткѣ. Старая купель, моя. Я помню, какъ въ нее... Я прижимаюсь, плачу. Нѣтъ купели. Проходитъ острое, одно, — въ меня и въ церковь. Бѣлая купель... Мы связаны. Кричу отъ боли въ прутья, въ темноту. О, Господи!..

Ночь, весна. Я въ кабинетѣ моего патрона. Я во фракѣ, мнѣ надо на защиту, въ Окружной.

Мнѣ такъ пріятенъ строгій кабинетъ, покойный, чинный. Темныя портьеры. Кожаный диванъ, глубокій, кресла, въ зеленыхъ шторкахъ шкафы, бронзовые лица мудрецовъ. Я вижу Цицерона гладкій черепъ, Царя-Освободителя, съ хохломъ, Законы. Мудрые Уставы на столѣ. Столъ длинный, у окна. Горитъ свѣча. Окно раскрыто. Портьеру чуть колышетъ. Изъ сада тянетъ зеленью и ночью. Цвѣтетъ сирень. Я вижу кисти. Свѣтъ отъ свѣчи на нихъ, на матовыхъ листочкахъ, темныхъ. Тишина. Отъ уличнаго фонаря льетъ въ тополь, струятся бѣловатые листочки.

— „Обсудимъ...“ — говоритъ патронъ, закуривая отъ свѣчи сигару.

Онъ благодушенъ и спокойно вѣсокъ. Мнѣ пріятно. Я знаю, — онъ скончался. Но это ничего не значитъ: онъ — въ другомъ.

Я говорю:

— „Но какъ же вы теперь? У васъ все тотъ же кабинетъ, порядокъ. И Уставы?.. Васъ не коснулось..?“

— „Не могутъ...“ — говоритъ онъ вѣско. — „Они не знаютъ. Все это...“ — онъ обводитъ кабинетъ и къ саду, — „внѣ! Законъ... — захватываетъ онъ Уставы, пускаетъ вѣромъ листочки, — „вы знаете, еще Юстиніанъ... „висячее наслѣдство“?..“

Я вспоминаю что-то: да, Юстиніанъ..? „висячее наслѣдство“? Онъ продолжаетъ, вѣско:

— „Ну, обсудимъ. „Висячее наслѣдство“... Не нужно смѣшивать: не выморочно!..“ — грозитъ онъ пальцемъ, — „нѣтъ! Я знаю. Когда, правопреемникъ, неизвѣстенъ, въ невѣдомой отлучкѣ...“ — показываетъ онъ за садъ, куда-то, — „но онъ... есть! Презумпція... Ну, гдѣ-то... такъ сказать, по-тенци-ально. Обсудимъ казусъ...“ — размахиваетъ онъ за садъ. — „Данный казусъ, огромное наслѣдство, какъ бы виситъ и ждетъ возникновенія по праву, — *id est, momentum juris*. Ясно? А здѣсь...“ — показываетъ онъ на шкафы, на кабинетъ въ покоѣ, — „здѣсь-съ — о-пе-ка! Неуловимая, моральная... скажу я лучше — ду-ховная опека, *tutela spirita*. Вотъ почему... не могутъ! Не будемъ говорить о правѣ: фактически не могутъ! *Impotentes*. Оно недосыгаемо для тлѣна. *Ergo: victores sumus!* Ясно. Вамъ понятно?“

Мнѣ все понятно, намъ — понятно. Я вѣрю, и спокоенъ, что — опека, тамъ, патронъ все знаетъ. Не могутъ. Вотъ почему и кабинетъ, и столъ, и Своды, и за окномъ сирень, и дворникъ за заборомъ, и куполокъ Успенья гдѣ-то тамъ, — все прочно: „висячее наслѣдство“ и опека, Да.

Я схватываюсь:

— „*Carte d'identité*... Мнѣ надо... личность..?“

Онъ понимаетъ съ полуслова. Смотритъ на часы, — часы его на рѣдкость, хронометръ, — разглаживаетъ русую бородку, чешетъ лобъ.

— „Устроимъ. Ыдемъ въ Камергерскій, сегодня Чеховъ. Тамъ поручители... на стѣнкахъ, въ залѣ?“ — онъ моргаетъ, — „оттуда вы, какъ полноправный. Есть законъ!..“ — показываетъ онъ на томы.

Я понимаю: есть такой законъ. Патронъ все знаетъ.

Такъ мнѣ хорошо, что я хочу увидѣть куполокъ Успенья. Смотрю въ окно: не видно, тополя мѣшаютъ, разрослись. Какъ-будто, мѣсяцъ: свѣтъ по саду, тонкій. А за заборомъ мѣрные шаги. Тамъ дворникъ, горничная адвоката. Тихій смѣхъ.

Я слышу за кустами шорохъ.

— „Это мой „Милордъ“...“

Я знаю: горничная вывела „Милорда“. Мнѣ покойно.

— „Пока у васъ ночую..?“ — говорю.

— „Естественно. Ну, Ыдемъ. Бисмаркъ тамъ... А если Бисмаркъ...“

Я понимаю: если Бисмаркъ...!

Патронъ уходитъ одѣваться. Я дремлю.

„Милордъ“ залаялъ?.. Грузовикъ рокочетъ, стукъ въ ворота?.. Я слышу — голоса, по саду..? Они, за мною... знаю. Я тушу свѣчу, сную по кабинету, въ темнотѣ. На мѣсяцъ окно яснѣетъ. Шепчутся деревья, вѣтеръ. Шаги, подъ окнами. Я слышу — цапаютъ за подоконникъ, лѣзутъ... вижу, какъ картузы яснѣютъ, головы стоятъ въ окошкѣ... Хватаю что-то и кричу, кричу....

Молочныя полоски, смутно. Не понимаю — чтó, но слышу — радостное, въ уши:

— „Marchand d'habit... et reaux-o-o..!“

Парижъ?!.. Въ Парижѣ я.. На уличкѣ — marchand d'habit, старьевщикъ, шкурки. Я признаю молочныя полоски-ставни. Гремятъ бадьи, грузовики увозятъ мусоръ... — утро. Тѣни скрылись.

Лежу я долго, прихожу въ себя. Мнѣ больно. Въ Парижѣ, далеко...

Весь день — не свой. Ощупываю голову: въ такомъ — и сколько! Все. Отъ перваго луча до — смерти. Вся жизнь, великое богатство жизней. И вотъ, marchand d'habit—последнее мое богатство? радость? Грязное тряпье и шкурки... Крикъ его срываетъ, кроетъ — все. Какъ на зарѣ рожокъ, бывало.

Странно.

Февраль 1926 г.

Парижъ.

СИДЯ НА БЕРЕГУ

О К Е А Н Ъ

Иду на пустынный берегъ, къ океану.

Тропинка ведетъ лѣсами. Поднявшіеся съ песковъ, здѣшніе лѣса глухи, строги: ни птицъ, ни свѣжей веселой поросли, ни травки мягкой. Папоротникъ да верескъ. Со-сны не наши, мѣдныя, въ розовой шелухѣ по верху, а черныя до макушекъ, жесткія, — хмурь и мракъ. Древнее, когда не смѣли смѣяться краски. Гулы вершинныхъ иглъ и рокоть великихъ водъ извѣчно ведутъ органъ — печальный, строгій. Великая тайна слышится, — тоска бездумнаго бытія.

За лѣсами — холмы песка, блѣдныя, въ жидкой и колкой травкѣ, всегда поблеклой. За ними — онъ, бездумный, первозданный, великое, мертвое лицо, — свинцомъ на дали. Тихій, отплескиваетъ онъ время тяжелымъ плескомъ, швыряетъ безсчетомъ. Не нужно оно ему: въ немъ оно. Бурный, мертво гремитъ валами. Тяжелое его качанье — неподвижно, вѣчно. Воистину, — пустота, безкрайность мертваго бытія.

Если сидѣть на пескахъ и слушать, какъ мѣрно отплескивается время, глядѣть въ пустоту на дали, — оцѣпенѣвшія мысли тонуть, и вливаешься самъ въ бездумность, въ качанье водъ. Это — небытіе?..

Недавно я такъ сидѣлъ, безъ мысли. Но было во мнѣ, стояло за мною что-то. Оно толкнуло, — и я очнулся отъ этого качанья, отъ этого провала въ вѣчность.

Снова я шелъ лѣсами. Оцѣпенѣвшая мысль проснулась и вскрыла бившееся во мнѣ, живое. Оно забилося нѣмыми голосами, таившееся во мнѣ, мой міръ. Живая

сила, чужая мертвымъ, — лѣсамъ и океану, — враждебная имъ, я знаю. Невидимое, безмѣрное, — въ него океанъ вольется: духъ бытія живого. Всегда онъ со мной, я знаю. Хочетъ онъ быть свободнымъ. Хочетъ онъ быть безсмертнымъ.

Я шелъ — и онъ шелъ со мной, ограждая меня отъ тѣна. Я чувствовалъ бытіе живое, борьбу великаго сна и яви.

Въ органномъ гулѣ рождались мысли.

... Колокола когда-то снились,
Колокола — весенній звонъ,
А въ небѣ ласточки носились...
И сонъ, и явь, — и явь, и сонъ.

Колокола давно не снятся,
И сновъ не помню, сны ушли...
Лишь смутно тѣни ихъ таятся,
Тоскою душѹ облегли.

Миѣ съ океана вѣтры пѣли —
Усни, усни... одинъ, одинъ... —
Но помню — свистъ и вой метели,
И рокоть водъ, и грохотъ льдинъ.

Весна?.. Она. Я сердцемъ слышу...
Проснутся сны мои въ веснѣ, —
И новыхъ ласточекъ услышу,
И новый звонъ — въ послѣднемъ снѣ...

И океанъ бездумной далью
Вольетъ меня въ качанье водъ,
И явь за синею вуалью
Уснетъ бездумно въ свой чередъ.

Тяжелый шепотъ бездумнаго качанья идетъ за мной. Надо уйти отъ него, я знаю. Въ тихія мѣста, привычныя и ручныя, гдѣ воды не плещутъ мѣрно, гдѣ голосъ жизни связываетъ меня со мною, съ прошлымъ.

Я иду въ тихую лѣсную заводь. Океанъ и сюда при-

ходить, неслышно, какъ половодье наше, тихо захватываетъ пески, снимаетъ уснувшія на пескахъ лодки. Но все въ молчаньи. Не видно его, не слышно. И я покоенъ.

Здѣсь розовато-блѣдно цвѣтетъ тамарискъ, сонный, цвѣтами, похожими на наши, — совсѣмъ такіе растутъ въ оврагахъ, запахъ ихъ горьковатый, легкій, чуть-чуть дурманитъ. Здѣсь много кустовъ веселыхъ, — цвѣтутъ они золотисто, какъ нашъ акатникъ. По мягкой травкѣ рассыпано много курослѣпа, и скромненькая манжетка, со свѣтлой слезой въ сердечкѣ. И сосны здѣсь посвѣтлѣе, и много солнца. Дороги по сосняку сыпучи, совсѣмъ какъ наши. И мохъ такой же. Дали здѣсь нѣтъ свинцовой, не гаснутъ мысли. Кричатъ пѣтухи за лѣсомъ, какъ тамъ, въ далекомъ... Кукушки считаютъ годы, и перебои ихъ радостны въ испугѣ, будто заколотилось сердце, — вотъ-вотъ случится!.. Звонкой дрожью звенятъ по лѣсамъ пилы, приносятъ вѣтромъ знакомый смолистый запахъ досокъ, опилокъ, — и ломкія пленки гонокъ вытянутся вотъ-вотъ на глади, сверкающія рубахами, шестами... Даже благовѣсть бѣдной церкви катится по лѣсамъ жидко, сбивчиво, — милыя наши „сковородки“! Я знаю, что это съ острой, хмураго камня, церкви чужого Доминика, но можно принять за наше.

Здѣсь, въ тишинѣ залива, покойно думать. Думы не гордыя, не навѣяныя величіемъ дѣлъ смертныхъ: думы — о свѣтломъ прошломъ.

Здѣсь я — на берегу, внѣ жизни. Человѣческій океанъ гдѣ-то шумитъ и плещетъ, качается неподвижно въ безсчетномъ счетѣ, а ты стоишь на невѣдомомъ порогѣ, безудѣльный... Порваны нити съ бездумною каруселью жизни, опытъ, какъ-будто, конченъ, можно сводить итоги. Или — еще не конченъ?

Сидя на берегу, внимаешь... Вѣрная — гдѣ дорога? Цѣли великаго круженія, шума? Качается океанъ безмѣрный, бездумно втягиваетъ въ себя, вливаетъ. Живая душа, гдѣ ты?

Я вслушиваюсь въ себя, внимаю.

Крикъ пѣтуховъ за лѣсомъ, кукушкинъ позывъ, омы-

тый лѣсною глушью, и благовѣсть дальней церкви — приводятъ ко мнѣ родное. Смотрить оно въ меня и плачетъ. Я нѣжно касаюсь его пугливой думой, и это чудесное посѣщенье рождаетъ во мнѣ надежды. Я понимаю родныя слезы, я слышу шепотъ побитой правды, живую душу. Покорный зову, я расскажу этотъ шепотъ сердцемъ. И онъ не уйдетъ со мною.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ

Въ лѣсной тишинѣ залива, куда океанъ приходитъ въ положенные сроки, думаю я о прошломъ. И вотъ — бытiе, живое, душа надъ тлѣниемъ. Не безумное мертвое качанье, плесканье безсчетнымъ счетомъ, свинцовая даль, пустая, — а Духъ ведущій — святое въ человѣкѣ.

„... Иже вездѣ сый и вся исполняяй...“

Въ звонѣ ли сосенъ чудится мнѣ эта святая Пѣсня, или это душа моя?.. Подъ благовѣсть чужой церкви слышу я наши звоны, наши святыя Пѣсни.

„Царю Небесный... Утѣшителю, Душе Истины...“!

Тысячи голосовъ поютъ, но единое сердце бьется. Тысячи голосовъ, подъ небомъ.

Небо родное, блѣдною синевою разлито, пухлыя облачка на немъ. Свѣжесть первыхъ осеннихъ дней, тѣни прохладны, густы, но мягкое солнце грѣетъ. Астры въ садахъ подолгу стоятъ въ росѣ. Подсолнухи переросли заборы, головы ихъ поникли. Рябины обвисли грузно, березы засквозили, и тихими вечерами слышно, какъ курлыкаютъ журавли — на полдень.

Закрою глаза — и вижу.

Сталкиваясь, цѣпляясь, позванивая мягко, плывутъ и блещутъ тяжелыя хоругви, святыя знамена Церкви. Золото, серебро литое, темный, какъ вишни, бархатъ грузнымъ шитьемъ окованъ. Идетъ не идетъ, — зыбится океанъ народа. Подъ золотыми крестами святого лѣса знаменъ церковныхъ — грозды цвѣтовъ осеннихъ: георгины, астры, —

заботливо собранное росистымъ утромъ дѣвичьими руками московки свѣтлоглазой.

„Святой Боже, Святой Крѣпкій... Святой Безсмертный...“

Святое идетъ въ цвѣтахъ. Святое — въ Пѣснѣ.

Строго текутъ кремлевскія. Подняли ихъ соборы: Спасъ на Бору, Успенье, Благовѣщеніе, Архангелы... Темное золото литое, древнее серебро чернью покрыла копоть, сіянье скупое. Идутъ — мерцаютъ. И вдругъ — проснется и ослѣпитъ, изъ страшно далекой дали, — Темное Око взглянетъ. Благоволѣніе или — гнѣвъ?

Трудныя, строгія хоругви. Бородатые мужики-медвѣди, раскинувъ косяя плечи, головы запрокинувъ въ небо, ступаютъ тяжелой ступью, бредутъ враскачку, будто увязли ноги. Тяжелы древнія хоругви: вѣка на нихъ.

Старые храмы, новые, — всѣ послали. Цвѣтное, легкое-кружевное, въ новомъ, задорномъ блескѣ, колетъ глаза сверканьемъ. Молодостью смѣется, заскакиваетъ бойко, бьется стеклянно-звонко. И вотъ, — запнулось. Колышась, грузно текутъ кремлевскія. Дошли, тяжело мерца.

На золотыхъ крестахъ — вышкахъ, на окованныхъ мѣдью древкахъ, по золоту стрѣль сіянья — пышная поросль спаржи, легкая, какъ страусовы перья, зеленымъ дымкомъ дымится. Принесъ ее на святое дѣло хозяйинъ-огородникъ, что-то еще хранящій за грудой своей капусты. И золотыя шапки подсолнуховъ, позднія солнца лѣта, киваютъ въ неспѣшномъ ходѣ. Зеленое, золотое, — течетъ и течетъ, въ топотѣ тысячъ, тысячъ, надъ непокрытыми головами въ блескѣ, надъ черными жаркими волнами.

Подняты надъ землей Великія Иконы — древность. Спасовъ Великій Ликъ, темный-темный, чернымъ закованъ золотомъ, Ярое Око — строго. Пречистая, Богоматерь Дѣва, въ снѣжно-жемчужномъ платѣ, благодная, ясно взираетъ лаской.

„... Упованіе рода христіанскаго...“

И древній Корсунскій Крестъ сіяетъ хрустальнымъ солнцемъ.

„... и благослови достояніе Твое... Побѣ-э-ды-ы... на супротивныя да-а-руя...“

Взрывно гремитъ, побѣдно несется къ небу. Шумитъ океанъ народный, несмѣтную силу чувствуетъ: тысячелѣтіе несъ знамена!

„... прійди и вселися въ ны...“

Льется святая Пѣсня — душа надъ тлѣньемъ.

И гдѣ все это?!..

Я вслушиваюсь въ себя. Поютъ...? Сосны поютъ. Въ гулъ вершинныхъ иглъ слышится мнѣ живое: потокъ и рокоть.

Этотъ великій рокоть, святой потокъ — меня захватили съ дѣтства. И до сегодня я съ ними, въ нихъ. Съ радостными цвѣтами и крестами, съ соборнымъ пѣньемъ и колокольнымъ гуломъ, съ живою душой народа. Слышу его отъ дѣтства — надземный рокоть Крестнаго Хода русскаго, шорохъ знаменъ священныхъ.

За тысячи верстъ — все слышу: течетъ потокомъ.

Придетъ ли Великій День? Въ солнцѣ и холодкѣ осеннемъ, услышу ли запахъ травы замятой, горечь сырыхъ подсолнуховъ, упавшихъ въ ходу съ хоругвей, и этотъ церковно-народный воздухъ, который нигдѣ не схватишь, — запахъ дегтя и можжевельника, теплаго воска и кипариса, ситца и ладана, свѣжихъ цвѣтовъ осеннихъ, жаркой одежды русской, души и тлѣна, — исконный воздухъ Крестнаго Хода русскаго, вѣками навѣки слитый? Услышу ли гулъ надземный — русскаго моря-океана?..

Обрывки святого сна. Сіяютъ они кусками, — разбитая Икона.

Съ далекой, чужой земли слышу я Крестный Ходъ, — страстной, незримый. Изнемогая, течетъ и течетъ онъ моремъ къ невиднымъ еще стѣнамъ далекаго Собора, гдѣ будетъ Праздникъ. Безъ звона идетъ и безъ хоругвей, и Пѣсенъ святыхъ неслышно, но невидимо Крестъ на немъ. Подземный стелящій гулъ, топотъ уставшихъ ногъ, бремя невыносимое. Но Спасово Око — яро. Оно ведетъ.

„Утѣшителю, Душе Истины...“

Вслушиваюсь въ себя, спрашиваю нѣмою мукой: будетъ ли, Господи?!...

Сердце мое спокойно.

ЗОЛОТАЯ КНИГА

Сонъ ли это, или осталось во мнѣ отъ жизни?...

Видится мнѣ великая Золотая Книга.

Жаркія пятна стоятъ въ глазахъ: пылающія свѣчи — золотые кусты горящіе, въ полномъ народа храмъ, сверканіе окладовъ, блески парчи на ризахъ, — и блистающая въ дыму кадильномъ, вознесенная Золотая Книга.

Почему я вспомнилъ о Ней сегодня?

Здѣсь, по лѣсамъ, — заросли золотого дрока и золотого терна. Всюду онѣ, — волнами, холмами золотыми, — куда ни взглянешь. Въ солнцѣ, онѣ пылаютъ, и долго стоятъ въ глазахъ ихъ яркія, праздничныя пятна. Они остались во мнѣ, со мною пришли изъ лѣса, отъ залива, колыхнули въ душѣ минувшее.

Вижу я, какъ живу, великую, окованную блескомъ, въ сіяніи огней, Книгу. Тугія руки діакона-силача держатъ Ее надъ храмомъ, — и бархатный, и густой ревъ-возгласъ, какъ колыханіе колокольной мѣди, гудитъ надъ земно:

„Премудрость... воннн-мэ-ммм...!“

Дрожить голубой воздухъ, дрожатъ огоньки свѣчей. Надъ преклоненными головами плыветъ, колышась, закованная блескомъ, великая Золотая Книга, — Евангеліе великопраздничное, парадное. Поднято Оно съ Престола и вознесено надъ храмомъ. Звякаютъ серебромъ тяжелыя застежки, грузно разламывается Оно на аналоѣ, двѣ высокихъ свѣчи, качаясь, смыкаются копьями огоньковъ надъ негнущимися листьями въ золотомъ обрѣзѣ, надъ переливчатыми шелками парадной ленты... — и густая волна небесно-земного звука растеть и заливаеть...

„Во вре-мя о-но...“

Евангеліе, Вѣсть Благая.

Когда же Оно откроется, Св. Евангеліе Россіи, — и все прочтется?...

Не сонъ мой это, а осталось во мнѣ отъ жизни. Это — живое слово, простого человѣка, деревенскаго слесаря-пьянчужки. Запало оно мнѣ въ душв — и вотъ, на чужой сторонѣ, открылось:

— „Про нашу Россію теперъ... въ Евангеліе писать надо, какъ Страсти Христовы! Все записать, чтобы навѣки помнили... и читать въ церкви, благословясь!..“

Это было не такъ давно, въ побитой до-тла Россіи.

ГОРОДЪ-ПРИЗРАКЪ

„Городъ чудный, городъ древній...“
 О. Глинка.

Городъ-призракъ. Онъ явился моей душѣ; нетлѣнный, предсталъ на небѣ. Ибо земля — чужая.

Я лежалъ на пескѣ, въ лѣсной тишинѣ залива. Смотрѣлъ на небо. Смотрѣлъ, зашурясь, какъ сіяютъ на солнцѣ кусты золотого терна и золотого дрока. Бѣлое, синь да золото. Хмурья сосны въ небѣ. Приливъ былъ въ силѣ. Плавная его зыбь плескала. Подъ шепчущій плескъ дремалось...

Облака наплывали съ океана, невиднаго за лѣсомъ; ихъ рыхлыя снѣговья груды громоздились за соснами, валились на ихъ вершины, пучились и клубились пышно. Быстро мѣнялось въ небѣ. Вотъ—выдвинулась гора, склонилась. За нею — городъ: холмы и башни. А вотъ, купола за куполами, одинъ надъ другимъ, рядами, какъ на гравьюрахъ старыхъ „Святаго Града“: храмы надъ храмами, въ сѣрыхъ стѣнахъ изъ камня. Стаяло — и опять всклубилось. И вотъ, выпучился надъ всѣми куполь, поширился, — и я уловилъ въ мгновенье: великая шапка витязя, шлемъ, — и шишакъ на немъ. Блеснуло въ глазахъ, по памяти: вотъ онъ, нашъ Храмъ московскій! Христа Спасителя. Держался одно мгновенье, — и вытянулся языкъ по небу.

Я вспомнилъ широкія дорожки сквера, кусты сирени и барбариса, изгороди подстриженной калины, рѣдѣющія клумбы цвѣтовъ осеннихъ, церковныхъ, „крестныхъ“, — бархатцы, георгины, астры, — все широко, разгонисто, и все — до старыхъ, широкихъ яблонь, до каменной ограды, завитками, — приземисто и плоско: все придавило Храмомъ. Въ золотомъ шлемѣ исполина, видный на всю Москву, совсюду блистающій сянъемъ, за многія версты видный, со всѣхъ концовъ, онъ давитъ своею массой. Бродишь, бродншь вокругъ него, съ трудомъ поднимая ноги: такая тяга! Глядишь на стѣны, на куполь, закрывшій небо, и въ головѣ мутится, — такая сила!

Вечеръ, сухой и ясный. Нелюдимые сторожа, въ сѣро-суконныхъ блузахъ, съ мѣдными бляхами, поливаютъ неторопливо клумбы. Такъ тихо, что шорохъ дальней поливки слышенъ. Свѣже пахнетъ водою, пылью, осенней сушью. За кустами щебечутъ гимназистки, но ихъ голоса чуть слышны: все глушитъ Храмомъ. Въ воздухѣ дотога прозрачно, что все Замоскворѣчье видно: надъ золотисто-зелеными садами сияютъ колокольни, кресты, купола, окошки. Видны даже у крестиковъ цѣпочки, веревки на каланчѣ, черные шарики сигналовъ. Тамъ еще шумы жизни, а здѣсь — благодатно-тихо. Чутко-тихо. У великаго Храма всегда тихо.

Мосты хорошо отсюда видны: Каменный, Чугунный. Направо — даль, осеннія Воробьевы Горы, въ позолотѣ, къ рѣкѣ — позеленѣе. Палочками бѣгутъ фонарики, и въ нихъ по солнцу. Отъ моста накатываетъ гуломъ, слышно даже отдѣльное копыто.

Внизу — рѣка, малая, простая, Москва-рѣка. Спятъ на ней плоскодонки рыболововъ, блеститъ зеркально золотой шлемъ Храма. Утки плывутъ къ Замоскворѣчью, къ древнимъ хоромамъ Скуратова-Малюты. Вьются за ними серебристыя дорожки.

Въ Храмѣ всеобщая идетъ. Колокола переговариваются печальнымъ звономъ, одинъ за другимъ, рѣдко... — и вдругъ, всѣ вмѣстѣ, ударятъ разбито, скорбно. И опять, мѣрные удары.

Это Животворящій Крестъ выносятъ.

Звонъ великаго Храма чудный: много въ немъ серебра, и мѣдъ его по-особому пѣвуча: глухая, мягкая, будто земля взываетъ. Изъ мягкаго камня Храмъ, песчаный, свѣтлый. Стѣны его — все наше: память о собиравшейся ратными силами Россіи. Александръ Невскій, Дмитрій Донской, Владиміръ, Ольга... Какая даль! Высѣчено вѣками въ камнѣ. Бродятъ передъ стѣнами кучки людей заѣзжихъ, смотрятъ, читаютъ вязъ. Долго, устало ходятъ. Трудно ходить у Храма: тяжелая его масса давить.

А вонъ и хранитель славы, святынь російскихъ, хранитель былыхъ страданій, зеркало наше, — башенно-стѣнный Кремль, надъ тихой Москвой-рѣчкой! И самъ тихій. Вызолоченные орлы его на башняхъ блистаютъ въ вечернемъ солнцѣ, раскинувъ крылья. Орлы не хищные, широкіе и пушистые, — орлы Россіи. Соборы, башни, Иванъ Великій, золотисто-серебренья верха, кокошнички, пузыри, оконца, башенки, теремочки, стрѣлки, городочки, кресты, кресты... шпиль золотой, дворцовый, кардинальская шапка на Сенатѣ, зубцы, зубцы... Сколько тамъ свѣта, блеска, зайчиковъ, искръ, игры! Сколько тамъ спитъ святого, крѣпкаго и безсмертнаго, кровнаго нашего, роднаго, подъ сводами соборовъ полутемныхъ, тѣсныхъ, хоть и неладно, да крѣпко сбитыхъ изъ тесанаго камня! Тамъ Святители почиваютъ, водители народа смутнаго, степнаго, лѣсоваго. Сколько тамъ цѣлости духовной, любви и жертвы! Петръ и Алексій, Русь отъ татаръ хранившіе, Филиппъ, Царя за неправду обличавшій, Гермогенъ, изъ узъ призывавшій къ доблести и чести, умученный... Даль святая и свѣтлая, — изъ тьмы временъ, изъ лыка, изъ поскони, изъ скудости, — скромно глядитъ доселѣ. Святая крѣпость сложила какое Царство! Степными силами собрала, вязала лыкомъ, жилами сплетала, слезами спаяла, кровью. Тамъ лампы мерцаютъ кротко, послѣ пламени бурныхъ лѣтъ. Въ свѣтѣ вечернемъ, тихомъ, стелется голубой ладанъ — послѣ дымовъ-пожаровъ. И Спасъ Темный, неусыпнымъ взираетъ Окомъ. Что провидитъ Россіи въ даляхъ?..

Крестъ выносятъ, въ цвѣтахъ. Пѣніе черезъ стѣны слышно. Перезвоны текутъ печально, мѣрно, — и вотъ, бьются колокола надрывомъ.

„Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...“

Сумерки гуще. Замоскворѣчье гаснетъ, сады темнѣютъ. Но крестики колоколенъ четко видны на небѣ.

И Кремль гаснетъ. Великій Иванъ-Звонарь еще блистаетъ смутно.

И здѣсь темнѣетъ; но свѣтлыя стѣны Храма будутъ бѣлѣть и ночью. И золотая шапка будетъ свѣтитъ мерцаньемъ.

И Царь темнѣетъ. Онъ грузно сидитъ на тронѣ, глядитъ за Москву-рѣку. У ногъ его спятъ орлы. Не спятъ: сторожно глядятъ, поднявши для взлета крылья.

Тяжелый, широкой памятникъ. И Царь тяжелый. Послѣдній изъ Собирателей, Царь Мира и Державы. Царь мужицкій. Съ крѣпкими кулаками, въ сапогахъ мужицкихъ, мужикъ лицомъ. Порфира Его громадна; трудна, тяжела Держава. Но руки крѣпки: держаль — не гнулся. Мѣсто Ему — по Немъ: у Храма побѣдъ и мира, у русской силы. Сидитъ и глядитъ за рѣку, за Москву-рѣку, на прошлую даль степную, откуда валили орды. Россія собрана, крѣпко сбита. Можно сидѣть, глядѣть. Мудрыя дали учать: тише ѣдешь — дальше будешь. И Онъ — сидитъ. Орлы сторожатъ концы: крылья для взлета подняты.

Облаковъ съ океана меньше, — ни куполовъ, ни башенъ. Голубое надъ лѣсомъ небо. Пора домой.

И я уношу съ собою призракъ чуднаго города. Я повторяю имя, негромкое и простое, мягкое —
Москва.

Покойная простота и сила. Бѣлый камень и золото.

„Кто, силачъ, возьметъ въ охапку

„Холмъ Кремля-Богатыря?

„Кто сорветъ златую шапку

„У Ивана-Звонаря?...

Нетлѣнное взять нельзя. Держить Господь въ Дес-

ницѣ времена и сроки, — и Ярое Око Его сожжетъ закрывшую Его тьму.

Вѣрю.

МОСКВА ВЪ ПОЗОРѢ

Когда солнце потонетъ въ океанѣ, когда послѣдняя его искра гаснетъ, — вдругъ, въ помутнѣвшей дали, дымное пробѣжитъ блистанье, мигнетъ въ облакахъ заката. Живое за ними бьется. Кресты ли небесныхъ колоколенъ, сверканье звоновъ?.. Смотришь — померкли дали, колыхается океанъ бездумный, синѣетъ ночью.

Всѣ, кто живаль у океана, знаютъ это прощанье солнца — чудесную игру свѣта. Миѣ ее грустно видѣть. Вспоминаются дымные закаты, блески, — дымное золото и звоны. Блескомъ играли звоны, въ душу запали съ дѣтства и стали свѣтомъ.

Были когда-то звоны, слышала ихъ душа живая. Святой Китежъ... Не захотѣлъ позора, укрылся бездной. Соборы его и звоны нетлѣнно живутъ донинѣ, въ глубокое свѣтлоярѣ. Сокрылся Китежъ до радостнаго Утра, чистый,

Никуда не ушла Москва, покорно лежитъ и тлѣетъ.

Не было свѣтлояра-чуда, — почему же въ пожарахъ не сгорѣла, отдалась, какъ раба, издѣвкѣ?!

Помню Москву въ расплохѣ, — дымъ и огни разрывовъ надъ куполами Храма, блески орловъ кремлевскихъ изъ черной ночи, вспышки крестовъ и вышекъ. Звали кресты огнями. Тихіе соборы положились.

Помню свое Замоскворѣчье — темень осенней ночи, безлюдье улицъ, глушь тупиковъ и переулковъ. Прятались за углами тѣни. Человѣческаго лица не видно — только тѣни. Такъ и по всей Россіи.

Помню осеннюю тьму расплоха, смутные говорки, шептанье, — лужа и вѣтеръ.

— Матросъ проходилъ. Черезъ насъ ужъ перекаатило, теперь подъ нимъ!

— Къ одному бы ужъ концу, что ли. А чего говориль-то?

— Не вельль бояться. Ваша сторона обезпечена... занимайтесь, говорить, своимъ дѣломъ, а мы наведемъ порядокъ.

— По-рядокъ... по Кремлю стрѣляютъ!

— А по-вашему — камни дороже или люди?

— А вотъ чуда не происходитъ!..

— Еще будетъ...

— Безобразіе будетъ. Разъ церкви разбиваютъ...

— Бацнуло-то какъ гулко... въ кумполь?..

— Ка-кое допустили!..

— Кому не допустить-то? Самаго главнаго свалили...

— Никакъ черезъ насъ кидаютъ?..

— Съ „Воробьевки“ это. Всю Москву подъ одинъ прицѣль взяли!..

— Вотъ это довертъ-ли! Всѣ теперь колокольни по-шибаютъ...

— И народъ не вступается! Въ старину, бывало, въ набать били.

— Крѣпче въ старину люди были. Мининъ — Пожарскій, поглядите.

— Извѣстнаго человѣка нѣтъ. Будь извѣстный чело-вѣкъ...

— Скорѣ бы ужъ устанавливали...

— Устанавливаютъ. У Серпуховскихъ въ „Теремкѣ“ штабъ сидитъ, телефоны прокладаетъ...

— Въ трактирѣ! А по Кремлю зачѣмъ же?

— А чего святыми загородились? У Пушкина вонъ, отъ правительства былъ, съ бородкой... обязательно, говорить, церковь отдѣлять надо!

— Это который въ шляпѣ?..

— Вы его, погодите, не пугайте...

— А по-настоящему, такъ бы надо: вышли бы на Ходынку, и сражайся? А то въ городѣ, по народу...

— Извѣстнаго человѣка нѣтъ. Будь извѣстный чело-вѣкъ...

— Про исторію никто не знает! Покуда не объявится знаменитая личность...

— У насъ объявилась.

— Опять энтотъ, шляпа обвислая! Дайте ему разговориться...

— А чего энтотъ, какъ его... все ѳздилъ? Только уѳдетъ — сейчасъ и объявляется! Власть на одномъ мѣстѣ должна править. А какъ начнутъ ѳздить...

— Погодите, ближе подойдетъ... Нѣтъ, къ воротамъ подался!..

— Почему у всякой настоящей власти о-рель? чего, по вашему, знакъ энтотъ означаетъ?..

— Разъ держава, надо держать! У Костомарова, на-примѣръ... Мининъ и Пожарскій... И помазаніе было!

— Теперь во-какъ ма-жутъ!

— Гляди-гляди, отъ Бутиковой фабрики взялись! Съ чердака глядѣтъ хорошо...

— Безобразіе!..

— Вонъ-вонъ, за уголокъ-то хоронится... въ ворота побѣгъ!..

— Ну, теперь... поголовно отвѣтуютъ за порядокъ!

— Обязательно. А то одинъ разговоръ, а дѣла не видно.

Давно было. Свѣяло лузгу вѣтромъ.

Помню Москву въ распахѣ, отданную захвату нерадѣньемъ, безсилъемъ власти; героевъ одиночныхъ, бившихся голыми руками; и „миръ почетный“ — послѣднюю насмѣшку.

Помню Москву въ позорѣ — безпутный гомонъ, подъ красными лоскутами въ блестяхъ, въ сусали трактирной, балаганной. „Впи-редъ... впереди...!“ — похотливый, разгульный выкрикъ, мокрая юбка въ вѣтрѣ, надъ голыми ногами, шлепающія въ лужахъ полсапожки, раздерганныя кофты, сбившіеся платки на шеяхъ, простоволосыя головы подъ вѣтромъ, сипляя съ визга глотки. Разгульно, пьяно брели подъ дождемъ, по грязи. Стада по Москвѣ бродили, ревели — ко-рму!

И строгія лица помню, — въ тоскѣ, въ тревогѣ.

Пьяную Москву-рѣку, въ разгульныхъ лодкахъ, въ матросахъ гологрудыхъ, въ гармоньяхъ, въ дѣвкахъ... И Храмъ, золотой, зеркальный, въ пьяной рѣкѣ метался.

Выбитые до лоска парки, смятые цвѣтники бульваровъ — и своры дѣвокъ, щекастыхъ, голоногихъ, на круглыхъ ногахъ-обрубкахъ, съ бедрами обгулявшей коровы, съ расхлястанной солдатней въ-обнимку, съ красными лентами на чолкахъ, въ награбленныхъ обновкахъ. Ходили за ними кавалеры, въ бантахъ, въ хохлахъ, въ навороткахъ, обнюхивались, терлись.

Стада игрались — и крѣпко несло навозомъ.

Помню и ихъ владѣльцевъ. Они проносились въ ревшѣ, глядѣли хозяйскимъ глазомъ, подманивали кормомъ.

Вижу побитый Кремль, пробитые купола соборовъ, взывавшіе изъ-за стѣнъ мерцаньемъ. Сбитую башню вижу, умолкнувшіе часы на Спасской. Никольскія Ворота, образъ Угодника Николы, чудо: красная тряпка тлѣла, падала на народъ клоками — выглянулъ на народъ Никола.

Святителя, замазаннаго краской, забитаго досками.

Стада отдыхали подъ стѣнами, глазѣли на Минина, въ издѣвкѣ, подъ краснымъ флагомъ.

Помню Великій Ходъ, послѣдній, Крестный.

Москва взывала, стояла у стѣнъ кремлевскихъ, просила чуда. Помню Святое Половодье: тысячи — тьмы народа. Черно кругомъ Кремля. Чернымъ всѣ улицы забиты...

„Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его...“

Москва молилась. Стояла у стѣнъ стѣнами.

Не совершилось чуда.

Я и теперь все слышу, изъ дальнихъ далей, вопль православнаго народа.

Смотрѣли застѣнные соборы, колокола молчали.

Не совершилось чуда.

Дымное золото закатовъ, тревожные блески колоколенъ, душныя ночи лѣта, свѣтлыя и глухія, въ жути... Залпы ночныхъ разстрѣловъ...

RUSSIE

Ивану Алексѣвичу Бунину.

Сегодня я слышалъ о Россіи. И гдѣ слышалъ!

Мѣсто совсѣмъ глухое — лѣсной, первобытный уголь. Узкимъ заливомъ входитъ океанъ въ чашу, плещется у корней сосенъ. Крабы играютъ на песочкѣ, заходятъ въ верескъ, путаются и остаются, когда океанъ уходитъ. Медузы истаиваютъ въ блескѣ, усыхаютъ морскія звѣзды. Сосны роняютъ шишки, и онѣ уплываютъ въ море. Встрѣчается океанъ съ лѣсомъ, идетъ обмѣнка. Люди съ большой дороги заглядываютъ сюда рѣдко: нечего здѣсь смотреть, — песокъ да сосны. Дорога идетъ неподалеку, бѣгаютъ по ней автомобили, аукаются съ чащей. И долго стоитъ за ними облачко бѣловатой пыли.

Свои здѣсь дѣла, свои и люди.

Бродятъ въ соснахъ нѣмые смологонны, стучатъ долгими скобелями, будто дятлы, сдираютъ кору до мяса, вскрываютъ жилы, — выдаиваютъ въ горшочки „сахаръ“.

— Лѣсныя коровы наши! — говорятъ здѣсь о соснахъ.

Всюду плыветъ смолою, янтарной, вязкой, — сахарится, густѣетъ. Трещитъ на жарѣ щепой, золотится глазурью стружка, въ сахарной крупкѣ текутъ желобки на соснахъ, обсахарило горшочки, — сладкой смолою душитъ. Странно и больно видѣть такія сосны, живыя на нихъ раны. Куда ни глядишь — всѣ плачутъ, истекаютъ, милостыньку просятъ у прохожихъ, — каждая со своимъ горшочкомъ.

Такая ужъ тутъ культура.

Хорошо здѣсь въ іюльскій полдень; потрескиваетъ кругомъ отъ зноя, томитъ истомой, засмаливаетъ мысли.

По отливу бродятъ ребятишки, собираютъ „пѣтушковъ“ и мулей на продажу. Совсѣмъ какъ наши: штаны на шеѣ или подсучены до пуза; и голоса похожи, — только задору меньше, не дерутся. Но лица совсѣмъ другія, чернявы, жучковаты; и глаза, и носы другіе, и повадка: чего-то нехватаетъ. Шустраго любопытства, усмѣшки плутоватой, бойкой? Недостаетъ чего-то. Вспомнишь—бывало,

говорили: „народъ забитый!“ Нѣтъ, наши на забитыхъ непохожи. Бойчѣе, моложе наши, — это вѣрно. И шумливѣй будутъ.

Осликъ стоитъ въ двуколкѣ, развѣсивъ уши, пощипываетъ верескъ, дремлетъ. Отъ ящика на колесахъ остро несетъ ракушкой, моремъ. Рыбачка, въ мокрыхъ штанахъ, подкрученныхъ до бедеръ, въ красной баскѣ, въ шляпкѣ съ широкими полями, жадно нашариваетъ въ пескѣ ракушекъ, рѣзко кричитъ на ребятишекъ:

— Живѣй, лѣнтяи!..

Ноги у ней столбами, руки пылаютъ кровью, но выговоръ пріятный, и „г“ хорошо играетъ. Закроешь глаза — классная дама въ институтѣ. Слышно, будто бѣлье полощеть. Смотришь — шлепаетъ по щекамъ мальчишку. Мальчишка стоитъ покорно, только головой вертитъ.

Свои здѣсь дѣла, свои и люди.

Въ этомъ чужомъ углу я неожиданно услышалъ о Россіи:

— Russie!..

Странное было чувство, будто позвали тебя въ пустынь, — испугъ и радость.

Но расскажу, какъ было.

Я лежалъ подъ сосной, набирался смолы и солнца и ни о чемъ не думалъ. Можетъ быть, вспоминалъ мечтаньемъ?.. Приливъ отходилъ, лужи его сверкали зеркалами, глаза слипались. Осликъ вдругъ начиналъ трубить, истомно, скорбно, и замиралъ въ рыданьяхъ. Рыбачка грохнула въ ящикъ мули, глотнула изъ бутылки, уперлась въ бедра, вздохнула бурно, сказала чему-то — воп! — и пошла подбирать ракушки. Пахло краснымъ виномъ, согрѣтымъ, и я тоже подумалъ — воп! Было дремотно, знойно. Въ верескѣ копошились, гудѣли пчелы, въ соснахъ трещали шишки, стучали смологоны. Я лежалъ, прищурясь, прислушивался къ стукамъ и вспоминалъ наше лѣто, тихое наше небо. И они приходили, какъ живые, — и запахи, и звуки.

... Я сижу на березовой опушкѣ, слышу прохладный шелестъ, вижу зеленяя сердечки, трепетанье. Пахнетъ березой, горечью ея сладкой, сухими пнями, свѣжимъ луговымъ сѣномъ, теплымъ. Въ высокой травѣ, въ рѣдкихъ,

уже отцвѣтающихъ метелкахъ, сквозить колея дороги, еще отъ весенняго распутья, когда объѣзжали къ лѣску, повыше. Гнѣздышко даже на ней видно, льняное, травяное, — какой-то довѣрчивой пичужки. Съ весны не проѣзжали. За дорогой, за рѣдкими кустами, — луга, широкимъ и ровнымъ скатомъ, до темныхъ ракичь рѣчки, сверкающей гдѣ-то омутами, въ глинистыхъ берегахъ, въ дыркахъ стрижиныхъ норокъ, съ журчливою галькой брода. Въ лугахъ хлопотливая уборка: всюду пестро, бѣлѣть, — платки, рубахи, рыжіе шалаши, телѣги, съ вздернутой на оглоблѣ юбкой, съ повянувшей березкой. По свѣтлому лугу, въ желти, — темные гребешки прокосовъ, новыя грабли блестятъ, скачетъ легкими ворохами сѣно. На темномъ возу мужикъ, на солнцѣ совсѣмъ пунцовый, поплясываетъ, уминаетъ. Кидаютъ ему на вилахъ. Подъ возомъ маленькая совсѣмъ лошадка, но ее до дуги всю видно, какъ вскидываетъ мордой, лягаетъ слѣпней подъ брюхомъ. За рѣчкой — хлѣба по взгорью, повыше — пожелтѣе, за ними риги; длинная улица деревни, въ ветлахъ, чье-то богатое имѣнье — высокій зеленый островъ, стрѣльчатый кругъ вѣтрянки, колокольня съ зеленымъ верхомъ, и въ поднебесной дали, подъ темной каймою бора, вспыхиваетъ бѣлыми шарами, — будто колеса катятъ: это ползетъ товарный, долго-долго. Неохватная ширь какая! Я слышу даже, какъ аukaются въ лѣсу ребята, раскатывается гулко, въ глухой глубинѣ за мною. И совсѣмъ близко гдѣ-то, чистый и нѣжный дѣвичій голосъ раздумчиво поетъ пѣсню...

Такъ для меня все живо, незабвенно живо.

Зашумѣла машина на дорогѣ, стала. Голоса ясныли, и появились трое. Одинъ обводилъ рукою, восхищался. Другіе стали глядѣть въ бинокли. По виду, пріѣзжіе, туристы, какъ-будто англичане: высокіе, въ путевыхъ каскеткахъ, съ кодаками. Первый, невысокій, жирный, былъ, очевидно, здѣшній, въ обмятомъ домашнемъ платьѣ, въ соломенной жесткой шляпѣ, какъ дѣловые люди. Онъ что-то говорилъ, быстро, съ жаромъ, — сверкали золотые зубы. Туристы озирались, справлялись въ книжкѣ, отчеркивали ногтямъ. Быстро раскрыли аппараты и сняли холмикъ, на той

сторонѣ залива, куда особенно тыкаль здѣшній, живописную рыбачку въ штанахъ, нагнувшуюся надъ грязью, дремавшаго ослика и меня, конечно. Иныя слова я слышалъ. Толстякъ повторяль въ восторгѣ:

— Très joli! très joli!...

Англичане мычали, соглашались.

— Не правда ли, господа... совсѣмъ какъ маленькая Швейцарія? Какъ красиво!..

— Très joli!

— сыпалось, какъ горохомъ.

— Это—рѣдкость! Гигантская высота для дюнь, шестьдесятъ три метра! Это — горы! Весь океанъ отсюда... très joli. Для отеля если или для шикарной виллы... Имѣйте въ виду... пожалуйста, только между нами, дѣло коммерческое... конструируется Общество, съ громаднѣйшимъ капиталомъ... пятьдесятъ миліоновъ!! Тогда...! Подъ гольфъ отведемъ...

— Гольфъ будетъ?

— Какъ же безъ гольфа?! Приѣзжаютъ и спрашиваютъ — гольфъ есть? Отведемъ сотню акровъ.

— Гм...!

— Будущее — громадно. Раскошное казино, прямо на „mer sauvage!“ Блескъ культуры!..

Они подошли ближе и присѣли. Толстякъ раскаталъ бумагу, и опять защелкало горошкомъ:

— Très joli! très joli!...

Постукиваніе въ лѣсу смолкло, и изъ-за сосенъ выбрался смологонъ, со своей неизмѣнной сумкой, съ длиннымъ скобелемъ на плечѣ, въ затертой курткѣ, въ залитой смолой каскеткѣ. Онъ угрюмо сказалъ — „bonjour“, разстелиль газетку, досталъ бутылку вина, хлѣбъ, ножикъ — и принялся за завтракъ. Онъ заботливо отрѣзалъ толстые куски хлѣба, жеваль неспѣшно, поглядывая на сосны, на приѣзжихъ, и отпиваль мѣрно изъ бутылки. По насторожившемуся лицу я видѣль, что онъ прислушивался, о чемъ говорили трое. По тому, какъ онъ взглядывалъ къ приѣзжимъ и какъ отхватываль ножомъ отъ хлѣба, я поняль, что эти люди его интересуютъ и волнуютъ. Онъ даже за-

возился, крякнулъ. Лицо его остро натянулось, тонкія губы повело усмѣшкой. Онъ тряхнулъ головой къ прїѣзжимъ и сказалъ про себя, сердито:

— Иностранцы, отели, виллы... ловко работаютъ агенты, А гдѣ мы будемъ?.. Non, portez ailleurs vos coquilles, là-bas!

Онъ дождался, когда толстякъ поднялъ голову отъ плана, и крикнулъ добродушно:

— Здравствуйте, господинъ Ляфонъ! Дѣла идутъ наладъ?

— Здравствуйте, Франсуа, — сказалъ толстякъ. — Ничего. А какъ ваши?

— На-ши!.. Deux bons boeuf — avons oeuf.

— Ну-у... — протянулъ толстякъ. — Канифоль лѣзетъ въ гору, какъ каучукъ!

— Намъ не до каучука. Не думаете ли вы спустить всѣ наши лѣса, до самаго Аркашона, со всѣми нами?

— Ваши... лѣса?! Какіе — ваши? Что вы хотите сказать?..

— Да что сказать... Думаю, что плохи въ лѣсахъ дороги... для каучука!

— Какъ? — передернулъ агентъ плечами.

— Да такъ. Тѣсно. Можно и не развѣхаться. Да и липко...

Туристы вслушивались, но, кажется, неясно понимали: смологонъ говорилъ нечисто, по-лѣсному.

— Что-то я васъ не понимаю... — изумленно сказалъ толстякъ и посмотрѣлъ на сосны.

Смологонъ отмѣрилъ на бутылкѣ, приставивъ ноготь, и вытянулъ, сколько надо.

— Вы все понимаете. Когда мы въ окопахъ мокли, вы сухими мѣшками торговали, для земляныхъ укрѣпій. Теперь сырою землей торгуете..?

— Торгую. Ну такъ что же?

— Ну и... покупателямъ лучше впередъ подсчитывать убытки.

— Ne faites pas la bête! — крикнулъ агентъ сердито, срывая шляпу, и щелкнулъ о колѣнку, какъ коробкой. — Что вы хотите сказать?..

— Что я хочу сказать?.. Не стоит тратиться на гербовую бумагу. Вѣтеръ мѣняется! Наши лѣса, ваши лѣса... Забыли, что ли, какъ лѣтъ пять тому было, какіе разговоры?..

— Какіе разговоры?..

Смологонъ уже кончилъ завтракъ, забралъ сумку и скобель и, не отвѣтивъ, ушелъ за сосны. Скоро опять послышалось выстукиванье дятла.

Туристы спрашивали агента, тотъ объяснялъ имъ долго, стучалъ шляпой о костяшки пальцевъ, тыкалъ къ лѣсу, и я услыхалъ ясно, какъ вмѣсто сладкаго „très joli“ — выскочило совсѣмъ другое, заставившее меня дрогнуть:

— Russie!

И стало повторяться.

Говорили теперь всѣ трое. Агентъ что-то выкладывалъ на пальцахъ, куда-то тыкалъ, высоко надъ лѣсомъ, и въ его пылкой, несвязной рѣчи прыгало трепетное слово:

— Russie!.. Russie!..

И тѣ двое — это были, конечно, англичане, — повторяли на своемъ языкѣ, такое шипящее, сквозь зубы:

— Рѣшш... Рѣшш...

Они говорили о Россіи.

Путаное я слышалъ, только. Говорилось злобно, насмѣшливо, высокомѣрно:

— Чума, зараза. Азіаты. Никогда не было закона, никакой культуры. Рабы, язычники, людоѣды. Царь и кнутъ. Пьяницы, дикіе мужики, козаки. Царь всѣхъ казнилъ, любили всегда нагайку. Грязныя животныя! Понятія чести нѣтъ, намъ измѣнили. Теперь дикари хотятъ разрушать культуру! несутъ заразу! Надо ихъ научить культурѣ, надѣть узду. Прекрасное поле будущаго. Надо колонизовать, надо раздавить въ зачаткѣ...

Всѣхъ громче кричалъ агентъ. Онъ даже плюнулъ и крѣпко растеръ ногой. И все вертѣлось:

— Russie... Russie... Рѣшш...

Наконецъ, успокоились, опять стали разбираться въ планѣ, и опять слышалось — très joli.

Я не сказалъ ни слова. Что имъ можетъ сказать ди-

карь, рабъ, котораго били кнутьями, который самъ убѣжалъ *оттуда*? Они все знаютъ; давно и хорошо знаютъ. Имъ сказали. Имъ десятки лѣтъ говорили, „самые лучшіе, самые культурные“, изгнанные за правду царями-палачами. Они знаютъ: *Russie!* Это — царь и кнутъ. Страна безправныхъ рабовъ и висѣлицъ. Нагайки свищутъ по всей странѣ. Царь спаиваетъ народъ, вымариваетъ голодомъ, снимаетъ послѣднюю рубаху. Урядники, казаки, фабриканты, помѣщики... выжимаютъ послѣднюю копейку, выколачиваютъ нагайкой. Они все читали, десятки книгъ, — и знаютъ эту *Russie* — страну вѣчной зимы и мрака, гдѣ ходятъ въ звѣриныхъ шкурахъ, гдѣ ѣдятъ человѣчье мясо. Великая пустыня, гдѣ нѣтъ никакой культуры.

Они — европейцы, и все знаютъ. Что имъ можетъ сказать дикарь, который не знаетъ права, ни морали? Мои слова они разотрутъ крѣпкими гвоздяными башмаками — этотъ невнятный лепетъ никому непонятной „*Game slave*“, прикидывающейся глубокой, кроткой.

Я сказалъ бы... Но что мнѣ сказать — *теперь?*..

Машина покатила. Осталось въ ушахъ:

— *Russie... Russie... Russie...*

Кто ее такъ прославилъ, пустилъ по свѣту? „Царипалачи“ да „кнутъ“ — всего и было! Кто ее такъ ославилъ, такъ ограбилъ?!

Усыпленная мысль проснулась и увела меня вдаль и вглубь.

...„Россія въ цѣпяхъ. Царскіе палачи, опричники. Висѣлицы, урядники, жандармы. Сапогъ жандарма. Забитый, темный народъ, въ тискахъ кулаковъ, помѣщиковъ, поповъ, кабатчиковъ и жандармовъ. Царь-кабатчикъ. Страна истекаетъ кровью. Престоль-отечество! Православіе, самодержавіе, народность... пресловутые три кита. Царскіе хищные орлы. Христолюбивое воинство! Сѣрая скотинка!..“ — яростный свистъ и гикъ.

Мнѣ вспоминались книжки, полныя клеветы и злобы, гдѣ все подбрито: вырвано сердце жизни, вытравлены всѣ краски, выдраны гордыя страницы. Груды листовъ бездарныхъ, полныхъ трескучей травы; статьи въ газеткахъ—

на всѣхъ языкахъ, и всюду — одно кривое. Ни слова ласки, ни одной свѣтлой точки. Ни единого слова гордости Россіей, ея движеніемъ!

И вотъ — гиблая, мертвая, лихая. Подмѣнный паспортъ сталъ уже настоящимъ. Налганный ликъ оправданъ. Пугаломъ стала, притчей. Какія слова скажешь?!

Russie... Russiel..

Приливъ отошелъ. Синія его воды были теперь чуть видны. Остался грязный песокъ да тина. Ребятишки копались въ нихъ. Чѣмъ-то разсерженная рыбачка опять шлепала по щекамъ мальчишку, дала наотмашь и крикнула крѣпко:

— Merde!

Осликъ трубилъ источно, домой просился. Рыбачка грохнула мули, треснула ослика корзинкой, взглянула на меня строго и стала собираться. Живописная издали, она оказалась грубой, усатой, желтолицей, съ тяжелыми, жесткими глазами. И штаны на ней оказались не штанами, а ловко замотанной у бедеръ юбкой. Она сердито вскочила въ ящикъ и погнала песками. Ребятишки бѣжали рядомъ.

Было уже за полдень. Прямое солнце душило смолой и зноемъ. Пощелкивали лопавшіяся шишки, потрескивало щепой и стружкой, жестко стучало въ соснахъ, царапало по корѣ, трещало, драло. И во всѣхъ этихъ шорохахъ и трескахъ стояло остро въ моихъ ушахъ, пылало въ моихъ глазахъ трепетное для меня слово — хрустѣвшая на чужомъ языкѣ — Russie.

Когда я выбрался изъ смолы, пересталъ уже слышать трески, вздохнулъ свободнѣй, — огромный голубой автокаръ, съ полсотней мигнувшихъ пятень, окатилъ меня грохотомъ и жаромъ и залилъ волнами пыли.

ВЕРЕСКЪ

Утихла буря, и даль дотога прозрачна, что дымные Пиренеи видно.

Сегодня, какъ-будто, праздникъ, — такое солнце! Весь

океанъ — какъ новый, синій до черноты и блеска, свѣжій. Вспыхиваютъ на немъ барашки. И вѣтеръ свѣжій, густой, соленый, дышитъ морской пучиной. Съ цѣлаго міра вѣтеръ, изъ дальнихъ далей, куда западаютъ звѣзды.

Отливъ сіяетъ, колетъ стекляннымъ блескомъ. Берегъ — веселый таборъ. Полощутся полосатыя палатки, дуются пузырьями, выются. Всюду живое тѣло, блещетъ и розовымъ, и мѣдью, струится, льется. Руки на бедра, грудь широко, впередъ, — тянетъ къ себѣ раздолье.

Бухаетъ океанъ, тяжелой волною плещетъ.

Возятся на пескахъ, бухаются въ валы съ разбѣга, выкинувъ руки стрѣлкой, бьютъ по волнѣ сверканьемъ. Пѣнится океанъ и хлещетъ, тѣло кипитъ, играетъ. Играетъ солнце.

Счастье — дышать всей грудью! Когда-то было. Все еще, будто, помнишь радость глубокаго дыханья, утра и ночи въ морѣ, качку бортовъ на звѣздахъ, крѣпкій, соленый вѣтеръ.

Пузырятся пестрыя палатки, плещутъ. Въ тѣни подъ ними — народъ постарше: читаютъ свои газеты, курятъ. Въ синія волны смотрятъ.

— Comment ça va?

— Ça va bien!

Кафе — повыше. Щелкаетъ полотно навѣса, красные язычки играютъ, хлопаетъ флагъ на вышкѣ. За столиками густо, звучно. Бьется въ стаканахъ солнце, съ виномъ играетъ. Здѣсь, въ холодкѣ, покойно, и дальше видно. Читаютъ свои газеты, болтаютъ, курятъ. Сидятъ и смотрятъ, глотаютъ вино и вѣтеръ, тугой, соленый.

— Comment ça va?

— Ça va très bien!..

Хорошо перекинуться словечкомъ, зѣвнуть покойно. Подъ ногами своя земля. Плещется на глазахъ родное — милья головы и руки, голосъ и смѣхъ знакомый, которыйловишь сразу. Хорошо такъ сидѣть — не думать...

Стрѣлка ползетъ къ полудню. Фырчатъ машины.

Слушаю, вижу, вспоминаю... А гдѣ же наше? Глаза родные, искавшіе свѣтлыхъ далей? гдѣ безоглядность наша?..

Грустно на чужомъ праздникѣ; шумно, и много солнца.
Въ лѣсахъ покойнѣй.

Темныя, строгія колонны сосенъ. Сумеречно и тихо. Плавно гудить въ вершинахъ, будто органъ церковный. Какъ-будто — ладанъ? Тихій, церковный воздухъ. Не слышно смѣха, не видно человѣка, глазамъ покойно. Сте-лется подъ ногами верескъ, пышный коверъ лиловый, по-койный, тихій. Роятся благодатно пчелы, звучать гудливо. Что онѣ взять здѣсь могутъ? Куда ни гляди — все ве-рескъ, тихій, сиротскій, вдовій. Я беру скромные цвѣточки— крохотные кувшинчики, похожіе на брусничку нашу. Ко-нечно, они — родные, дальніе только очень. Цвѣты не-плодной земли, пустынной, грустной. Пахнутъ они такъ робко, нѣтъ на нихъ блеска красокъ, но мнѣ пріятны. Я долго гляжу на нихъ... что-то меня къ нимъ тянетъ, сми-ренной грустью. Какъ-то они мнѣ близки, словно въ нихъ что-то наше, невидное никому, ненужное, — скорбная доля наша. Я возьму ихъ съ собой, поставлю, и будемъ вмѣстѣ. Долго они не вянутъ.

Иду, считаю. Думы можно унять бездумьемъ, итти и считать безъ счету.

Папоротникъ желтѣетъ, сохнетъ... скоро осень.

„Унылая пора, очей очарованье...“

Вонъ и верескъ бурыми пятнами покрылся! Вотъ и еще лѣто откатилось.

Май—Сентябрь, 1925 г.

Ланды.

НА ПЕНЬКАХЪ

(Разсказъ бывшаго человѣка)

I.

Вы находите, что я немножко перемѣнился. Немножко! Увѣрю васъ, что я, въ самомъ подлинномъ смыслѣ, бывшій, и могу повторить это на семи языкахъ, живыхъ и мертвыхъ, какіе я зналъ когда-то. Ни рисовки, ни горечи, ни сожалѣнія даже. Да, я — бывшій. Это вовсе не означаетъ, что я уже никакой теперь. Напротивъ, я теперь очень какой и могъ бы прогуливаться подъ-ручку съ Нитше, если бы были мы въ общемъ планѣ. Но я, какъ бы это сказать... даже и въ никакомъ планѣ! Я, простите, немного непонятенъ, но это потому только, что я еще не привыкъ къ новому состоянію своему, во мнѣ еще сталкиваются обломки прежняго, и вамъ неизвѣстна метаморфоза. Но вы скоро ее узнаете.

Я, прежній, вытряхнулся изъ природной своей квартиры, въ которой пребывалъ почти что шестьдесятъ лѣтъ, съ самага дня рожденія, и теперь я совсѣмъ иной, хоть и ношу знакомую оболочку. Для васъ я, какъ-будто, тотъ же, съ тѣмъ же довольно рѣдкимъ именемъ Θεогность, — Θεогность Александровичъ Мельшаевъ... ну да, тотъ самый, знакомый по обществу изученія памятниковъ культуры и тому подобное, по лекціямъ въ Институтѣ Археологіи и Университетѣ и, какъ вы сказали, по моей, донинѣ классической... — какъ бы я желалъ плюнуть! — книгѣ „Пролетъ Вѣковъ“, — я напишу, погодите, про... „Ледъ Вѣковъ“!

Но это все потому, что я продолжаю таскаться въ прежней своей ливреѣ.

Богъ мой! Съ какой, если бы знали вы, ненавистью и тоской, съ какой усмѣшкой и жалостью я вдругъ улавливаю себя въ зеркалахъ, — случайно, ибо теперь зеркала ненужны, — съ какимъ отвращеніемъ смотрю на эту слѣпую дылду, на этого громадно-слѣпого щенка, самоувѣреннаго болвана, сожравшаго столько сахара и кормившаго имъ другихъ! Правда, теперь я вижу другихъ щенятъ, сладко похрустывающихъ все тотъ же сахаръ, и посмѣиваюсь въ кулакъ. Нельзя же смѣяться громко. Эти щенята умѣютъ и кусаться! И даже очень, хоть и объѣдаются сахаромъ. Я и теперь еще иногда прохожу съ поднятой головой, съ этимъ постылымъ видомъ стараго Аполлона въ пальто отъ О-бон-марше, и должно быть еще внушаю почтеніе ростомъ и крѣпкой еще фигурой и этими вотъ кудрями, въ которыхъ „мерцаетъ старинное серебро“, какъ выпалила недавно одна особа, когда-то въ меня влюбленная. Но это — совсѣмъ не я. Во мнѣ — я часто съ ненавистью ловлю знакомыя интонаціи! — сохранилась наигранная манера рѣчи, любующаяся собою плавность, качанье словесныхъ волнъ, въ которыхъ любятъ дремать щенята, въ которыхъ пріятно тонуть. Къ счастью, я постепенно освобождаюсь отъ этой липкости.

Я хотѣлъ бы разстаться съ логикой, съ этой змѣей вертлявой, похожей на скорпіона, который разить хвостомъ. Скоро будетъ и это, и я стану совсѣмъ свободнымъ. Но, позвольте... съ чего жъ я началъ?..

Мы сидимъ на берегу Океана. Я зацѣпилъ палкой эту жестянку американскаго молока, кинутую волнами, и началъ вспоминать, какъ было со мной на вырубкѣ... А потомъ пролетѣли птицы, и унылый ихъ крикъ напомнилъ... Ну да, конечно. Мнѣ спѣшить некуда, пароходы меня не ждутъ, въ экспедиціи я не ѣзжу, — я уже никуда не ѣзжу! — и могу продолжать „вытряхиваться“. Это необходимо, ибо во мнѣ еще есть остатки. Если вамъ наскучитъ моя бесѣда, можете не стѣсняться и уходить. Съ одинаковымъ результатомъ буду я говорить этимъ выкиды-

шамъ морскимъ, коробкѣ, доскѣ, пескамъ и небу, и этимъ милымъ унылымъ птицамъ. Особенно — милымъ птицамъ. Такъ вотъ, извольте...

II.

Вы когда-нибудь пиголицу видали? Ну, чибись... съ косичкой на затылкѣ?! Унылая птица. И никогда я вниманія на нее не обращалъ, а вотъ она-то и поспособствовала. Черезъ нее-то мнѣ и явилось, какъ откровеніе. Я вдругъ превратился... Помните, у Овидія:

„Obstupere omnes nec talia dicta probarunt“...?

Вотъ. „Всѣ оцѣпенѣли и осудили такія рѣчи“. Если сказать вамъ сразу о превращеніи, и вы, пожалуй, окаменѣете и—не одобрите, какъ кощунство. О, я отлично понимаю, что дебоширю въ Святомъ-Святыхъ, что я на потокъ пускаю великіе Идеалы и своими „силенками чело-вѣчьяго слизняка“ — лексиконы богатые у жрецовъ! — пытаюсь свалить пирамиды Безсмертнаго Фараона — Духа! А мнѣ... что же прикажете дѣлать мнѣ, когда я весь измѣнился, вытряхнулся, и именно такъ и вижу? Но надо имѣть терпѣніе и дерзать. Впрочемъ, вы отъ почвы родныхъ равнинъ, тоже познали и ѣ что, — и окаменѣть не можете. Я теперь научился читать по лицамъ и вижу въ вашихъ глазахъ, что и вы “въ другомъ планѣ“, пережили и страхи, и страхи страховъ, распятіе души познали и выплюнуты какъ бы за предѣлы посюсторонняго.

Но я немного сбиваюсь: нѣкое какъ бы расщепленіе во мнѣ.

Случилось это, о чемъ я хочу рассказать, — и долженъ! — какъ бы въ заумномъ мѣстѣ, какъ бы въ поляхъ посмертныхъ. Есть такія мѣстечки въ суровой римской Кампаньи, въ унылые дни, зимой, когда глазъ не схватитъ ни одной теплой точки, и въ вѣтрѣ сѣтся пустота. Тогда козы лежатъ, какъ камни, и въ глазахъ ихъ тоска пустыни. Такимъ же заумнымъ мѣстомъ — сколько такихъ видали! — бываютъ раскопки умершихъ царствъ, когда зайдешь далеко-далеко отъ лагеря. Видали ли вы лунные пески пу-

стыни? А голоса безмолвія подѣ луной! Яблочкомъ, въ страшной глыби, виситъ луна — круглая дырка въ синѣющую бездонность, въ пустую безконечность. А тутъ, на фіолетовой мертвенности песковъ, воздушными, дымными костяками вытягиваются побитыя колонны, мертвыми зубьями колютъ небо, а ты сидишь на обломкѣ камня, и тѣни, вызванныя луной, прахомъ тысячелѣтій тебя накроютъ и вѣютъ тлѣньемъ. Но я отвлекся...

Случилось это все же въ реальномъ мѣстѣ, а не въ поляхъ посмертныхъ,—ибо это не выдумка, и Овидій тутъ не при чемъ,—въ трехъ верстахъ отъ желѣзнодорожнаго полустанка „Пупырники“, — имя самое разреальное, — у гнусенькаго болотца, на взѣрошенной вырубкѣ, — на пенькахъ. Хоть и начало лѣта, но день съ прохладцей; солнце, будто, всего пугается, прячется въ облачкахъ, куたается отъ лихорадки въ вату, а эта грязная вата ползеть по болотцу хмурью—и вотъ заплачетъ. Что можетъ быть тоскливѣй такого худосочнаго пейзажа: ржавая вымочина, ольховые и осиновые пеньки, бородавки-кочки, бѣлоусъ сухой и шершавый, какая-то больничная горечь, болотная, съ сладенькимъ привкусомъ хлороформа и іодоформа, и ладана... и еще эти пиголицы сто-нутъ?! Какія могутъ родиться мысли? Вы угадали: покойники. И не совсѣмъ. Онѣ проходили вереницей, милыя тѣни прошлаго, приходили съ краевъ земли на чахлое русское болотце и рвали сердце. Тѣни, ибо изъ иного міра. Или я самъ былъ тѣнью? Но почему же даже и тамъ, на какъ бы заумномъ мѣстѣ, въ небытіи, но рядомъ съ дерюжнымъ мѣшкомъ съ бараниной, вдругъ — такая высокая матерія — о... человѣкъ? Ужъ и не человѣкъ я былъ, а какъ бы невѣсомое, какъ бы „вещь въ себѣ“, а мысль и пошла вертѣтъ: гдѣ человѣкъ? что — человѣкъ? И про „діогеновскій фонарь“ вспомнилъ... И вдругъ полѣзло въ глаза—Европа, Лувры, конгрессы ученыхъ міра, великія достиженія, снѣговыя вершины разума... А рядомъ — бараниной отъ мѣшка несеть!

Погодите, — поймете. Тогда, съ пеньковъ-то, и про „истину, добро и красоту“ вспомнилъ. А я, какъ вы зна-

ете, тоже какъ бы служитель красоты и гармоніи, а потому — и добра... и, какъ историкъ философіи, будто бы и служитель истины?! И вотъ, съ пеньковъ-то, вдругъ и осѣнило меня, словно черезъ духовный микроскопъ посмотрѣлъ... и позналъ. И рѣшилъ дерзкій вызовъ бросить судьбѣ и взять діогеновскій фонарь. Онъ, конечно, за тысячелѣтія поржавѣлъ, память, но... другого пока не найдено.

Теперь-то я понимаю, какъ смѣшно было со стороны на меня глядѣть, тамъ-то! Но глядѣть-то вѣдь было некому. Пиголицы однѣ... И вотъ, за отсутствіемъ иного живого существа, — и въ благодарность за „откровеніе“, — я клятву-то аннибалову той самой пиголицѣ и далъ! Со слезами далъ, въ зеленыхъ штанахъ-діагональ и въ пиджакѣ, какъ-будто чесучевомъ. Торжественно, помню, произнесъ:

— „Слушай же хоть ты, пиголица несчастная, мою аннибалову клятву! Хоть и „тростникъ“ я, но мыслящій! Наѣмся вотъ этой самой баранины душистой, заряджусь отъ фасоли фосфоромъ, зажгу вотъ этотъ фонарь — по лбу себя, помню, щелкнулъ, — и отыщу въ себѣ чело в ѣ к а! Хоть ископаемаго, а сыщу! дерзну!“

Я тогда даже и засмѣялся предрезновенно, въ полный голосъ, — и испугался. Вѣдь сколько же лѣтъ я смѣха своего не слыхалъ и голоса! Мѣсто, правда, было глухое, какъ бы посмертное, и совсѣмъ никакого резонанса, — на вырубкѣ! Какъ бы — въ вату! Но дерзновеніе показалъ. Пиголицы переполошились, такой-то стонъ подняли... — такъ неприятно стало. Впрочемъ, если бы даже и предсталъ вдругъ нѣкто, въ блестящей кожѣ, со скульями, и, пронизавъ мяснымъ взглядомъ, спросилъ, поджимая губы: — „А что, собственно, обозначаетъ вашъ смѣхъ, товарищъ... и въ такомъ пустынномъ мѣстѣ...?“ — у меня имѣлся чудесный поводъ не только укрыться отъ зрячей кожи, но даже и укрѣпить реномэ! Я показалъ бы на свой мѣшокъ и съ радостной дрожью въ голосѣ разъяснилъ бы недоумѣніе:

— „Отъ безмѣрнаго счастья, дорогой товарищъ!..“

Мѣ-шо-чекъ-то вотъ этотъ, жалованный... ака-де-мическій!! Въ пустынь съ вами — и... манна небесная дарована! До глубины души чувствую попечение и... честь!“

Сколько бы наговорилъ словъ прекрасныхъ о кожномъ благородствѣ, о великихъ жертвахъ во славу труда и знанія! А мимика?! За шесть-то лѣтъ молчанія такая мимика и мимикрiя получились... — прямо, психо-физиологическая метаморфоза! И теорiя Дарвина закрѣплена окончательно.

И клятву я таки выполнилъ: я—здѣсь! Другое дѣло, что я здѣсь нашель... Но я — здѣсь.

III

Я нервничаю немного, и, вообще... — но вѣдь я же не сухостой и не лѣтописецъ изъ подземелья. Я все же — искатель истины, какъ-будто знавшій ее когда-то, и вдругъ... кто-то ее слизнулъ! Какъ же — безъ трепета?! И потомъ же... — шесть лѣтъ! Я и предупредилъ, что вытряхиваюсь, и потому не удивляйтесь, что перескакиваю. Вѣдь какіе скачки-то были! Изъ двадцатаго вѣка въ... какой?! Да такого и вѣка не было никогда, — повѣрьте ужъ мнѣ, историку. И потомъ, изъ небывавшаго еще вѣка — въ Европу побѣдоносную! Но и Европа-то... Но объ этомъ послѣ.

Сейчасъ во мнѣ взрывы и разряженія, и фонарь мой временами начинаетъ коптить и гаснуть. Самому представляется иногда, что я — какъ-будто и не я даже, а нѣкая эманация... И логика иногда хромаетъ?.. Но она же теперь вездѣ хромаетъ, — и ничего. Но надо все-таки по порядку.

Я здѣсь уже скоро годъ, но и во мнѣ, и на мнѣ все еще какъ бы... потустороннее, и я все еще слышу, какъ воняетъ отъ меня воблой и... всякой той эманацией... Даже вотъ тутъ, на берегу Океана... воняетъ отъ меня „супчикомъ“ изъ воблиныхъ глазковъ, „шрапнелью“, что протираетъ кишки, и прокислой бараниной. А вчера увидаль синещекаго шофера, въ крагахъ и галифѣ, и губы у него поджаты, и кожа въ блескѣ... — голову вобралъ въ плечи!.. Самому противно.

Вотъ закрою глаза — и вижу..

По болотистой луговинкѣ вьется ржавая тропка, позади остался полустанокъ, впереди еще четыре версты такой дороги, — поросль, пеньки, стрекозы, болотца.. — а тамъ, между двухъ овраговъ, на гривкѣ, разбитая моя дача, съ черными дырками, съ безумьями соловьевъ въ ночи, съ бьющимися въ ней криками той жизни.. Я едва волоку мѣшокъ, присаживаюсь черезъ сотню шаговъ и все оглядываюсь. Мнѣ кажется, будто я что-то укралъ и прячу; или — будто меня купили со всѣми потрохами за этотъ мѣшокъ, или вырвали его у кого-то и дали мнѣ.. и вотъ-вотъ отымутъ. Или — меня самого отымутъ! Сижу на пенькѣ и оглядываю себя..

„Да кто же я?!“ — спрашиваю зеленяя брюки-діагональ, трясую головой, чтобы вытряхнуть мусоръ, и припоминаю съ трепетомъ:

... „Я ... профессоръ?.. члень-корреспондентъ двухъ европейскихъ Академій... авторъ ученыхъ трудовъ, кавалеръ „почетныхъ легионовъ“, знатокъ античныхъ искусствъ, имѣлъ дипломы... производилъ раскопки погибшихъ царствъ, умершихъ цивилизацій...?“

И опять встряхиваюсь. Не можетъ быть!.. Рванный мѣшокъ, болотина, пиголицы кричать...? И я страшно хочу нашарить въ мѣшкѣ ослизлую баранью лопатку и грызть, и грызть... Но у меня выпали передніе зубы, вставить я не могу... я буду сосать баранину! И снова встряхиваюсь. Не можетъ быть... Развѣ я былъ профессоромъ? Въ какой жизни, въ какихъ вѣкахъ?.. Сопливый мальчишка дворника — теперь онъ, правда, завелъ платки, но губа трубкой та же, и лицевой уголь идиота.. — вчера опять въ коридорѣ шепелявилъ:

— „Съто... ко му у уши-то оболтали?!“...

Оглядываю себя. На ногахъ у меня — бѣдныя мои ноги! — футбольные башмаки, выданные мнѣ изъ „склада просвѣщенія“ благосклоннымъ распоряженіемъ одной крашеной дамы въ изящныхъ туфелькахъ, сдѣлавшей неожиданное открытіе, что я читаю лекціи въ дырявыхъ шерстяныхъ чулкахъ — покойной моей жены!—и въ рваныхъ

резиновыхъ калошахъ. Эту даму я какъ-будто когда-то видѣлъ въ Парижѣ или въ Женевѣ... Ну да, я видѣлъ ее, съ папирской въ сухихъ губахъ, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ каскеткѣ! Ну да, она являлась ко мнѣ въ отель, просила прочесть „о духовномъ хлѣбѣ“ для хлѣба насущнаго, когда еще они гуляли по панелямъ, предвкушая „власть“. Я читалъ — для нихъ!! И она спорила и пускала мнѣ дымъ въ лицо, — кричала о какомъ-то „трудовомъ“ искусствѣ, которое она знаетъ, и которое принесутъ они! И вотъ, она приказала выдать „этому старью“ — буцы. Но почему я увидалъ на ней чудеснѣйшую камею — брошь, съ изумрудными глазками, работы великаго голландца, изъ рѣдкой коллекціи Герцога М., моего стариннаго друга и спутника, пропавшаго „безъ вѣсти“ въ Кисловодскѣ?.. Эти буцы вверху прострѣлены, — одна изъ нихъ, — можетъ быть ихъ стянули съ кого-нибудь въ подвалѣ или взяли трофеемъ въ битвѣ? Они набили мнѣ ужасныя мозоли, волдырями, потому что носковъ у меня уже нѣтъ, а портянки я еще не наловчился наворачивать. Эти портянки я только что вымѣнилъ въ вагонѣ у солдата за пачку табаку изъ ихняго пайка. Зеленые штаны-диагональ обмѣнялъ мнѣ одинъ околоточный на мои. Мои были уже совсѣмъ плохи, но зато бывшаго чернаго кастора, а околоточный смертельно боялся своихъ штановъ, что — могутъ выдать! А онъ проживалъ по чужимъ документамъ, будто картузникъ изъ Ворожбы. Очень способный, — чудесный мнѣ сшилъ картузикъ, изъ стараго жилета. И предусмотрительный челоуѣкъ! Разъ-таки меня за эти штаны потянули на вокзалѣ въ комнату съ вывѣсочкой таинственной, — „транспортное“, однимъ словомъ.

— „Ваши документики?..“

Я предъявилъ, произвелъ даже впечатлѣніе „охранной грамотой“, — и они убѣдились, что за штаны меня взять нельзя. Но все-таки напугался: а если спросятъ, — откуда у меня эти офицерскіе штаны?.. Придумалъ: скажу, что выдали изъ „склада просвѣщенія“. А ну, какъ справятся?! Къ счастью, имъ въ голову не пришло спросить. А то бы

я могъ запутаться, и тогда... Очень я ненаходчивъ. Сказали только:

— „А ужъ мы къ вамъ давно присматриваемся: не полковникъ ли ужъ какой? Можете теперь гулять въ вашихъ штанахъ спокойно“.

И я сталъ гулять спокойно.

Пиджакъ на мнѣ чесучевый, но стирали его послѣдній разъ въ юнѣ семнадцатаго года, ко дню рожденія, и послѣднія зимы носилъ я его вмѣсто ночной рубашки, для теплоты. Стирать боялся: а ну — разлѣзется? А грязь... ну, въ насъ многое перестроилось. Я, напримѣръ, грязь стеклышкомъ съ рукъ соскабливалъ, — мыла не было больше года. А когда жена моя померла отъ воспаленія легкихъ, я и ее не рискнулъ обмыть, а только вытеръ ибо въ комнатѣ было 4 градуса... мороза.

Такъ вотъ. Я только что получилъ академическій... паекъ. Какое странное сочетаніе!.. Академическій дипломъ, академическій стиль, словарь, ну... мундиръ, наконецъ, академическій!.. Но — паекъ!? Пахнетъ рабочей казармой, негромъ... Шампанское — и сивуха! И все же, я не безъ радости, хотъ и ущемленной, получилъ этотъ академическій... знакъ культуры и, какъ муравей свое зернышко, волочилъ его къ себѣ на дачу. Небеса сіяли и меркли, радуясь за меня и хмурясь, встрѣчные мужики алчно косились на мой мѣшокъ, прикидывали, что бы такое въ немъ было, принохивались и пріятно крутили носомъ: потягивало-таки академической баранинкой.

И вотъ, я отдыхалъ на пенькѣ и предвкушалъ. Богъ мой! какія новыя радости мы познали! Помню, какъ задрожалъ я, увидѣвъ однажды стаканъ дымящагося какао и рядомъ, на снѣжномъ хлѣбѣ, голландскаго сыра ломтикъ! Какія краски! Правда, я тогда три недѣли былъ какъ бы въ безвоздушномъ мѣстѣ, на грани посюсторонняго, и стаканъ этотъ мнѣ явился, какъ знакъ искушенія и нѣкоей побѣды страшнаго человѣка въ кожѣ, на красномъ столѣ, рядомъ съ бумагами, гдѣ слѣпой карандашъ могъ меня вычеркнуть изъ жизни. Я задрожалъ — и отъ омерзенія, и... — было и еще что-то, — отъ страстныхъ красокъ?

отъ запахъ?!.. Что за мерзость!.. Я почувствовалъ, какъ проснувшееся во мнѣ животное начинаетъ рычать и чавкать.

И такъ, я отдыхалъ на пенькѣ и предвкушалъ. Буду сегодня пить крѣпкій... брусничный листъ, но зато съ подлиннымъ сахаромъ, вѣсть баранину и мѣнять товары! Прибѣгутъ изъ деревни бабы, притащатъ творогу и картошки... — а мнѣ дали еще и катушку нитокъ, и полфунта соли! Сколько за соль взять можно?! Соль я буду мѣнять щепотками... Я мечталъ и поглядывалъ съ нѣжностью на розовѣвшую земляничку. И вотъ, тогда-то, вдругъ и рѣшилась моя судьба, и я сдѣлалъ потрясающее открытіе!..

Тотъ день я такъ ярко помню. Пиголицы надрывающе жалобно кричали — пі-ууу... пі-ууу... И вотъ онѣ-то и помогли. Я — профессоръ исторіи античнаго искусства, — я читалъ еще исторію античной философіи, — и какъ я радовался, что мнѣ дали катушку нитокъ! Я тогда, помню, рѣшалъ вопросъ, не отмотать ли мнѣ только половинку, а то пиджакъ мой скоро совсѣмъ разлѣзется. А и за половинку мнѣ баба Марья дастъ во всякомъ случаѣ картошки фунта четыре-пять?.. Тогда померкли во мнѣ древніе мудрецы, и только стоики и Діогенъ еще укрѣпляли душу. Впрочемъ, что-то сосредоточивалось во мнѣ.

Еще мнѣ дали двѣ банки американскаго молока. И вотъ, раздумывая о банкахъ, я съ пеньковъ-то тогда мысленно и перепрыгнулъ... прямо въ Атлантическій Океанъ! Вотъ въ этотъ самый, гдѣ мы сидимъ. И банки были вотъ эти самыя, съ жирной коровьей мордой, и надъ нею — звѣзды! Перепрыгнулъ въ полетѣ мысли — и стало страшно. Будто я выпрыгнулъ изъ себя и вижу: сидитъ на невѣдомомъ болотѣ, въ тряпѣ, дикаго вида человѣкъ, съ гнуснымъ лицомъ очумѣлой затравленной собаки, похожій на кого-то знакомаго... Такъ омерзительно-страшно стало, что я чуть-чуть не бросилъ банкой. Я уже замахнулся, но — бросить-то было не въ кого! Тогда впервые я почувствовалъ „расщепленіе“, — и это уже была побѣда. Побѣда и — начало моего превращенія. Но и стало страшно, будто у меня въ головѣ уже... Ну, сказка. Какой тамъ можетъ быть Океанъ! Сейчасъ же и закрылъ кла-

панъ, чтобы мысли пришли въ порядокъ. Скажи мнѣ тогда, какъ перетягиваль я портянки и приняхивался къ баранинкѣ, что черезъ годъ я буду сидѣть на берегу самага подлиннаго Океана и вспоминать о „пенькахъ“, а кругомъ будутъ европейцы, и буду самъ тоже вродѣ европейца, а не въ діагонали околоточнаго, и буду смѣло и свободно... покупать въ лавочкахъ, и никто меня за штаны не потянетъ... — я щелкнулъ бы зубами и отмахнулся отъ бреда. Ибо тогда никакой Европы для меня уже не существовало. Это было уже — исторія. Какъ если бы мнѣ сказали, что вотъ, позвольте васъ познакомить... Царь Навуходносоръ... или — прекрасная Царица Савская! Это передать очень трудно. Я, просто, забылъ, что есть еще прежняя Европа, что она можетъ быть. А Европа была, и все въ ней — почти какъ и въ тринадцатомъ году лѣтомъ, когда былъ я на сѣздѣ въ Римѣ, отдыхалъ потомъ въ Анэси и посѣтилъ Лондонъ и Копенгагенъ. Почти. Но есть и еще, одно... Но объ этомъ послѣ.

И вотъ, на пенькахъ, когда услыхалъ я унымыхъ пиголицъ... Но тутъ я долженъ кое-что пояснить, прежде чѣмъ рассказать о поразившемъ меня ужасномъ открытіи, явившемся такъ внезапно. Иначе будутъ неясности.

IV

Съ мая и до морозовъ я жилъ у себя на дачѣ — одинъ, какъ перстъ. Туда-то вотъ и тащилъ мѣшокъ.

Раньше дачей я мало пользовался: все, бывало — въ Италію или въ Грецію, конгрессы, сѣзды... А это жена покойная завела, для родственниковъ, и на старость. Она очень любила мягкое наше лѣто, грибы, цвѣты, соловьевъ. Молодежь все время тамъ хороводилась. Гдѣ теперь они всѣ! Какъ-то вспоминать сталъ: пріатели, пріятельницы, крестники, племянники, Васи, Миши... Славная молодежь была! Насчиталъ семерыхъ студентовъ-прапоровъ... два инженера, музыкантъ, летчикъ, привать-доцентъ, двое стихи писали... Теперь — одинъ въ Канадѣ, одинъ въ Брюсселѣ, шоферомъ, въ Босніи гдѣ-то, въ шахтахъ...

Прочіе?.. Не знаю. Погибли. Впрочемъ, „спецомъ“ одинъ задѣлался, роль играетъ, а одинъ, который стихи писалъ, — въ „пѣснопѣвцы“ опредѣлился. А патриотическіе стихи писалъ! „Державинымъ безъ пяти минутъ“ величали.

Однимъ словомъ, не на дачу я шелъ, а — въ прошлое.

Бывало, за мной пролетку высылали, на чаленькомъ, и какой-нибудь загорѣлый студентъ-крѣпышъ, въ вышитой рубахѣ, линиялая фуражка на затылкѣ, — за кучера. И всегда въ охотничьихъ сапогахъ, и нравится ему курнуть махорки, крикнуть по-кучерски на лошадь, тряхнуть вожжами. Кто онъ такой?.. Пріятель чей-то, гостить. И всегда въ дорогѣ у нихъ что-нибудь съ запряжкой. Онъ тамъ съ этой... через-сѣделкой конфузится, уши покраснѣютъ, а я закурю въ вечерней тишинѣ, въ березкахъ, кукушку слушаю... фіалокъ найдешь іюньскихъ, колокольчиковъ лиловенькихъ...—чудесно! И такая теплынь и тишь, такая лѣсная ласка, такой покой, будто все трудное отошло, и впереди ни заботъ, ни цѣли, и не на этой землѣ живешь, а ангелы Божьи неслышно ходятъ въ березкахъ. Зайдешь незамѣтно на тихую поляну, увидишь и тамъ, и тамъ — курятся благоговѣйно душистыя „восковки“ — ихъ издадека видно, — идешь въ высокой травѣ и чувствуешь, что уже росойхватило. Раскатисто фыркнетъ лошадь, призываетъ студентъ — готово! Придешь, а изъ кулечка выпучиваются зеленые огурчики, и еще свѣжая икорка тамъ, майская, „уважительная, профессорская“, отъ старика Калганова! И бѣлорыбицей пахнетъ, и молодой березкой. Такихъ ароматныхъ комбинацій нигдѣ не встрѣтишь. И такой аппетитъ бодрящій, и съ такимъ азартомъ самъ примешься въ шлеяхъ этихъ разбираться, — смѣшно.

А ближе къ дачѣ, — солнышко уже за лѣсомъ, — соловьи! Все топятъ...

Вѣдешь въ громѣ аплодисментовъ.

— Генераль!.. Урааа!..

Они, молодежь, меня „генераломъ“ величали, должно быть — за осанку. Любили, кажется. Да они все любили, юные мои жадники! Дѣвочки — букетики земляники су-

ютъ, ландышами засыпаютъ, визгомъ. И всюду глаза, юные, бойкіе, свѣтлые... И все куда-нибудь тащатъ, и говори, говори имъ объ искусствѣ, о красотѣ, о... Славныя были дѣвчурки, чуткія. Раскопки иногда предпринимали...

Дачу мою мужички порастрясли, но въ двухъ комнатахъ жить было еще сносно. Главное — отъ города подальше. Впрочемъ, мужики ко мнѣ относились съ нѣкоторымъ почтеніемъ и опаской: прознали, что „сохранная грамота“ у меня отъ вышнихъ властей, и будто я начальству клады отыскиваю, — раскопки-то я производилъ! Разъ даже съ приговоромъ заявили и велѣли — кладъ имъ указать въ имѣніи барона Ведэ, — „хорошо извѣстный намъ кладъ отъ старинныхъ князьевъ, но не знаемъ слова!“

Тяжело было и на дачѣ. О пустотѣ я и не говорю, а вотъ все — ненастоящее, а какъ бы въ преломленномъ спектрѣ, въ какомъ-то... психозномъ преломленіи, какъ-бы подводное! Въ манерѣ Эдгара По и самага оголтѣлаго футуриста: и жуть, и — дыр-бул-щыл! Не люди... — хотя, конечно, и люди... — а все какъ бы уже не здѣшнее, и все — ненужно.

Подымается солнце... — продолженіе „дыр-бул-щыл“. И оно-то — другое, какъ-будто тоже соучаствующее и растлѣнное, несущее наглость на своемъ восходѣ, закатомъ обѣщающее назавтра такое изъ-подъ земли выкатить, что...! Или — гарь лѣсного пожара..? Бывало, это придавало пейзажу загадочно-тревожное освѣщеніе, чувствовалось удушье, но и надежда, что за удушьемъ — освѣжающимъ вѣтеркомъ потянетъ... — неусыпное бдѣніе чуткой общественности; что вотъ-вотъ наступитъ пора, когда всѣ эти дикіе непорядки уступятъ мѣсто культурной разумности, общечеловѣческой солидарности, когда... Помните, эти ободряющія статьи въ газетахъ... — „безсмысленная гибель народнаго достоянія...“ и — „снова и снова обращаемъ мы настойчивое вниманіе общественной самодѣятельности, стоящей на стражѣ народныхъ интересовъ...“ — и такъ далѣе? Какая славная интеллигентность и, воистину, чистота святая! Теперь смѣемся... Ну, читаешь

и понимаешь... — и надѣешься. Вѣришь, что бодрствуютъ. Знаешь, что скоро осень, пора земскихъ собраний, резолюцій... сгущенная атмосфера освѣжится, впереди — надежды и чудесная, крѣпкая зима, бодрая работа въ аудиторіяхъ... А тутъ — солнце въ крови, и гарь сгорѣвшихъ надеждъ, и всеобщее пепелище.

На лѣсъ уже не любуешься, не вспоминается величаво-милое аксаковское — „чернѣя издали, стоитъ старый, дремучій...“ Другіе лѣса, и въ нихъ, и за ними — жуть. Стоитъ гдѣ-то страшный, — невѣдомый и родной, — во всю страну, покойникъ. А за лѣсами — Тула, а въ Тулѣ — ду-ло! И затрещать-заворочаются въ головѣ, въ глазахъ, всѣ эти... наробразы, бумбумы и дыр-бул-щылы... — судорога души! И дороги — ненастоящія: по нимъ уже не ѣздятъ, а наѣзжаютъ, налетаютъ, настигаютъ... на нихъ ловятъ, грабятъ, валяются... Телѣга ѣдетъ? Не вѣрь глазамъ своимъ: это что-то подкрадывающееся, опасное, или — слѣпое горе. Голоса?.. Это граждане-мужики идутъ — что-то установить, усчитать, угрозить, наложить, припомнить, — отвести въ дубовой тоскѣ душу.

А въ душу къ вамъ забирающіеся!.. Верткій, въ крагахъ и галифѣ, — воинственность все какая! — и въ небывало-технической фуражкѣ, съ портфельчикомъ... — Богъ мой! откуда портфелей столько?! — значить какая-нибудь опять „недѣля“, ударный фронтъ, — воинственныя словечки! — фондъ, сороковая анкета, „боевое заданіе“, требованіе лекціи „о пролетаризаціи искусства“, „о театрѣ, какъ функции агитучастія массъ, въ проекціи на...“ Замѣтьте: не имѣющій своего лица всегда укрывается за массой, въ массу... кончая мазуриками. Богъ ты мой! Что за шустрота, съ блудливыми глазами, какія они мнѣ темки задавали!..

А какая страстная жажда амикошонства?! какая наглость, съ пѣвучими голосками сводни! Блудники слова и шулера мысли, вдругъ откуда-то налетѣвшіе саранчой... Я такихъ не встрѣчалъ на лекціяхъ. И — „товарищъ-профессоръ“ — черезъ два слова въ третье! Какая наглость! И лестно ему со мной въ „товарищескомъ“ общеніи, съ

членомъ европейскихъ Академій... — онъ это зна-еть, знаетъ! — и остатки какъ бы подобострастія, и значеніе свое тычетъ, и слѣжкой отъ него пахнетъ, и... покровительство оказать готовъ! Откуда эта ядовитая пыль, съ какихъ базаровъ?! Наша молодежь была скромная, цѣломудренно-застѣнчивая. Кто ихъ высидѣлъ, изъ какихъ яицъ? Какіе-то безгнѣздые выводки, сами вывелись изъ помета брошенныхъ гнѣздъ... — и кобчикъ, и червь ползучій! Суетливо-журльнически ручишку свою суетъ, — и опасается, что не примутъ! — слюнявую папироску на столѣ давить, важныя позы принимаетъ... — рой завистливой, ущемленной и наглой бездари! Раньше она пальчонки въ уголчонкѣ кусала и вожделѣла цапкими глазками, — и... досидѣла до своего, до... камней съ изумрудными глазками! И вотъ — „товарищъ-профессоръ, я предложилъ бы вамъ высказаться въ дискуссионномъ порядкѣ... или, лучше сказать... объявить циклъ... — непременно, циклъ! — объ искусствѣ, какъ важнѣйшей функціи... пролетарски-массовыхъ воспріятій...“! Бездарно, безграмотно, зато — трескуче. И ото всѣхъ пахнетъ кровью, пусть и не ими пролитой, но они на ней гнойно пухнуть, какъ поганочные грибы на убойныхъ свалкахъ.

И — цѣлыхъ шесть лѣтъ въ такомъ гнусномъ чаду! Я отклоняюсь... но я же изъ отравленнаго болота выльзъ, душу освобождаю отъ захлестнувшей тины.

Бывало, молодежь переполохъ подниметь:

— „Къ намъ! автомобиль!! „Ленскій“ ѣдетъ!! Ура-а-а!!“ ...

И уже летитъ съ балконовъ:

...„Что-о день грядущій намъ гото-о-ви-и-ить“?..

А онъ, еще изъ машины, серебрецомъ:

...„его-о... мой взоръ напра-сно... ло-о-о-вить“..!

Дѣвочки, чистенькія, бѣленькія, въ кудряшкахъ, въ косахъ, цвѣтами засыпаютъ, благоговѣйно-трепетныя, влюбленные... — сердце радуется, смотрѣтъ на нихъ! — А теперь, если загудитъ гдѣ... — лѣсъ бы дремучій укрыль-выросъ! Ну, подвалъ, плѣсень, мокрицы, — въ концѣ концовъ отупѣніе, привыкъ. Но вотъ, что самое-то ужасное, — словы!..

Моя дача стоитъ на гривкѣ, а съ обѣихъ сторонъ тянутъ къ рѣкѣ овраги. Они сплошь заросли черемухой, березкой, ольхой, малиной... масса ландышей, дудокъ, сонника, болиголова... — самыя соловьиныя мѣста. Знатоки считали соловьевъ нашихъ самыми пѣвкими, „неждановскими“ звали. Одинъ оврагъ изстари прозывался „Соловьиный“, другой—„Гулкій“. — Изъ-за соловьевъ жена и мѣсто для дачи выбрала, на тычкѣ, на гривкѣ, и мужики дивились:

— „Это ужъ они чего-нибудь да знаютъ! кладуны!“

Колдуны?! Рѣдкостное тамъ было эхо: изъ „Соловьиного Врага“ крикнешь, — „Гулкій“ отзовется, полнѣй и громче. Физикъ одинъ нашъ лазилъ изслѣдовать и вывелъ звуковую формулу, — вырѣзали ее даже на терасѣ. Бывало, молодежь поетъ хоромъ, — и выходитъ второй, капелла! А когда упроятъ тенора спуститься въ „Соловьиный“, и онъ оттуда пу-стить... — второй, неземной, теноръ, такъ покрываль, что духъ захватить:

... „златы... е-э-ээээ... дни-и-иинии...!“

Вообразите, что же творилось майскими зорями, когда соловьи начнутъ сыпать и поливать! „Гулкій“ ихъ растревлялъ. Чвоканье, цорканье, розсыпь, щелканье, замиранье, это поцѣлуйно-истомное — тиу... тиу... ффті-у... — играютъ сердцемъ, трепетно и такъ страстно-нѣжно!..

И вотъ, когда все изранено, испоганено, и уже ничего живого не осталось, и ты съ твоей жизнью уже плевкомъ растертый... — соловьи гремятъ неумирающимъ торжествомъ неумирающей своей жизни и неутолимой болью плещутся въ твоёмъ сердцѣ... А оно уже наистекѣ, и все — ушло! Пытка. Они выворачивали, перетряхивали во мнѣ все, жалѣли, отпѣвали, жалили цвоканьемъ, въ кровь раздирали трелями... хлестали сердце, по головѣ, въ глаза. Я слышалъ милые голоса, узнавалъ лица, запахи... И не красота уже, не эстетика... — адъ!

Какъ только подходила заря — начинало давить тоскою: сейчасъ, начнутъ. И первый же тихій высвистъ... помните, это робкое, нѣжное — ти-пу... типу... типу...? —

пугаль меня, и сердце начинало колотиться. Обманывая себя, я забивался въ самую глухую комнату, но окна выбиты, въ огромной и пустой дачѣ гулко, и... ни-кого!.. А они сыпали и гремѣли, и все бѣшенѣи и шумнѣе къ ночи. Я соваль голову въ подушки, задыхался... Бромъ уже былъ безсиленъ, я затыкалъ уши спиртовой ватой,—кровь приливала, гудѣла, я начиналъ пьянѣть. Но и безъ звуковъ я слышалъ. Нѣтъ, непередаваемо,—какъ психозъ.

Гроза облегла, и я умолялъ молніи. Сѣренькіе дни, съ тихими дождиками, успокаивали меня. А горьковатая свѣжесть ландышей, взрывающаяся въ васъ все — до дѣтства!.. А дурманнѣй запахъ іюньскихъ нашихъ восковокъ-любокъ, впервые манящій страстью?! Въ зеленой затини, въ тишинѣ, въ росѣ... нѣжныя, восковыя, тайныя, онѣ все тѣ же, и вызываютъ преждее...

Я бы и теперь хотѣлъ... — пусть терзанье! Тамъ—каждая травка пѣла. А здѣсь... мелодія незнакомая, глухая.

V

А въ городской квартирѣ мнѣ оставили кабинетъ. Свалены атласы, гравюры, слѣпки, книги дрова, коллекціи. Много вымѣнено на хлѣбъ, на табакъ... Много разворовали, и оно разлетится по бѣлу-свѣту. И уже разлетается. Недавно, на Бульварахъ, я увидалъ мое... украденное, „изъятое“, — не помню. Но это — подлинное мое.

Вы слушаете?.. Да, конечно, — всѣ мы теперь задумчивы, всѣ — другіе, другіе! Всѣ мы — счастливы.. Ну, да... Вы помните...? —

„Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ

„Въ его минуты роковыя:

„Его призвали Всеблагіе,

„Какъ соучастника, на пиръ...

И всѣ мы пьемъ безсмертье! То-есть, не всѣ, понятно... но у могущихъ вмѣстить это „безсмертье“—душа другая. Они уже причастились „чашѣ“ и получили особый даръ — иными смотрѣть глазами, ходить надъ бездною. У

нихъ и лицо другое: у кого — больше, у кого — меньше измѣнилось, — отъ глубины зависитъ. Вотъ и по вашимъ глазамъ я вижу, что и у васъ украли. Вещи, жизни?.. Но страшно непоправимо, когда все украдутъ у васъ, — васъ самихъ! И даже воровъ не знаешь... Но когда все украдутъ, уже нечѣмъ и не во что принять „чашу“, и призывъ „всеблагихъ“ — впустую! Но объ этомъ — послѣ. А вотъ, о вещи...

Вы не досадуете, что я все уклоняюсь отъ главнаго, отъ разсказа о превращеніи?.. Но отступленія эти нужны, необходимо нужны! Да и спѣшить-то намъ некуда, какъ бывало... И „зуда“ въ ногахъ уже нѣтъ.

Вотъ вы говорили, что сейчасъ въ Парижѣ весна, каштаны разбили почки, и у васъ зудъ въ ногахъ. Вы подолгу простаивали на Бульварахъ, передъ витринами, гдѣ заманчивые плакаты Кука и океанскихъ обществъ обманываютъ васъ далями?.. Да, влечетъ. Когда-то и я испытывалъ этотъ томящій „зудъ“ передъ оранжевыми плакатами — оранжевыми песками, верблюдами, пирамидами, оазисами, пальмами и бѣлыми шлемами англичанъ, передъ синькой съ мыломъ у береговъ, съ черно дымящими сѣрыми гигантами, внутренности которыхъ роскошно даны на фотографіяхъ, отъ королевскихъ салоновъ до гениально-гигиеническихъ уборныхъ. Скорѣй билетъ! И, покорный всевластному зову dalej, веснѣ и „зуду“, не чувствуя головы, трепетно я входилъ въ солидно обставленные агентства, прокуренныя экзотическими сигарами, травами, пропитанныя, какъ-будто, морскою солью и пряностями Востока, — или мнѣ такъ казалось?.. — и, какъ съ шампанскаго, пьяно крутилъ по картѣ, отыскивая волшебный путь. Тамъ я встрѣчалъ такихъ же, съ глазами въ дальяхъ, мужчинъ и женщинъ. Женщины были безпокойны, какъ птицы въ перелетѣ, восклицали, роняли деньги, забывали сдачу, разсѣянно слушали совѣты, — какъ въ гашишѣ, съ блуждающими за стѣнной глазами. Тамъ я встрѣчалъ раздумывающихъ надъ картой, рѣшающихъ, какъ въ рулеткѣ, — Багдадъ или Аргентина? или... истоки Нила?... Цейлонъ, Мадейра, — или еще тамъ что-то...?

И часто, мѣняя планы, въ гипнозѣ отъ голубой вуали, отъ ударившаго по сердцу слова — „Батавія“ или „Калькутта“, отъ таинственныхъ буквъ на картѣ, отъ хитраго завитка теченій, — я покорялся таившемуся во мнѣ бродягѣ.

Зовы весны я знаю. Миражи знаю — и уже не стою подолгу, разглядывая плакаты.

Дали... Ихъ у меня украли, и „зудъ“, и весну украли, и не слышится мнѣ сладко зовущій шопотъ — „пойдемъ со мною!“ Я никогда не пойду теперь, и черная синька съ мыломъ — дешевка обманной прачешной. Я уже пережилъ обманы.

Вы спрашиваете, что у меня украли... Все украли. Меня самого украли. Но объ этомъ — послѣ. А вотъ, о вещи...

Весна, далекое... Я тогда крѣпко вѣрилъ во все рѣшительно, во что полагается вѣрить человѣку, культурному человѣку. Всеобщій прогрессъ во всемъ, — законъ развитія человѣчкихъ обществъ! — „побѣдное шествіе науки“, великій блаженный день, когда откроютъ тайникъ послѣдній, небо сведутъ на землю. Не за этими ли волшебными ключами, разинувши ротъ, стремятся въ весенней тягѣ?.. Все — въ даляхъ!

И я стремился.

Я недавно женился, и судьба подарила счастьемъ. Я увидалъ моего ребенка, продолженіе моей жизни. Не думается объ этомъ, но... есть это! И я не думалъ, а это было: ей я и передамъ мои стремленья, исканья тайны, съ послѣдствіями блаженства. Чудесная дѣвочка... — теперь ея нѣтъ на свѣтѣ. И, полный счастьемъ, близившейся весной и смутной тягой, я поѣхалъ въ экскурсію. Объ этой экскурсіи мы съ женой мечтали, — и вотъ, ребенокъ... Чудесныя тайны и — реальность. Жена пожертвовала собою для нашей дѣвочки, рѣшила кормить сама и уѣхала къ матери въ Таруссу. А я купался въ этой священной синькѣ Архипелага, крутился въ волшебномъ мылѣ, шныряя по островамъ, разглядывая слѣды чудеснаго. И до сего дня помню восходы солнца на Корфу, крошку-гречанку въ Аргостоли на Кефалоніи, писавшую мнѣ при-

знанья на розовыхъ бумажкахъ, пахнувшихъ розовымъ масломъ и шафраномъ... и стараго грека Димитраки, проводника на Критѣ. Это былъ пессимистъ-философъ, все познавшій, до — „гноти зе аутонъ“!

— „Дождь падаетъ въ море, господинъ ученый“, — говорилъ, прищурясь, Димитраки: — „море уходитъ въ небо, небо стекаетъ въ море. Такъ — все. Люди рождаютъ камни, дѣлаютъ ихъ живыми... потомъ люди оставляютъ кости. И кости, и камни дѣлаютъ потомъ пыль, пыль — грязь. Такъ — все, господинъ ученый“.

Я весело смѣлся, пилъ съ мудрецомъ хваленое кипрское вино, — очень скверное, скажу вамъ, пахнувшее почему-то сѣрой, — и говорилъ, что кругомъ насъ — тайны, и не все-то такъ просто.

Онъ напивался, хлопалъ меня по плечу и, приближая черные, какъ тараканы, глаза къ моимъ, шепталъ:

— „Не вѣрь ни одному трактирщику, ни одной бабѣ, ни одной кошкѣ!.. У перваго нѣтъ Бога, у бабы — слова, у кошки — дома“.

Чудакъ забавный! Я записалъ много его пословицъ, — и во всѣхъ одно было: ничему не вѣрь, пыль и пыль. Сверх-Экклезиастъ!

— „Каждый найдетъ свою стѣнку, чтобы лбомъ стукнуться. Каждый объ себя убивается. И ты убьешься!“

И я убился. А обо что — не знаю.

Такъ я объѣздилъ свѣтлые острова Эгейскіе и Циклады, — Самоеракію, Лемнось, Митилены-Лесбось, Хиось и небесную колыбель Прекрасной — Милось пустынный... Пилъ молодое и старое вино и вынесъ въ душѣ зерно, юную мою книгу — „Пролетъ Вѣковъ“. Не взирая на терпкія рѣчи чудака Димитраки. То была книга — Вѣры. Съ камней, съ обломковъ, съ выжженныхъ солнцемъ тропокъ, съ пожелтѣвшаго мрамора, съ почернѣвшей бронзы, отъ вѣчнаго-молодого неба, — вынесъ я бодрюю вѣру въ человекъ — бога. Я былъ тогда пьянъ крѣпко-земнымъ виномъ, и въ каждой дѣвушкѣ на скалѣ, съ суровыми, какъ у юноши, бровями и тонкимъ станомъ, видѣлась мнѣ Сафо, вѣчная прелесть мужества.

Помню, съ Лемноса я даль телеграмму въ невѣдомую никому здѣсь Таруссу, — страстный привѣтъ женѣ, — и лупоглазый, чесночный грекъ, принимавшій мою депешу, строго взглянулъ на меня, покачалъ укоризненно головой и перечеркнувъ, исправилъ: „Фарось!“. И взялъ съ меня что-то въ пять разъ меньше.

— „Та-ру-сса!“ — весело крикнулъ я, — „это у насъ, въ Россіи!“

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ въ меня, порылся въ книгѣ, что-то, наконецъ, понялъ — и улыбнулся.

— „Все это можетъ быть, но это наше слово, греческое, и надо писать — „Фа-росъ“!! Наши храбрые греки прошли по всему свѣту и построили города у всѣхъ народовъ!.. Нашъ Александръ Мегалось!!...“

Черезъ два дня я получилъ радостный отвѣтъ изъ далекой Таруссы: „Ѣду къ тебѣ, встрѣчай въ Константинополь“.

Я ничего не понялъ. То есть, я по-нялъ, но... дѣвочка-то наша? Письмо разъяснило все. Дѣвочку отдали кормилицѣ. Дали сдѣлали свое дѣло, и мои письма-зовы. Дали закрыли дѣвочку. Мы, мы — жить хотѣли! Тогда все закрылось однимъ — любовью. Подходила весна, весна южныхъ морей, когда камни рождаютъ розы, когда молодые глаза сверкаютъ, какъ осыпанные росой первые листочки, а за каждымъ кустомъ, за каждымъ камнемъ, чудится, притаилось счастье, — протяни только руки.

Это былъ для меня подарокъ Бога.

Мы встрѣтились... Она принесла съ собой ароматы родной зимы на собольей своей горжеткѣ и зовы весны — въ глазахъ.

Я помню эту весну Стамбула, бирюзу Золотого Рога, золотыя рога Волонъ Солнечныхъ... Помню сверканье золотого дождя на солнцѣ и триумфальную арку радуги, ворота изъ перламутра въ морѣ, которыя Богъ построилъ для нашей встрѣчи...

Мы спали въ лодкахъ, покачиваясь, какъ дѣти въ колыбели, кидались — играли розами, молодые язычники. Я шепталъ ей Анакреона, самое его жгучее, отравляющее

истомой-лѣнью, и переливалъ въ наше слово — до голо-
сти вольнымъ переводомъ, огонь вливающимъ. Мы пили
вино-любовь, вино и солнце, а гребецъ-турокъ, сваливши
парусъ, пѣлъ намъ, сидя на-корточкахъ, свои маленькія,
какъ птички, пѣсенки и игралъ на какой-то штукѣ—длин-
ная, помню, шейка, круглая.

Какъ опьяненные, забывшіе все на свѣтѣ, мы гоня-
лись по старымъ камнямъ сосѣднихъ деревушекъ, город-
ковъ когда-то, давно разрушенныхъ уже разъ по двадцать,
когда-то культуру знавшихъ, теперь обратившихся въ пу-
стыри. Чего мы только не повидали, гдѣ только не по-
бывали!..

У стараго рыбака въ Эрекли, насъ ожидало — чудо.
Не счастье, — чудо. Боги рѣшили остаться щедрыми до
конца.

Помню, тихій былъ, золотистый вечеръ. Жемчужный
вечеръ, — жемчужныя облачка въ закатѣ. Мы выходили
изъ таверны, бѣдной-бѣдной, гдѣ можно было достать
только козьяго сыру, вяленую кефаль и краснаго вина въ
глиняномъ кувшинѣ, пахнущаго капустой, но все это
было ужасно вкусно. Фаэтонъ поджидалъ насъ, чтобы
повезти въ Санъ-Стефано, гдѣ мы остановились. Мы уже
собирались садиться въ коляску, я ступилъ, помню, на
подножку, какъ вдругъ жена выскочила шаловливо... —
да, она уже сидѣла..! — и неожиданно заявила, что хо-
четъ купаться въ морѣ. Вода была еще холодна, былъ
уже вечеръ, косое солнце, — купаться было безуміемъ.
Я нѣжно протестовалъ, но — женщина ставила на своемъ.
Правда, въ Россіи она до сентября купалась.

Она купалась въ бирюзовомъ морѣ, весеннемъ, зо-
лотистомъ, молочномъ, — въ жемчужномъ морѣ. Я и сей-
часъ, закрывши глаза, вижу ее, играющую перламутромъ, —
и жемчугъ въ небѣ. Это тоже былъ даръ боговъ, даръ—
усмѣшка. Да, въ этотъ безумный день, въ самый тотъ
вечеръ „жемчуга“, въ далекой глухой Таруссѣ, мучилась
наша дѣвочка...

Ахъ, Димитраки... чудакъ-философъ!..

— „Каждый объ себя убивается... И ты убьешься!“

Мы — убились. И — „объ себя“.

Но за этимъ даромъ боговъ послѣдовалъ даръ безмѣрный...

Пьяный не отъ вина, я созерцалъ море, золотисто-жемчужную даль его и близкое, дорогое, что розовато плескалось около. И вотъ — неслышными шагами, — я испугался, помню, какъ онъ подошелъ неслышно въ размятыхъ суконныхъ туфляхъ, — приблизился ко мнѣ грязный рваный старикъ, болгаринъ или турокъ. Онъ что-то вертѣлъ, завернутое въ тряпку.

— „Добрый вечеръ хозяинъ“, — сказалъ онъ умирающимъ голосомъ.

Это былъ грекъ, конечно, плѣшивый и курносый, ужасно похожий на Сократа. И сильно пьяный. Онъ сказалъ — „калеспэра“, что ли.

И не говоря ни слова больше, онъ, почмокивая, развернулъ тряпку и ткнулъ мнѣ въ лицо... рѣдкостное, чудочудное!..

Я смотрѣлъ и глазамъ не вѣрилъ. И все кругомъ было — чудо. Море, жемчужное, въ которомъ рождается Венера, — и Венера, хрустальная, тихо свѣтилась въ небѣ, въ зеленовато-весенней и розовой сини. И подлинная Венера, не смущаемая старческими глазами грека, выходила изъ водъ, играя снѣжною простынею, по которой струилось розовое солнце. Но самое чудо — было въ моихъ рукахъ. Я смотрѣлъ на костяныя дощечки...

— „Купи, хозяинъ... — просилъ старикъ, — на что-нибудь годится... штука священная!“

Я смотрѣлъ на него растерянно, не сознавая, — да явля ли это? Но тяжкій запахъ вина отъ его лохмотьевъ, отъ трясущихся рукъ, отъ раздутаго желтаго лица, вздрагивавшаго, какъ студень, отъ полумертвыхъ глазъ, налитыхъ мутной влагой, — было подлинной грязной явью. И его слово — „штука“!

Страхъ, что онъ шутитъ, что сейчасъ схватитъ эти священныя дощечки и убѣжитъ, охватилъ меня. Я крикнулъ, — я не могъ совладать съ собою и быть спокойнымъ, — заворачивая дощечки въ тряпку:

— „Конечно, я ихъ возьму, эти интересныя иконки! Вамъ онѣ не нужны..?“.

— „А на-чорта онѣ нужны! Но господа покупаютъ и не такую дрянъ. Хорошо еще, что есть на свѣтѣ старьевщики... они иногда отваливаютъ литра на три.“

Кошмаръ это былъ, кошмаръ. Для меня открывались двери рая. Эти дощечки въ тряпкѣ на вѣсахъ сердца были для меня равны этому зеленовато-жемчужному морю, зарѣ, моей юной совѣмъ Венерѣ, вышедшей для меня изъ моря.

— „Литра на три..“ — повторилъ я кощунственно.

— „Другое и пяти стоитъ... очень священное!“ — прохрипѣлъ старикъ, и въ его глазахъ мерзлой рыбы уловилъ я до зла усмѣшку.

Словно хотѣлъ онъ сказать: „много еще дураковъ на свѣтѣ!“

Я опять раскаталъ грязную тряпку, стараясь унять руки. Я прощупывалъ бархатистую кость „дощечекъ“, тяжелую, слоновью, желтую, какъ лимонъ. Въ туманѣ висѣли передо-мною, прыгали по рѣзвѣбѣ рождавшіеся въ мозгу знаки: — XI — XII...! Сверкали мысли: „византійскій триптихъ, такихъ два ли, три ли... такого нѣтъ..“

— „Сколько-нибудь давай!..“ — требовалъ хриплый голосъ, — „рыба не ловится, хозяинъ..“

— „Гдѣ вы нашли эти... дощечки?“

— „Да... старую канаву прочищали въ порту, грязь черпали... Ну, костей тамъ было... кладбище старое или война была здѣсь. А я понимаю въ этихъ штукахъ. Старуха любая для молитвы купить“.

Я уже зналъ имъ цѣну, цѣну рынка. По старику я видѣлъ, что онъ любому продастъ за грошъ. Но я ихъ не понесу на рынокъ, а если попадутъ на рынокъ, къ антиквару, — зналъ я, — мои не будутъ.

Коллекціонеры, цѣнители... Нѣтъ преступления, на которое бы они не пошли, какъ сумасшедше-влюбленные. У меня закопошилась совѣсть, но сейчасъ же нашла защитника: „это судьба посылаетъ счастье... мы уже уѣзжали — божественная Эось насъ остановила, Ната моя

сама остановила... Звѣзда залюбовалась нами, прекрасная Венера въ жемчугѣ...! А онъ пропѣетъ..."

Я бѣгаль глазами по „дощечкамъ“. Свѣтила Звѣзда на нихъ, на всѣхъ! Три дощечки было, чудесный триптихъ!..

Пьяный, я крикнулъ греку:

— „Хорошо, я могу ихъ купить у васъ..!“

— „Идетъ!“ — протянулъ онъ лапу, похожую на крабью. — „Четыре литра...?“

Я смотрѣлъ на его лицо: желтыя щеки дрожали волдырями, синія губы прыгали, глаза... И я вдругъ подумалъ, что третій кто-то стоитъ за нами и торопитъ. Кто-то третій... закидываетъ петлю!

И петля была закинута. Это узналъ я скоро.

Жена еще одѣвалась, сверкала розовымъ. Объятый счастьемъ, блаженствомъ неизъяснимымъ, почему-то боясь, что жена разстроитъ, я досталъ бумажникъ и сунулъ въ лапу все содержимое. Было лиръ пятнадцать, — гроши, конечно.

— „Пфуу... — вырвалось изъ нутра пьяницы и обдало меня угаромъ, — „сдачи у меня нѣтъ, хозяинъ...“

— „Все берите!“

Онъ захлопнулъ лапу другой, потрясъ, сѣвши на-корточки, выпучивъ мертвенные глаза, и, озираясь, поползъ къ харчевнѣ. Отойдя шаговъ десять, онъ побѣжалъ вприпрыжку.

— „Что такое?“ — спросила жена, но я ничего не видѣлъ.

Я перебиралъ дощечки, ласкалъ, оглаживалъ, теръ носовымъ платкомъ, вдыхалъ ихъ, нюхалъ...

— „Видишь — Звѣзда.? — показывалъ я на створки. — „И тамъ — тоже „Звѣзда!“ — показалъ я къ закату, въ небѣ.

Она не понимала, взяла мою голову, заглянула въ глаза тревожно.

— „На тебѣ лица нѣтъ, что съ тобой...“

А я бормоталъ что-то. Хлынуло въ меня свѣтомъ, озарило. Посѣтило меня огромное. Чувства, мысли...? Не

помню, но вдругъ — открылось! Я цѣловаль ей руки, говорилъ о небесномъ раѣ, говорилъ, что Богъ съ неба глядитъ на насъ, что Онъ уронилъ Звѣзду...

Она не понимала, но была счастлива.

Мы просидѣли на берегу до ночи, ѣхали въ Санъ-Стефано въ звѣздахъ, и ночь та была — безумная...

А въ эту самую ночь, въ далекой глухой Таруссѣ, умерла наша дѣвочка, отъ менингита. И ея свѣтлую маленькую душу я теперь связываю со всѣмъ этимъ: она послала намъ знакъ прощальный.

Утро сказало мнѣ, что я обладатель сокровища. Не денегъ. Я зналъ, конечно, что за этотъ шедевръ музеи дадутъ мнѣ тысячи, знакомые американцы — десятки тысячъ. Нѣтъ, я получилъ не деньги: я получилъ озареніе, основу, которой мнѣ нехватало. Я получилъ Вѣру. И ту, о которой возвѣщаетъ Евангеніе, и другую — въ бессмертную душу человѣка. Ни одно твореніе искусства не потрясло меня такъ духовно. Бессмертное — было въ досечкахъ этихъ!

Но странное, творившееся со мной, не кончилось. Утромъ меня терзала совѣсть: „ты обокралъ его!“

Я все рассказалъ женѣ, привелъ и себѣ, и ей всѣ защиты.

— „Надо его вознаграждать щедрѣе!“ — рѣшили мы.

Мы отправились на базаръ, — помню, какъ Свѣтлый Праздникъ! — купили для старика полный комплектъ одежды, бѣлья и обувь, жареную баранью ногу, бутылку рому, — праздникъ ему устроить, — и положили въ новенькій кошелекъ полсотни золотыхъ лиръ.

— „Онъ будетъ счастливъ!“ — повторяли мы всю дорогу.

Солнце палило, синимъ пожаромъ горѣло море, когда нашъ фаэтонъ подкатывалъ къ тавернѣ, на берегу залива.

— „Намъ нужно найти стараго рыбака... Онъ вчера вечеромъ былъ у васъ... немножко навеселѣ...?“ — спросилъ я хозяина таверны.

— „А... Христюкъ Магиропулосъ...!“ — съ усмѣшкой сказалъ хозяинъ. — „Но онъ уже пошабашилъ!“

И грекъ опрокинулъ стаканъ на стойкѣ.

— „Но гдѣ же мы можемъ найти его..?“

— „Послѣдній стаканчикъ застрялъ у него въ глоткѣ, Царство ему небесное... тамъ ему поднесутъ лучшаго! Вчера онъ побилъ всѣ ставки, хватилъ полныхъ четыре литра самага „праздничнаго“! Отдыхаетъ на берегу въ часовнѣ...“

Мы его видѣли въ часовнѣ. Онъ былъ пьянъ даже мертвый, — пахло виномъ ужасно. И его крабья лапа что-то еще держала, щепотью сжимались пальцы. Хотѣлъ онъ перекреститься?..

Купленное ему мы отдали какимъ-то старухамъ, въ черномъ, съ тарелкой бѣлой кутьи, убранной черносливомъ, мармаладомъ и обсахаренными орѣшками, — онѣ ничего не понимали и робко кланялись и крестились, — и передали священнику деньги на богадѣльню для рыбаковъ.

— „Мнѣ страшно“, — сказала жена дорогой, — „что-то во всемъ этомъ...“

Она заплакала. Я былъ, какъ камень. А вечеромъ получили телеграмму изъ Таруссы.

Я знаю: знаменіе было въ этомъ. Нужно было, чтобы несчастный пьяница сталъ жертвой, чтобы малютка наша ушла отъ насъ. И сокровище то — Звѣзда ведущая!

Это было твореніе глубочайшей мысли. Вы помните — „Эреклійскій триптихъ — „Звѣзда“? Я назвалъ его — „Рождество Воскресенія“, и его фототипіи извѣстны. Не разъ обращались ко мнѣ музеи и собиратели, предлагали большія суммы. Но этотъ священный триптихъ — великой муки и свѣтлаго блаженства — подарилъ я моей женѣ. Триптихъ Вѣры.

Концепція этого шедевра была глубины необычайной. Неумирающее никогда исканіе и... безсиліе „персти мыслящей“.

Невѣдомый геніальный мастеръ, чистый сердцемъ, — такіе Бога узрятъ, — чудеснымъ рѣзцомъ своимъ даль всеобъемлющее, свое: чаянія, сомнѣнія, муки и вѣру-радость. Даль вдохновенно-трогательную поэму исканій духа.

Судите сами.

На лѣвомъ створѣ... Идутъ волхвы-мудрецы, съ жезлами маговъ, въ высокихъ восточныхъ шапкахъ. Лица пытливы, строги. Фигуры — въ порывѣ: найти, увидѣть. Звѣзда надъ ними стремитъ лучи. Вдали видны — пещера, Ясли. Богъ въ небесахъ держитъ Звѣзду въ Десницѣ.

На главномъ створѣ... — „Снятіе со Креста“. Темная скорбь на лицахъ. Въ небѣ клубятся тучи. Св. Тѣло обвисло, плоско, — земное, „персть“. Изъ тучъ, острый, какъ пика, лучъ падаетъ между Тѣломъ и волхвами. Волхвы уронили жезлы свои, сложили руки ладошками, на лицахъ ихъ скорбь и ужасъ. Въ небѣ не видно Бога. Муки исканій — тщетны. Смерть, отчаяніе — на всемъ.

На правомъ створѣ... — „Великое Воскресеніе“. Встаютъ изъ гробовъ, изъ земли, изъ водъ. Волхвы, воскресшіе, воздымаютъ руки свои съ жезлами, небо залито звѣздами, надъ звѣздами Три Впостаси Божіи, въ великихъ лучахъ Звѣзды. Лица волхвовъ — обрѣтенная радость вѣчной жизни — въ Богѣ. Иныя лица, уже не земныя. Исканія, какъ бы, оправдались, завершены...

Я знаю: великіе пути человѣческаго духа явлены были въ триптихѣ, мнѣ явлены! И это меня поддерживало долго-долго. Теперь... я ищу волхвовъ. Гдѣ они!.. Но объ этомъ послѣ.

Въ этой, такой для насъ роковой находкѣ, мы съ женой обрѣли огромное. Сколько разъ, въ темныя полосы нашей жизни, всматривались мы въ этотъ тысячелѣтній триптихъ! И вотъ, когда наступила мгла, и жена моя, бѣдная моя Ната, угасала въ холодной комнатѣ, вся уже — тамъ, я принесъ къ смертному ея ложу эти дощечки изъ побурѣвшей кости. Я не думалъ, не помнилъ, — зачѣмъ я это?.. Я положилъ ей на грудь... — и вспомнилъ первую благостную весну нашей совмѣстной жизни, море жемчужное, хрустальную Венеру въ солнцѣ... розовое мое!.. И вотъ, она отомкнула свои глаза, узнала... — и слабая, дальняя улыбка прошла по меркнувшему ея лицу.

Его у меня украли, этотъ священный триптихъ. Знали, чего онъ стоилъ? Возможно, знали, что онъ на рынкѣ

стоиль. Но, конечно, не знали, чего онъ для меня стоиль, и что есть онъ!

Его у меня украли. Но, вѣчный, какъ духъ безсмертный, онъ крикнулъ черезъ витрину, на Бульварахъ: — „Я здѣсь!“

Можно ли украсть духъ безсмертный?!

Это былъ подлинный онъ. Другого никто не знаетъ. Подлинный нашъ, съ отщербленнымъ уголкомъ внизу основного створа, ловко задѣланнымъ мастикой. Меня ударило сквозь стекло. Не помня себя, я вбѣжалъ къ антиквару и попросилъ показать реликвию.

Это была — поддѣлка! Чудеснѣйшая поддѣлка.. безсмертнаго духа! изъ-за грошей!!

Онъ, Безсмертный, даровалъ мнѣ силы. Я былъ спокоенъ.

— Скажите, кто ихъ работаетъ, эти... штуки? — спросилъ я почтеннаго антиквара, вспомнивъ далекое слово пьяницы.

— Специалисты имѣются! — усмѣхнулся онъ и похвалилъ мою экспертизу взглядомъ. — Подлинникъ находился у владѣльца... — онъ быстро вспомнилъ мою фамилію, — въ Россіи. Но теперь сказать трудно, такая въ этой Россіи каша. А я заплатилъ бы денежки. Но, быть можетъ, хозяинъ и самъ пустился въ комерцію... хотя человекъ серьезный. Впрочемъ, всѣ они тамъ свихнулись. А любителей очень много. Я получилъ поддюжины изъ Триеста и за недѣлю продалъ пять штукъ. Возьмете?..

Я взялъ штуку за двѣсти франковъ, — капиталъ для меня теперь, — мнѣ дали триестскій адресъ, и въ тотъ же день я написалъ „фабрикѣ“. Мнѣ отвѣтили вѣжливо, что производство идетъ со слѣпка, присланнаго изъ Будапешта. Я написалъ въ Будапештъ. Отвѣтили, что работаютъ „изъ комиссіи“, отъ эстампной фирмы „Универсаль“, Дрезденъ. Я написалъ, но письмо вернулось: въ Дрезденѣ такой фирмы нѣтъ!

Обокрали и мастера, и меня. Пошло въ поддѣлку. Спросъ-то вѣдь продолжается, и каждому хочется заешево „прикоснуться“. Хорошій тонъ, и можно приколоть

титъ на стѣнку. Но живъ мой триптихъ, гдѣ-то кого-то ждеть... Прошелъ черезъ руки пьяницы... и черезъ руки убійцы пройдетъ... и попадетъ на мѣсто! Великими жертвами попадетъ... — и Звѣзда, Святая, еще загорится надъ новымъ жемчужнымъ моремъ... новой весной, когда-то, для кого-то. Или — обманъ все это?.. всѣ эти триптихи!?. Обмана не можетъ быть, я знаю. Наши пути — обманъ!

Но есть, есть..!

VI

Святая искра въ человѣкѣ есть! Бываетъ — гаснетъ. Но волхвы придутъ, большіе... Намъ не видѣть.

Видите, больше мнѣ нечего уже знать, и никуда не хочу, и дали не скажутъ новаго. Пусть ихъ ищутъ по цѣлому свѣту, снуютъ въ автокарахъ, на корабляхъ, въ пустыняхъ и по горамъ — мятутся. Маленькіе волхвы, шумятъ... и раскрываютъ „дали“. Когда-то и я шумѣлъ, покуда не натолкнулся, не „ушибся объ самого себя“, покуда не потерялъ все, все, покуда не пробудился, чтобы понять самое простое, чтобы найти нетлѣнное...

И такъ, многое у меня разворовали. И жильцовъ вселили. Въ гостиной, гдѣ стоялъ рояль... — когда-то на немъ игралъ Чайковскій! — у меня его отняли и въ клубѣ его потомъ разбили, — въ гостиной сидѣлъ поваръ изъ столовки, къ ночи всегда веселый, — душу выматывалъ своей гармоньей! А его жена-толстуха, жеманясь, говорила: „каждому тоже съ музыкой помечтать желается... вискустъ!“ Онъ ободралъ — на похлебки! — лавровый вѣнокъ, который мнѣ поднесли студенты на юбилей. Въ нашей спальнѣ, гдѣ стоялъ старинный кіотъ, — жена собирала древнія иконы, — жили какія-то куцыя дѣвки, въ кепкахъ, съ портфелями, а къ нимъ ходили восточные люди въ башлыкахъ, съ ножами, — и постоянно тамъ визгъ и гоготъ. А въ залѣ и столовой засѣла семейка нашего дворника, — тоже называлъ меня „товарищъ-професыръ“ и совалъ на дворовыхъ собраніяхъ лапу лодкой! — и его

сынишка, такъ называемый теперь „отвѣтственный работникъ“. Вотъ этотъ-то экземпляръ и грозился „вышвырнуть мои потрохи!“

Противно вспомнить.

Конечно, я ни въ какой съ нимъ плоскости, и, здраво рассуждая, все это какъ бы ирраціональное... — но гадливый стыдишка охватываетъ меня, какъ вспомнишь. Но и объ этомъ нужно, чтобы понять откровеніе, явленное мнѣ пиголицами.

Сынъ дворника... Не въ этомъ дѣло, конечно, что сынъ дворника. А въ томъ, что это — трагически-пошлое, но — жизнь.

До войны ему было лѣтъ двѣнадцать. Онъ былъ голенасть, ушастъ, что-то и поросячье, и обезьянье, подъ носомъ всегда мокро, и болячки... Я его не могъ видѣть. Подъ его оболочкой чуялся человѣческой гнойничокъ. Мое чувство, должно быть, передалось ему. Почему я его замѣчалъ? Мы многое очень замѣчаемъ, только не вдумываемся, а просто — срываемъ съ житейскаго дневничка. Я замѣчалъ его! Просматривая атласы, внимая глазами гармоніи чистыхъ линий, я вспоминалъ Макарку, какофонію его линий!

Это же — вотъ откуда.

Онъ имѣлъ подлюю привычку звониться въ парадное крыльцо и швырять костяными бабками въ дверь, назло.

И поэтому всегда выбиралъ часъ, когда я дома и отдыхаю. Эти звонки и стуки меня взрывали, какъ иныхъ — пѣтушиный крикъ. Жена выговаривала дворнику, но это не помогало. Разъ даже я самъ захватилъ его на звонкѣ, и дворникъ при мнѣ нарвалъ ему уши. На другой день, выходя въ университетъ, я замѣтилъ на крыльцѣ — гадость. Онъ поджидалъ меня за угломъ, показалъ вздутую верхнюю губу, — у него было вытянутое, какъ у поросенка, рыльце, — и завизжалъ отъ радости. Я ему погрозилъ, а онъ высунулъ мнѣ языкъ.

Конечно, дикое сочетаніе: я — и жалкій уродъ-ребенокъ, человѣчески-незадавшееся, дегенератъ. Но вдумайтесь — и увидите: очень похожее — во всемъ нашемъ.

Жена пробовала его исправлять, давала книжки съ картинками, сласти... Конечно, безрезультатно.

И вотъ, этотъ-то, обрывокъ человѣка, черезъ восемь лѣтъ... — дѣлалъ у меня обыскъ!..

Револьверъ, галифэ, тѣ же болячки подѣ носомъ, та же вытянутая въ хоботокъ губа съ рыжеватыми усиками, выдутые безцвѣтные глаза, ужасный лицевой уголъ идиота, голова сучкомъ, шепелявый... — и неимовѣрными духами..! И англійскій приборъ еще! Ну, что-то... непередаваемое. Онъ развалился въ моемъ креслѣ, уперся острой колѣнкой въ столъ и... —

— „Прошу... сѣсть!“.

Эта обезьяна кого-то изображала.

— „Прошу.. предъявить!“.

Онъ, буквально, задираетъ ноги. Онъ, Макарка, просматривалъ мои письма! Просматривалъ и швырялъ. Сколько было на его губѣ торжества — до дрожи, когда онъ захватски сунулъ мнѣ ордеръ — „по результатамъ арестовать!“! Результатовъ не оказалось, но онъ укралъ у меня папку съ гравюрами неаполитанскаго музея и другую — рѣдкое собраніе помпейскихъ фресокъ.

— „Пол-награфія!? — визнулъ онъ и строго зачеркалъ въ книжечкѣ.

И — какъ его радостно потрясло! — коллекцію снимковъ — „фаллы“. Онъ даже гикнулъ и привскочилъ:

— „Ого-о-о!?!.. Эт-то мы... раз-смо-тримъ!..“ — и быстро сунулъ въ портфель.

Уходя, онъ буркнулъ что-то, вроде — „паразиты на нашей шеѣ“...!

И я жилъ съ нимъ въ моей квартирѣ, онъ за дверями высвистывалъ „Стрѣлочка“ и „Интернаціональ“, а когда сталкивался со мною въ коридорѣ, выставялъ порсячи зубки, какъ за угломъ когда-то, и шепелявилъ злобно:

— „Състо, кому сеперь ушки-то оболтали?!..“

Вы ждете — объ „откровеніи“... Но вамъ станетъ понятнымъ это чудо, освободительный взрывъ во мнѣ, — черезъ пиголицъ, на пеняхъ, — когда вы сами дойдете

со мой до... точки. Какъ тотъ почтенный географъ, который въ Америкѣ моетъ въ вагонахъ окна, — въ газетахъ было! Онъ тоже дошелъ до точки. Пиголицы ли ему открыли, что пристойнѣй окошки въ вагонахъ мыть... У него тоже... одинъ безусый на его глазахъ дневникъ листикъ за листикомъ отдиравъ и въ огонь швырялъ. И смѣялся. Все профессоръ забылъ, но не можетъ забыть, какъ ему душу рвали. Но... почему же онъ моетъ, въ Америкѣ?! Развѣ уже и тамъ..? А какъ же..?

И вотъ, пиголицы и толкнули меня на мысли о... человѣкѣ.

Теперь, взъерошивъ душу и раздраживъ, я приступаю къ главному, къ чуду со мною и къ тѣмъ чудесамъ, которыя и доселѣ мнѣ открываются. Тутъ ужъ я по прямой дорожкѣ, кажется, выберусь.

VII

Здѣсь, въ Европѣ, я нѣсколько отдышался и получилъ какъ бы душевное разряженіе... Ну, да... именно разряженіе. Были во мнѣ заряды, — теперь разряжень! Но чѣмъ же мнѣ зарядиться снова? И надо ли? Что-то я и своего голоса не слышу, и говорю и кричу, какъ въ вату, — какъ на пенькахъ?.. Что-то я ничего не вижу, и плывутъ надо мною тучи, и въ вѣтрѣ сѣется пустота...

Люди..? Люди — все тотъ же штампикъ, попроче и попрактичнѣй былой нашей интеллигенціи, и — пожестче. „Больные“ вопросы у нихъ какъ бы уже рѣшены и сданы на храненіе. Кто-то, понятно, еще рѣшаетъ, еще продолжаетъ вопрошать океанъ и звѣзды, какъ гейневскій дуракъ, но, во всякомъ случаѣ, шуму нѣтъ, и большинство подвело итоги — или и безъ этого обошлось — и играетъ въ жизни пестрѣ, по маленькой. Не то чтобы всѣ преферансику предались, а... рѣшающіе невидны въ разливанномъ морѣ суетливой „культурности“.

У насъ, какъ было? Равнинность, равнинность, а на ней какъ бы.. Гималаи! Мы же интенсивнѣйшей, интеллектуальнѣйшей жизнью жили!.. Даже самый захудалый

интеллигентикъ, котораго судьба въ какой-нибудь Глухо-Глазовъ закинула, — и тотъ „не отстать“ стремился. Или спивался съ отчаянія, что попалъ въ „равнинность“... кричалъ мучительно, что среда заѣла, и совѣсть его язвила! Отвѣтственность свою чувствовалъ. Этого отрицать нельзя. И „Гималаи“ были! Правда, на болотинѣ они стояли, какимъ-то чудомъ... и тарарахнули. Равнинѣ, понятно, недоступны, но и не заслонялись, и потому всегда видно: сторожать, есть! костры-то на нихъ горять... „огни“-то! А здѣсь... прошелъ плугъ общепольной и общедоступной культурности, и всѣ имѣютъ хотя бы карманное понятие о правахъ человѣка и гражданина, объ электрическомъ освѣщеніи, о Богѣ, о сберегательныхъ кассахъ... — и каждый считаетъ себя если не Гималаями, то хотя бы горкой, и изъ-за этой-то „Воробѣвки“ уже не видно горъ настоящихъ, хоть и есть гдѣ-нибудь онѣ. Но уже не даютъ онѣ горнаго тона всхолмленному пейзажу. А у насъ иной галстука не умѣлъ какъ слѣдуетъ завязать и отъ гречихи пшеницу не отличалъ, но зато могъ изъ Нитше цѣлыми страницами отхватать, а исторію революцій..! И чудеснаго было много, знаменнаго!..

Нѣтъ, не люди... Отъ прошлаго получаю освѣжающее забвеніе, встрѣчая любимыхъ по хранилищамъ и музеямъ. Ну, конечно, здѣсь пока и не трогаютъ за штаны.

Но все возможно... Когда-то вѣдь и у насъ это преимущество имѣлось.

Вы все поглядываете, будто сказать хотите:

— „Да какъ же васъ тамъ отдѣлали! Логіку подмѣнили, мутные глаза вставили, даже и душу подсушили! Гимнъ равнинно-гималайному прошлому поете?! А величайшія цѣнности, хотя и медленно, но все же вздымающагося къ „Гималаямъ“ человѣчества?! А блага личности?! Всѣ сознали! Въ Англии вонъ шестидесятилѣтніе сколько-то шиллинговъ пенсіи получаютъ! Всѣ предрасудки брошены, небо раскрыто и протоколь составлень, что кромѣ звѣздной туманности ничего подозрительнаго не найдено... всякій на велосипедѣ ѣздитъ, а въ Америкѣ и на собственномъ даже автомобилѣ, — но это ужъ идеаль! — всѣ по-модному

галстуки завязать умѣютъ, всякій и въ президенты можетъ, если выйдетъ ариѳметически, а кинематографы и газеты вливають мощныя волны знаній и переживаній въ массы!..“

Согласенъ, что глазной операціи подвергся и подмѣненъ. Но и я васъ спрошу:

— „Но почему мнѣ такіе заумные сны снятся? А они мнѣ и тамъ начинали сниться — и въ первый разъ, послѣ чудеснаго случая на пенькахъ, — и здѣсь, воочію?“

Но о снахъ я потомъ повѣдаю, а теперь — другое. Теперь — отвѣчу:

— „Если я весь такъ подмѣненъ и даже вывернуть наизнанку, то почему же создатели „величайшихъ цѣнностей“, испытывающіе тревогу, когда собаченку несчастную на физическій опытъ тащатъ, за миръ всего міра и братство народовъ ратующіе, — а такіе гиганты есть и носятся въ хлопотахъ по всей Европѣ, освѣжая спертую атмосферу, — и всѣ охранители антиковъ, до вазы царя микенскаго, оберегающіе все, до цапинки, обезпеченные, когда гобеленчикъ украдутъ, и всегда насторожѣ, какъ бы чего не подмѣнили... — какъ же всѣ эти „охраняющіе“ допустили, чтобы не только меня, тоже оберегателя антиковъ, такъ подмѣнили, а чтобы... цѣлое великое царство подмѣнили, хотя, правда, и не античное?! И не только допускаютъ, а и... И чтобы даже и... человека подмѣнили?!..“

Но объ этомъ я — въ общемъ планѣ, а теперь: какъ и почему я испугался, что подмѣненъ, что пропадаю, что человекъ пропадаетъ, античный, вѣрившій въ „истину, добро и красоту“, и какъ я рѣшилъ пуститься на раскопки этого человека, и гдѣ я его обрѣлъ. Это-то и случилось на пенькахъ, какъ чудо и откровеніе.

Я знаю, что рассказъ мой нестройный, но вы ужъ извините. Стройное..? Мы же — въ бурѣ!

И вотъ — о пиголицахъ.

VIII

Онѣ носились надъ болотной луговиной и тоскливо кричали: пі-у-у-у... пі-у-у-у... Я уныло слѣдилъ за ихъ

круговымъ полетомъ, за переливами черно-зелено-синяго на ихъ крыльяхъ, какъ вытянуты назадъ голенастыя ихъ лапки. Что-то было усмѣшливое въ косичкахъ на ихъ головкахъ, верткое. Отъ ихъ вскриковъ невеселый пейзажъ казался совсѣмъ унылымъ. Ясный и мягкій день — было начало іюня — замутился, задумался, засвѣжѣлъ. За какой-нибудь часъ, — а я чувствовала страшную разбитость и все сидѣлъ, — все измѣнилось рѣзко: вѣтерокъ шелестѣлъ сухимъ бѣлоусомъ, пенъки посѣрѣли, мхи померкли подъ гобелень, тощія рѣдкія осинки побѣлѣли и стали шептать тревожно, и даже земляничка у моихъ ногъ погасла. Пейзажъ потерялъ послѣднюю кровь свою и сталъ — подводный. Я представилъ себѣ еще четыре версты такой дороги, мою дыру безъ оконъ, куда я для чего-то тащу мѣшокъ, отъ котораго дурно пахнетъ... Вспомнилъ, какъ баба Марья будетъ совать въ обмѣнъ гнилую картошку, выпрашивать дѣтямъ кусочекъ сахарку и жалобиться на долю:

— „Господамъ всегда уваженіе... и говядинки, и сахарку надавали вонъ, а мы что!..“

Вспомнилъ, что сегодня непременно зайвится бывшій мой караульщикъ старикъ Михайла и будетъ томить душу: будетъ, какъ бы въ укоръ мнѣ, рассказывать, какъ сладко, бывало, ему у меня жилось, — „пирогі, почестъ, каждый день!“ — а теперь такъ подѣлали господишки, чтобы опять крѣпостныя права были... — „понятно, голоштанные, а не какъ ваша милость...“ — и будетъ сидѣть и плакаться, пока я не дамъ ему мучки и табачку. А на прощанье скажетъ:

— „Гробъ и гробъ... всему сословію теперь гробъ!“

А потомъ соловьи, безсонныя ночи, пустые дни.

Не хотѣлось сниматься, двигаться. Меня усыпляли уныло-тревожные вскрики птицъ. Что ихъ такъ беспокоило? Онѣ взлетали, вскрикивали пронзительно-жалобно, припадали къ землѣ и уносились. И вотъ, слѣдя за черными точками ихъ полета, я вдругъ захотѣлъ — за ними! Если бы обернуться пиголицей, какъ въ метаморфозахъ Овидія... — летѣть, летѣть!..

И я принялся мечтать.

Будто я уже пиголица, легкой-легкой... — такую странную легкость почувствовал, ощущение удивительное! В дѣтствѣ только, во снѣ бываетъ. Лечу-лечу, прямо на Чокковское Болото, версть тридцать... Тамъ камыши густые. Ночью снимаюсь, перелетаю дальше... За ночь можно, пожалуй, версть пятьдесятъ, больше. Къ утру — въ болото, въ крѣпь... — а тамъ, дальше, дальше... И — никакихъ мыслей! Такимъ счастьемъ недостижимымъ показалось: никакихъ мыслей! Я завидовалъ имъ ужасно. Вѣдь никакая старшая пиголица не придетъ и не повелитъ стать на голову! Ястреба... Но пиголицы очень осторожны.

И вдругъ, къ моему удивленію, одна присѣла совсѣмъ отъ меня близко, черезъ пенекъ. Какая-нибудь наивная или ужъ очень умная? Приняла меня за пенекъ, за... пустое мѣсто?! Или — за свою сестру-пиголицу? Она уже не боялась меня, не принимала за человѣка!.. Я затаился, разглядывая ея красивое опереніе, сѣроватую подпушку ея боцковъ... — и тутъ-то, въ чуткомъ молчаніи, я вдругъ постигъ, глубиннымъ какимъ-то чувствомъ, что я — пустышка! Не пень, не пиголица даже, а... ни-что! нуль, абсурдъ, nihil!! Вспыхнуло во мнѣ и освѣтило: ничто. Теперь бы я не смогъ вспомнить и пережить съ той яркостью это страшное ощущение утраты всего себя, на человѣческой смыслъ совершенно абсурдное ощущение — ничто. Но я же и пересталъ тогда сознать себя человѣкомъ! Помнится мнѣ, что тогда было страшно мучительно, — провалъ въ бездну и растеканіе. Ну вотъ, — сердце истаяло, и сейчасъ — смерть ли, обморокъ... И такое глубочайшее ощущение пустоты при... пустотѣ-то!.. Можетъ быть, это было внезапное проявленіе душевной болѣзни — кажется, очень рѣдкой.

Бываютъ странные виды маніи, когда больной убѣжденъ, что проглотилъ какой-нибудь стеклянный предметъ, и страшится двигаться и ложиться: сейчасъ раздавить, и стекла врѣжутся тамъ во все. Очень мучительная болѣзнь. Или, — это я какъ-то видѣлъ, — что носъ его неимоверной длинны, что онъ вытянулся поперекъ улицы, и его вотъ раздавятъ. Больной въ ужасѣ хватается себя за носъ

двумя пальцами, приподымаетъ его, какъ бы шлагбаумъ, и бѣшено начинаетъ махать кому-то и кричать дикимъ голосомъ: „скорѣй, скорѣй проѣзжайте!.. поднять!!.“ И успокаивается на время.

Такъ вотъ, я почувствовалъ ужасъ исчезновенія, — свое ничто, — что я пропалъ, истекъ до послѣдней капли, что я уже не въ мѣрѣ, а какъ бы въ абстракціи, — вещь въ себѣ, — и... не могу уже „поднять шлагбаумъ“! Психозъ? Возможно. Но вдумайтесь, — и поймете, что это еще ужаснѣе! Когда человѣкъ стертъ въ пыль, постиженіе этой стертости приходится называть психозомъ! Что же тогда — нормальное? Сознать себя... и стоять вверхъ ногами? чувствовать себя человекомъ, а... Макарка „обалтываетъ уши“, а другой Макарка, какой-нибудь товарищъ Неназываемый, категорически изрекаетъ:

— „Или ты мою теорію признаешь и съ завтрашняго же дня будешь красную философію разводять, жечь Платона и Аристотеля, трепать за вихоръ Канта и лобызать копыто, или же... „Явой“ съ мальчишками будешь торговать, и тебя милицейскій будетъ какъ пыль гонять!“ — ?!

Психозъ ли — или уже сверхпознаніе утраты всего себя, — не знаю, но я не выдержалъ этого ужаса и дико крикнулъ, словно меня проткнули. Этотъ крикъ я и сейчасъ еще слышу... — какой-то... птичій!

Пиголица метнулась, вскрикнула... — и въ этотъ-то мигъ — ба-бах!.. ба-бахх!.. — лопнуло въ громъ все, и я почувствовалъ жгучую боль въ рукѣ.

Что же произошло? Ни мѣръ не лопнулъ, какъ мнѣ мелькнуло, ни громъ не грохнулъ, а вышло гораздо проще: выстрѣлъ товарища Макарки! Ну, его звали, положимъ, Васька, и былъ онъ отъявленный негодяй, съ звучной фамиліей — Худоёмовъ. И первое, что я услышалъ при своемъ изъятіи изъ ничего, — ибо я опять сталъ чѣмъ-то, хотя бы — цѣлью! — было три слова... три наиклассическихкихъ слова нашей гнуснѣйшей ругани! Чудесное пробужденіе? Онъ выпалилъ ихъ отчетливо-мастерски, одно за другимъ, словно забивалъ колъ мнѣ въ ухо, — и они тамъ остались. Въ глаза онъ мнѣ ихъ влѣпилъ! въ душу!!

— „.....! Спугнулъ, чортъ...! На сколько я къ ей подшелъ, ты..... спугнулъ?!..“

Онъ дотога облютъль, что вскинулъ ружье къ плечу, но оно было уже разряжено.

Я... — молчалъ. Я зажалъ руку, глядѣль на него — и... молчалъ. Я опять уже былъ — ничто.

Онъ подшелъ вплотную и тутъ-то узналъ меня. Онъ не разъ заявлялся ко мнѣ на дачу, вызывалъ меня въ волюсть „ексренно“, чтобы объявить свою волю и повинность. Онъ, Худоёмовъ Васька, былъ — власть.

Узналъ — и заготовалъ по-жеребьячи:

— А я... шутъ те дери... старичишка Гнусавый — думалъ....!

А Гнусавый былъ у насъ пьяница-побирушка, всегда съ мѣшкомъ, и носъ ввинченъ, — ничтожество всей округи.

— „А этто самъ господинъ... кла-дунъ! Ай, думая, плевать, всыплю...!“

— „Вы меня ранили!.. — крикнулъ я изъ послѣдняго, что еще оставалось во мнѣ живого.

— „А зачѣмъ — подъ руку, разъ стрѣляю?! Сколько за ей хожу... хитрыя онѣ, стервы... не подпускаютъ... А тутъ, совсѣмъ, былъ, подшелъ... нарощно испугали!..“

Онъ былъ, какъ обычно, пьянъ. Онъ насунулъ на меня вонючей харей и крикнулъ:

— Ну, доказывай... игдѣ я васъ спортилъ?.. игдѣ?!..

Я отнялъ руку, показалъ на чесучевомъ рукавѣ два алыхъ пятнышка, засучилъ рукавъ... Двѣ дробинки дроздята синѣли въ сочившихся кровью ранкахъ. Можно еще и теперъ видѣть, слѣды остались: пятнышки на предплечьи, какъ оспины.

— „А..... очарябало всего только... а-тлетныи!..“

Я глазами вбиралъ его — и только. Что я тутъ могъ?! Кричать на него, грозить? взывать къ... чему? къ его „безсмертному духу“?! Жаловаться — кому? Онъ былъ власть, безответственная до... смерти. Онъ вышелъ бы изъ своего суда героемъ. Это я самъ, я самъ помѣшалъ ему... я, паразитъ на его прекрасной шеѣ!..

— „Зайчатникомъ бы вотъ ахнулъ..!“ — усмѣхнулся онъ и пошелъ, посвистывая.

А я остался.

Я выдавилъ дробинки, — въ портмонэ онъ у меня, на память, — высосалъ ранки и перевязалъ платкомъ,—они еще у меня водились. И вотъ, послѣ такого двойного потрясенія, я таки получилъ „разрядъ“! Чаша переплеснулась, и я нашелъ, постигъ... не разсудкомъ, а гораздо глубже, пиголичьимъ нюхомъ, что ли, что я ничтожнѣе и дешевле... пиголицы! У меня не было утѣшенія даже зайца изъ сказочки, который пошелъ топиться, увидалъ прыгнувшую отъ него лягушку и осмѣлѣлъ. Дробинки переплеснули чашу.

И вотъ, когда я сидѣлъ такъ, разглядывая дробинки, птицы опять явились, выплакивая свое. И тутъ я крикнулъ, — мной что-то крикнуло! — въ ужасѣ, протестѣ и отвращеніи:

— „Слушайте же хоть вы, пиголицы несчастныя, мою клятву! Не могу я больше! Найду въ себѣ чело-вѣка!!..“

И уже тамъ, на пенькахъ, подъ ватнымъ, померкшимъ небомъ, не вдумываясь, я зналъ, что буду дѣлать, что нужно дѣлать. Послѣ, я разобрался. Въ эту же ночь я выстроилъ путаные ряды „за“ и „противъ“, привелъ въ порядокъ и строго подвелъ итогъ.

И съ первой минуты клятвы у меня уже стало — чѣмъ жить. Я поднялъ мѣшокъ и бодро пошелъ на дачу. У меня выросли крылья. Я перелеталъ отъ болотца къ болотцу, отъ пенька къ пеньку... оставлялъ позади себя всѣ эти бум-бумы и дыр-бул-щылы... Я нашелъ въ себѣ уснувшую силу сопротивленія, воли, сметки и ненависти. Я повторялъ себѣ:

— „Э то будетъ! Или — я долженъ кончить!“

IX

Обратили ли вы вниманіе, какъ тамъ, — въ мое пребываніе, по крайней мѣрѣ, — мало кончались сами?

Въ отравѣ, люди забыли, что они единственное еще могутъ—сами! Или и этотъ послѣдній выходъ казался уже утраченнымъ? Или — сознание, что нельзя такъ беззвучно уйти изъ ада? ужъ такъ притерлись?

Я видѣлъ потрясающую способность примѣниться и претерпѣть. Видѣлъ, какъ иные сумѣли себя увѣрить, что есть въ этомъ какой-то глубинный смыслъ, и лишь сильные дерзать могутъ. И стали — сильными, въ заслугу себѣ вмѣнили сладостно на кострахъ сгорѣть, въ пламени „бича Божьяго“. И остались при собственныхъ квартирахъ. Къ померкшимъ глазамъ подставили шулерскія стекляшки...

И я рѣшилъ бѣжать отъ этого чаднаго обмана.

Вы ужъ извините меня, что я все отклоняюсь, что не развертываю передъ вами волнующихъ картинъ побѣга, маскировокъ, слѣжекъ, качаний на остриѣ надъ смертью... Романы приключеній! Никогда имъ не вѣрилъ раньше, — теперь скажу: какая блѣдная выдумка! Не до приключеній мнѣ. Я себѣ самому рассказываю, какъ пропалъ человекъ во мнѣ, какимъ снова въ меня вернулся. Я вытряхиваюсь; я, бывшій, ищу, ищу... Я видѣлъ очень и очень много! Переживалъ еще больше. А какая романтика! Что за ощущенія прощаній — со всѣмъ, со всѣмъ!.. — отъ писемъ молодости, отъ исчерченнаго каракулями стола, отъ каждой пустой вещички, на которой остались отблески и изъянцы жизни, лепеты прошлаго, печальные взгляды и улыбки, и которая скорбно проситъ—возьми съ собой!—до послѣдняго взгляда на порогъ, гдѣ нога не хочетъ переступить, до поворота, откуда уже не видно родного пепелища, деревьевъ сада, пустой скамейки на бугоркѣ, подъ елью... — до проселка въ пустыхъ поляхъ, помутнѣвшихъ къ ночи; до неба, котораго нигдѣ не встрѣтишь, и до звѣзды, свѣтящей надъ головой: одна она всюду пойдетъ съ тобою, будетъ тревожить тебя ночами, слезу вырывать сверканьемъ, тянуть за собой — домой.

Нѣтъ, не трону своей романтики. Ее завалили груды.

Я бы могъ и блеснуть рассказомъ, пустилъ бы зарю лирически, съ раскатами соловьевъ въ оврагахъ, съ боемъ

росистыхъ перепеловъ, съ запахами лѣсовъ, полей и луговъ російскихъ; похерилъ бы „отступленія“ и оставилъ только пейзажъ и метаморфозу, — и не такъ бы скучно вамъ было слушать; но... сказки у меня отняты, отнята и охота мѣрить слова свои, и предоставлено размышлять подъ небомъ. Метаморфоза будетъ...

Въ тотъ вечеръ я былъ пьянъ побѣдной рѣшимостью, и эта рѣшимость крѣпла.

Я бодро вымѣнивалъ катушку, торговалъ творогъ и картошку, соглашался съ былымъ караульщикомъ Михайлой, что — гробъ и гробъ! — и вздыхалъ съ нимъ о пирогахъ съ капустой и казенкѣ — „какая была... младенцевой слезы чище!“ Соглашался и съ бабой Марьей, что — господамъ всего надаютъ, что теперь всѣмъ ровень, всѣмъ одинъ рай — ложись и помирай! Моя веселость вызвала даже подозрѣнiе Михайлы, — ужъ не захапалъ ли я чего изъ хорошо имъ извѣстнаго клада отъ старинныхъ князьевъ, и я таинственными улыбками и словцами пролилъ въ него надежду, что съ Божьей и его помощью... Въ ту памятную зорю меня уже не томили соловьи, а звали съ собой, на волю.

Утромъ, помню, я бодро принялъ портфельщика изъ „все-рабы-с“а или „все-раби-с“а и горячо одобрялъ проектъ трагедiи, — но безъ Рока! — съ участiемъ „боевыхъ кадровъ крестьянско-пролетарской молодежи,“ — въ разбитомъ имѣнiи барона Ведэ. Накрутившаяся пружина, я отъ души смѣялся, хлопалъ по плечу верткого молодого человѣка, радостно пучившаго глаза:

— „Чудесно, молодой другъ... только надо высмѣять, въ пропагандно-агитацiонныхъ цѣляхъ, эту заражающую трудовой духъ античность, продуктъ эксплуатацiи рабочихъ массъ, и на переднемъ планѣ сгруппировать нерастасканные еще и не побитыя статуи изъ парка, какъ символъ прогнивающаго старья, штурмовать ихъ кадрами молодежи, съ кузнечными молотами и цѣпами, и разнести на куски...— эффекты!“

Онъ былъ въ восторгѣ и многозначительно жалъ мнѣ руку. Онъ даже спросилъ подобострастно:

— „Дорогой товарищъ-профессоръ... вы теперь со-
всѣмъ нашъ?“

У меня нехватило духу быть съ нимъ жестокимъ:

— „Почти, мой молодой другъ! Что-то мнѣ открыва-
ется...“

Я не кривилъ душой: открывалось.

Онъ выбѣжалъ отъ меня въ восторгѣ, и я изъ окошка видѣлъ, какъ онъ у воротъ остановился, задумался, выхватилъ записную книжку и быстро набросалъ что-то. Я подумалъ: онъ можетъ меня назначить наипочетнѣйшимъ комъ всѣхъ искусствъ... онъ можетъ!

Въ эту ночь... — я никогда не забуду эту вторую ночь послѣ „открытія“ — меня опять не томили соловьи: я пересталъ ихъ слышать, — до пробужденія на зарѣ. Ночью давилъ кошмаръ...

Красивые сны я видѣлъ, въ красивыхъ мѣстахъ леталъ. Замки, озера, храмы, мраморы, мраморы... Легкій, крылатый, носился я надъ водами, по островамъ. Солнцемъ, снѣгами, синью подо мною моря кипѣли. И всюду, на горахъ, и по берегамъ, у края кипящихъ водъ, въ долинахъ, кипарисы черными иглами, — помните Бѣклина? — купы лавровыхъ рощъ, одинокія пиніи на холмахъ, — все недвижно. И голосъ во мнѣ шепталъ: „святое“! И всюду — они... связавшіе мою жизнь съ собою, — дивные мраморы и бронзы, камни священные, музыка вѣчныхъ линий... Это былъ, воистину, міровой слетъ творческихъ геніевъ. Что я видѣлъ?! Было тутъ — и давно мнѣ извѣстное, и невиданное еще. Не помню линий, но было непостижимое, возможное, но несозданное еще, которое не будетъ создано! Это тоской я понялъ. Я созерцалъ ихъ въ благоговѣйномъ трепетѣ, какъ Бога, — это носившееся въ мечтахъ — погибшее. Пѣсни неспѣтыя, образы непокорные, неуловимые для рѣзца, для глаза. Созданное доселѣ, въ сравненіи съ ними, — мракъ! Живые были они, изъ тонкаго камня-свѣта, нерожденные никогда, — уже минувшіе. И голосъ во мнѣ шепталъ: „святое!“ Не красота. Слова такого нѣтъ, чтобы передать ихъ чары. Это былъ взрывъ всего, что билось въ душѣ творившихъ. Курильницы, формъ

невѣдомыхъ, звѣзднаго серебра, курились лазурью неба. И голосъ во мнѣ шепталъ, что это—въ поляхъ посмертныхъ. О, какая была тоска! Тоска — утраты. И сквозь эту тоску я слышалъ смутные голоса оттуда, куда я сейчасъ вернусь, шумы швыряющаго моря, — горькіе звуки жизни. Будто и соловьиные раскаты доходили, и взрывы грома, и шумъ дождя.

И вотъ, очутился я въ какомъ-то заглохшемъ паркѣ. Падали сумерки, гнетущіе послѣ блесковъ невѣдомаго Царства, гдѣ я леталъ, напоминавшаго мнѣ Элладу и острова Эгейскіе. Сонныя, темныя, въ мутно-зеленой плѣсени, давили меня деревья, дышать мѣшали. Сырые, гнилые листья ворохами лежали на дорогѣ. И вотъ, съ темнымъ лицомъ, кто-то, остановился передо мной, положилъ на плечи тяжелья, какъ свинецъ, руки и повалилъ на землю.

Я слышалъ, какъ сдавило мнѣ грудь, какъ хрустятъ ломающіяся безъ боли кости... Я кричалъ въ опустѣвшей воздухъ, въ глухую чащу. Кричалъ беззвучно. И вотъ, я вижу... Идутъ, разговаривая о чемъ-то, прямо ко мнѣ, двое старыхъ моихъ друзей, съ которыми совершилъ я много славныхъ экскурсій, не порывалъ до послѣднихъ дней, изрѣдка получая письма. Оба—славные европейцы, гордость своихъ народовъ, высокаго совершенства люди. Къ нимъ я взывалъ, стараясь поймать глазами, сказать глазами, чтобы они узнали. Они проходили мимо... Одѣты они были во всеъ новомъ, въ чудесныхъ пальто, съ биноклями, съ сумочками, какими встрѣчалъ ихъ на пароходахъ, по Средиземью, на пристаняхъ. У нихъ были крѣпкія трости съ крупными набалдашниками изъ слоновой кости, — тяжелыми билліардными шарами, въ золотой шейкѣ. Они ловко играли ими, крутили въ пальцахъ, и говорили о чемъ-то важномъ. Какъ ловко эти шары крутились! Они проходили мимо. Я крикнулъ: „Сэръ..!“ Я забылъ имя. Я крикнулъ: „Мсье..!“ Эти слова я помню. Только эти. Я кричалъ ихъ на всѣхъ языкахъ, какіе зналъ. Я задыхался, мучился, чтобы вспомнить — зовутъ ихъ какъ же?!.. Они прошли, не замѣтивъ меня, — ушли. Я крикнулъ, теряя воз-

духъ... Грохотъ и яркій блескъ вырвали, наконецъ, меня изъ этого кошмара...

Я узналъ сѣроватый разсвѣтъ въ окнѣ, услышалъ ливень. Гроза сплывала. Раскаты грома становились глуше, блистало рѣже, но ливень продолжался. Я лежалъ на спинѣ, и старался вспомнить чудесное, что я видѣлъ. Осталось только одно, глазомъ неуловимое, невыражаемое словомъ... — благоговѣніе. Я не могъ вспомнить линий, но музыка ихъ осталась. Непостижимое. И осталось еще: тоска. Ушелъ и ливень, и теперь только шорохъ дождя съ деревьевъ трепалъ по лужамъ. А рядомъ, въ залѣ, лило съ потолка потокомъ, какъ банньмъ шумомъ. Пахло по-банному березой и теплой прѣлью. Ломило голову, какъ съ угара, и разобралъ я, что это съ дурманныхъ любокъ, что принесла мнѣ дѣвчонка Марья — за куски сахара. Отравили меня фіалки, восковки мылья... вынесли въ Царство Свѣта, въ кошмаръ швырнули.

Поднятые грозой, взбитые блескомъ молній, соловьи заливали все. Я услышалъ ихъ снова, и снова мучился. Не помогли подушки. Я вышелъ въ садъ, полный дождя и лужъ, шелеста и капли. Было тепло и банно, до духоты. Крѣпко березой пахло, фіалками съ овраговъ. Тоской давило. У края сада бѣжалъ потокъ, и въ его мутномъ бѣгѣ, и въ соловьиной пѣснѣ, и въ отблескахъ дальнихъ молній чужалось безпокойство. И я сказалъ самому себѣ: надо скорѣй, скорѣй!..

До солнца бродилъ я въ саду, по лужамъ.

Сонъ мой этотъ... Тутъ гдѣ-то, во мнѣ или внѣ меня, невидимое было Царство, было! Оно же явилось мнѣ... Неявленные мои возможности... нерожденные мои сны? Плаваютъ они всюду, живутъ туманно, мукой стучатся въ души. Родятся ли? Я чую слабые ихъ слѣды, тысячами раскиданные по міру, гибнущіе въ своемъ сиротствѣ. Въ пыльныхъ хранилищахъ что-то они лепечутъ — разбитыя буквы Книги...

Дымился подъ солнцемъ садъ. Выбитыми глазами смотрѣла на солнце дача. Мылья тѣни пришли ко мнѣ, тѣни изъ прошлаго... Ужась, ужась! Здѣсь уже все разбито.

А — тамъ?.. Я объ Европѣ думалъ. Сколько тамъ душъ великихъ, какія сердца и силы! Сны тамъ стучатся въ души, хотятъ Рожденья!

И я повторялъ себѣ: надо скорѣй, скорѣй...

Помню, я подошелъ къ рѣшеткѣ, глядѣлъ въ зеленую глушь оврага, дышавшую золотистымъ паромъ. Соловьи заливали трелью. Я теперь могъ ихъ слушать. Родные они мнѣ были, такіе близкіе! За непонятной ихъ пѣснью-трелью чуялся нерожденный міръ, рѣзлитыя возможности, съ тревогой-болью ожидающія рожденья, гибнущія. Милые мои братья, пойте! Ожиданье, тоска и мука... — родное мнѣ.

Это соловьиное утро ливня осталось въ душѣ моей. Яркая зелень, блески. Розоватыя тучки въ небѣ, золотые верха овраговъ, пѣсни... И радость найденнаго пути. И сонъ, навѣянный мнѣ дурманомъ.

Х

Начиналось чудо перерожденія.

Я нашелъ небывалую остроту взгляда, мысли, — развилъ чудовищную энергію. Въ короткое время я обошелъ сослуживцевъ и уцѣлѣвшихъ знакомыхъ, и всѣ таинственно спрашивали меня:

— „У васъ что-то такое... Что-нибудь слышали..?“

Я таинственно ободрялъ.

Я хранилъ свою тайну, зная по опыту, какъ у всѣхъ обострился слухъ. У меня обострилось зрѣніе, и я теперь ясно видѣлъ, какія дырявыя носятъ маски и дочего щедровито вытряхиваютъ остатки прежняго своего, лишь бы удержаться на гребешкѣ.

Я видѣлъ благоустроенныя квартиры преуспѣвающихъ, съ прибудной мебелью, куда не вселяются „макарки“ и повара съ гармоньей, логовища и норы страсотерпцевъ, взѣрошенные уголки сидящихъ на остріѣ. Я увидалъ много людей-ничто, нигилистовъ навыворотъ, съ просительными улыбками, съ суетливымъ сованьемъ руки „товарищу“. Я слышалъ — „товарищъ... товарищъ... товарищъ...“ — съ безпокойствомъ во взглядѣ, съ бессильнымъ отвращеніемъ

передъ собой — за дверь. Нетвердыя позы въ автомобиляхъ, льстиво-наигранное — „что за машина у васъ, товарищъ!“ Видѣль покраснѣвшихъ профессоровъ — сваренныхъ раковъ въ кухаркиной лохани, съ выпучившимися глазами, — отъ удивленія передъ собственной дерзостью? отъ стыда?.. Дѣвухекъ, чистенькихъ когда-то, недавно чутко внимавшихъ „красотѣ въ искусствѣ“, — теперь бойко потряхивающихъ кудряшками за машинкой въ фантастическомъ учрежденіи, состоящихъ въ бракѣ на полчаса за милостивую поблажку щелкать и получать — на туфельки. Театральныхъ дѣлъ мастеровъ, когда-то „высоко державшихъ знамя“, за пятакъ отвернувшихся отъ святого, познавшихъ, наконецъ-то, потребность времени, съ убѣжденіемъ перестраивающихся отъ „настроеній“ къ строю, кричащихъ зычно — „здравія желаю!“ — но... съ уваженіемъ къ „священнымъ традиціямъ театрра...“ Увидаль пришипленныхъ на булавочку, привязанныхъ на веревочку, застуканныхъ до отказа и все еще подающихъ признаки жизни — и улыбающихся. И ни отъ кого не слыхаль смѣлаго крика: да смерть же лучше! Кто смогли и посмѣли, — погибли съ боемъ, погасли или ушли. Осталось складное или застуканное въ отказъ. Отборъ законченъ.

Постепенно я распродалъ все, что еще уцѣлѣло и хоть чего-нибудь стоило на рынкѣ. За пустякъ разбазарилъ самое дорогое, собиравшееся годами, жертвой: книги, атласы и гравюры, камни, танагры, античныя монеты, — укрытое отъ рукъ хваткихъ, находилъ ловкачей-посредниковъ, отслюнивавшихъ мнѣ грязные милліарды; европейско-американскихъ стервятниковъ-скупщиковъ, бѣшено пожилавшихъ жатву великаго погрома, забирающихъ подъ полу все — отъ древней библии въ свиной кожѣ до похабнаго альбома въ небесно-голубомъ шелкѣ съ серебрецомъ. Иногда я раздумывалъ и вздыхалъ надъ книгой, надъ гравюрой, надъ безрукой танагрой... и говорилъ ободряюще: тамъ, гдѣ-нибудь, мы встрѣтимся!.. Я очищался отъ прошлаго и переводилъ неповторимое въ линючіе милліарды — призракъ, а ихъ — въ реальность. Я позналъ тревожный и жадный шопотъ летучей биржи, алчную цапкость рукъ и сомнительную

охрану подкладокъ и воротниковъ, долбленыхъ палокъ, просверленныхъ каблуковъ, „американскихъ“ подошвъ, двуднищевыхъ чемодановъ и слюнявыхъ „сейфовъ“, за зыбкими стѣнками укрывающихъ золотые, готовые провалиться въ брюхо. Я постигъ условныя слова-знаки, темныя чайныя на углахъ, тупички въ скверѣхъ, забытые уголки оплаканныхъ часовенъ, кривыя, шаткія лѣстницы къ скупщикамъ и замшевые мѣшочки, насыпанные каратами.

Нюхомъ бродящаго у западни звѣря, закрутившейся до отказа волей я нащупалъ людей, до смерти дерзкихъ, которые знаютъ пути и могутъ поднять шлагбаумъ... Я узналъ, что въ облавной сѣти, гдѣ бьются тупоглазые караси и жоромъ играютъ щуки, есть дырки, прогрызенныя щурятами.

И я рѣшилъ — проскочить.

Я готовился, храня тайну. Пиголицы однѣ лишь знали.

Въ концѣ августа я простился съ дачей. Въ дырья-окна я поклонился далямъ — золотымъ рошамъ, пустымъ полямъ. Постоялъ на балконѣ вышки, слушая шопотъ прошлаго, снялъ забытую въ пустотѣ икону... Я подарилъ Михайлѣ хорошую лопату — добывать клады, а бабѣ Марьѣ разбитое корыто, — послѣднее, что осталось, — послалъ прощальный привѣтъ оврагамъ, гдѣ было красно и пусто, — соловьи уже улетѣли, — и переѣхалъ въ городъ, гдѣ были „дырки“.

Съ дорогими подошвами на пробитыхъ буцахъ, съ драгоценной палкой, — надъ ней я долго трудился, и ни одинъ досмотрщикъ не отыскалъ бы на ней ни знака, и не настучалъ звука, — я вышелъ налегкѣ, на зорькѣ, съ корзиной, собирать рыжики... И тутъ, съ пенька на пенекъ, отъ болотца къ болотцу, я разыскалъ опорные пункты — лѣсовыя избушки, рыбачьи шалаши на глазу у стражи... — и вытверженная карта развернулась передо мною тропками и путями, болотами и лѣсами, ночами тревогъ и душевной мути...

Я сталъ свободнымъ.

XI

И вотъ — Европа...

На зыбкой чертѣ мертваго и живого, когда лодка, затаиваясь въ блескѣ, протаскивала меня подъ шарившими во тьмѣ усами сторожевыхъ прожекторовъ, я мысленно протягивалъ къ Европѣ руки. Она пойметъ! Много у ней заботъ и величавыхъ плановъ, многого она не знаетъ... Я расскажу ея конгрессамъ, мыслителямъ, политикамъ, ученымъ, славнымъ ея, покажу... брюки-диагональ, дробинки, мѣшокъ, портянки... душу ей покажу свою, — какъ я стала!.. — пиголицей буду кричать... Она пойметъ. Гордой человѣкомъ, первой въ немъ божество узрѣвшей, — ей станетъ за человѣка страшно. А ея хранилица, гдѣ думы Величайшихъ, сокровища, въ которыхъ — геній, идеалы и красота тысячелѣтій... — и видно даже слѣпому глазу побѣдное движеніе...!

Все она пойметъ.

Вѣчно она искала идеалы, выливала ихъ въ бронзу, изъ камня выбивала, ковала изъ желѣза, творила словомъ, линіей и звукомъ... Я передъ Леонардо встану, передъ Анджемо, передъ Святымъ Францискомъ, передъ... Побѣдой Самоѳракійской... передъ Прекрасной!.. — и выну изъ мѣшка осколокъ хлѣба изъ шелухи, прострѣленный пиджакъ, брюки-диагональ, за которыя меня таскали, которыхъ бояться нужно... руки покажу, скобленья стекломъ, голову, прячущуюся въ плечи, голосъ подамъ свой птичій, покажу душу и... побѣду послѣдней мысли, на высотахъ! Скажу, что это только слабыя эмблемы, что все... нельзя. Но зачѣмъ — все?.. Тамъ — умъ глубокій, сердце — во всю вселенную..?

Пришелъ, взглянулъ, поговорилъ, послушалъ... Выздоровѣлъ... — и такъ мнѣ стыдно!.. Боже, въ какой одеждѣ я, съ какими старыми словами, съ какими думами!.. Я запихнулъ поглубже мѣшокъ съ „эмблемами“, душу завязалъ покрѣпче, чтобы не кричала... Шумно и безъ того. Гудки и грохоты — за облака несутся. Мимо, мимо!.. Что тутъ — птичій пискъ?!.. Орлы парятъ...

Имъ я писалъ, друзьямъ, — во снѣ ихъ видѣлъ... Мимо прошли они. Нѣтъ, не о помощи. „Сэръ“ отвѣтилъ письмомъ чудеснымъ. О колесѣ Исторіи... Колесо вертится! Жертвы, палачи... палачи — жертвы... Онъ — историкъ. И часто онъ краснѣетъ, что колесо такъ вертится. Мило приглашаетъ на сѣздъ въ Александрію.

И „Мосье“ отвѣтилъ... Еще чудеснѣй. „Вы — распяты!“ — писалъ онъ, — „но... — „кто страдаетъ — побѣждаетъ тотъ“, — старинный нашъ девизъ!“

А, колесо исторіи! А, девизъ!.. Новыя слова какія!..

Недавно я написалъ письмо одному славному, отважному. Со льдами онъ умѣлъ бороться. Было тамъ про все. Но... мысленно поднесъ фонарикъ къ его глазамъ: льды, снѣжная пустыня тамъ отпечатлѣлись. Холодно мнѣ стало. Не послалъ. Нестойтъ.

И вотъ, пошелъ я... въ прошлое, какъ тамъ — на дачу.

И встрѣтилъ, дивныхъ. Ихъ тѣни я обмѣнивалъ на хлѣбъ, на дырки въ сѣти. Встрѣтилъ живыхъ, взирающихъ очами своихъ творцовъ. Въ тысячелѣтяхъ, вѣчные, они смотрѣли.

Послѣ людей — пошелъ къ богамъ. Въ Луврѣ, къ Ней первой пошелъ молиться. Долго въ Нее смотрѣлъ... Я знаю всѣ линіи Ея, всѣ пѣсни... Смотрѣлъ — и плакалъ.

Я пришелъ въ ранній часъ, никого не было. Огражденная отъ шума, на высотѣ, на мягкомъ бархатѣ, покойномъ, какъ темное вино, Она, все та же, Свѣтлая... Слепая, Она глядѣла. Отъ Нея словъ не надо. Ей словъ не надо. Въ чуткой тишинѣ я Ей молился. Сказалъ Ей все... Я знаю: Она вяла. Во мнѣ забилось болью, я не могъ таиться... Ужасъ пустоты, утраты чело вѣка я постигъ, свое — ничто... — и крикнулъ!.. Стономъ у меня вырвалось. И увидалъ, на бархатѣ... лицо! У входа, смотреть...

Сторожъ на меня смотрѣлъ, изъ-за портьеры. Ну, они привыкли къ выраженіямъ восторговъ.

Я пришелъ въ себя. Въ его всахъ, въ глазахъ... — съ усмѣшкой, кажется, они смотрѣли, — на тепломъ бархатѣ, близко отъ Нея, я увидалъ знакомыя черты, ту

какофонію ужасныхъ линій!.. Проступило такъ ярко... И столько вызвало...! Я знаю, что лицо, конечно, было обыкновенное, ну — сторожа въ музеѣ!.. Но тутъ оно меня ударило, хлестнуло грубыми чертами... — и мнѣ мелькнуло: онъ и здѣсь!?!.. Мигъ это было, но я увидѣлъ, какъ расплывается оно на бархатѣ, смотритъ жадно на теплый мраморъ, щупаетъ глазами, лижетъ...

Я знаю: воображеніе мое расшатано. Я много думаю, и мои мысли принимаютъ видимую форму, какъ во снѣ. Сны еще нелѣпѣй.

Потомъ я говорилъ со сторожемъ. Онъ былъ неразговорчивъ, но вѣжливъ, и лицо простое. Онъ припомнилъ, что я бывалъ съ самимъ директоромъ. Корректно отозвался на наше: — „какъ это печально!“ — и дѣловито спряталъ франкъ, въ память о добромъ прошломъ.

Я вышелъ на Риволи въ безумный часъ, — и меня оглушило, закружило. Было тяжело въ толпѣ. И жутко. И то, что мнѣ явилось на бархатѣ, прилипшее ко мнѣ, какъ тѣ три слова гнуснѣйшей ругани, какъ запахъ воблы... — бѣжало со мною рядомъ!.. Не галлюцинація, понятно: на улицѣ я видѣлъ—что видятъ всѣ. Но во всемъ я схватывалъ, улавливалъ еще другое. Звуки... Скрежещетъ, храпитъ, рычитъ... гудки, желѣзный дребезгъ, — щелканье затворовъ..? И тяжкій духъ конюшни, стойла, ѣдкій угаръ бензина, пота человѣчьяго, цилиндры-будки эти, ноги тамъ топчутся, и шляпы въ ямкахъ... — все одинаково, какъ въ стадѣ! И вдругъ, такими неимовѣрными духами..! Лица подмаслены, въ ухмылкахъ, золотомъ смѣются зубы... Остро раздражаетъ. И — ни одного-то свѣтлаго лица, ни чистыхъ линій!.. Изъ Лувра выходитъ ужасно.

Кажется..? — говорите... Я знаю: онъ и здѣсь, и шепелявить, пальчонки въ уголчонкѣ сосетъ! Слышу, какъ чмокаетъ... Какой-то важный стержень изъ жизни выпалъ. А можетъ быть и стержня не было, — плелось, клеилось... Вѣрилось, что Бога человѣчество родитъ, что вотъ Онъ. Богъ въ мечтахъ остался, у поэтовъ, что видятъ сны. Мечтатели рѣдѣютъ. Трезвые идутъ на смѣну.

Эти наяву не будутъ грезить... отточать зубы, нервы за-
мѣнять сталью! Глохнуть уши, что слышали, умѣли слы-
шать тайну. Въ шумящей жизни ея неслышно. Стержень
выпаль, все сыплется, теряетъ четкость линий. Я слышу,
какъ стада... Макарокъ гонять пастухи лихіе? Нюхомъ
слышу, — у меня нюхъ птичій. Знаю, что и здѣсь услы-
шать скоро три слова гнуснѣйшей ругани, что на бслотѣ
тогда мнѣ въ голову попали, съ дробинками...

Логика хромаетъ?.. Ахъ, эта логика!.. Я вонъ и ви-
домъ измѣнился, и голосъ, замѣчаете, ка-кой?.. Полушо-
поткомъ все, голову въ плечи прячу, озираюсь... Что-то,
будто, птичье? Прислушиваюсь по ночамъ — моторъ?..
Слухъ обостренъ, а логика моя... Знаете — шестое чув-
ство, Бергсонъ-то еще говорилъ все?.. А Нитше? Паскаль?!
Они страдали. Мы страдаемъ неизмѣрно. Мы можемъ чу-
ять дальше этихъ стѣнъ видимыхъ. Должны! Я теперь не
въ глаза гляжу, а за глаза... и всюду вижу славныя черты
Макарки. Всматриваюсь ужъ очень? Мнѣ и глазъ не ну-
жно, — слышу! Воблинъ духъ... и кожей пахнетъ! По-
томъ совсюду пахнетъ, потомъ... Вянетъ Психэ, воня-
етъ псиной. Думаль — съ фонаремъ пойду искать про-
павшее... Фонарь коптитъ. Въ Грецію хотѣлъ поѣхать, по
островамъ. Смотрѣтъ коринку? Нюхать бочки съ масломъ?..
Въ Таруссѣ искать Фаросъ?.. Или рыться въ... философіи
искусства?.. Богъ мой! Откуда же обманъ весь этотъ?!

Хожу въ музеи. Чисто, тихо, законченно. Хранится.
Въ камнѣ, въ бронзахъ — человекъ. Мысли — въ хра-
нилищахъ. Прекрасный сонъ, крылатыя возможности. Пусть
спятъ.

Творчество!.. Исходъ отъ идеала. Люблю — и выра-
жаю. Любить забыли, выразить безсильны, идеаль мер-
кнетъ. Воплощать — нечего. Нечего въ музеи. Составить
описи — и запечатать. Занавѣсь давай!

Да, вотъ... На дняхъ въ ученомъ собраніи присут-
ствовалъ. Были свѣтила, слава вѣка. Обсуждали экспеди-
цію въ Месопотамію, былъ диспутъ о грандіозномъ планѣ
раскопокъ погибшихъ царствъ, цивилизацій. Много еще
тайнъ, сокровищъ. Я сидѣлъ и слушалъ. Теперь я былъ

другой, и это показалось мнѣ такимъ забавнымъ. Слѣды погибшихъ цивилизацій ищутъ!.. Для чего?! Вѣдь скоро... Я сидѣлъ и думалъ о погибшемъ царствѣ, о погибающемъ...

И опять со мной случилось... Перестановка плановъ, что ли..? Мои мысли получили воплощенье. Прищурился — и... Будете смѣяться.

Вижу ясно, какъ вотъ тотъ старикъ, съ румяными щеками, серебряная голова, съ чудесной бородой по грудь, высокій, статный старикъ-красавецъ, египтологъ и богачь... — какъ онъ, въ разбитыхъ башмакахъ, въ жениной кофтѣ, въ штанахъ изъ паруса, тащитъ по Санъ-Жермень мѣшокъ, а изъ мѣшка-то... голова макрели или мерлана — почетный даръ академическаго ранга... и холеная борода ужъ пакля!.. Или онъ подъ Парижемъ, гдѣ-нибудь въ Сенъ-Клу... пни каштановъ, и чайки, что ли, кричатъ и кружатся... И — ба-бах!.. Мелькнуло, что можетъ такъ случиться. Доказать? Нельзя. Ирраціональное вѣдь это... Какъ доказать, что человѣческое дерево упало? Поросль идетъ, пойдетъ... Опять сначала..?

А вотъ, профессоръ Дуайэнъ, или кто тамъ теперь... — въ разбитомъ госпиталѣ топить печи, а ему — „състо, товарищъ Дуайэнъ? кому сеперь ушки-то оболтали?!..“ А знаменитаго-то Бертело тамъ, или его преемника... два апаша съ винтовками по „Елисейскимъ Полямъ“ ведутъ, проходомъ въ Елисейскія Поля... — Лявуазье везли? — а на знаменитомъ — синіе штанишки съ кантомъ, отъ полицейскаго сержанта, а изъ пиджачка пучочекъ пуаро, подобраннаго на пустомъ базарѣ, и бьетъ по тощей ляжкѣ кусокъ украденнаго угля...

И еще я видѣлъ, какъ въ уголочкѣ какіе-то сидятъ, потертые, — челюстями впередъ, жуютъ, — и пальцы грызутъ-сосутъ... Глаза ихъ видѣлъ! Досидятъ, дождутся, — и ужъ экспедицію свою снарядятъ, и египтологу прикажутъ!.. Ракомъ сварится, выпучить глаза, красный весь станетъ, — бороды-то жалко! — и будетъ потрошить гробницы, золота въ нихъ искать...

Быть объективнымъ надо, — говорите? Вы представьте только: наша гордость, — называть не буду, — наша чут-

кость, совѣсть... слава наша, Покойники..! Представьте, живы они еще... и вдругъ бы, пришли бы къ нимъ и принесли прострѣленные души, закричали: „да поглядите! люди ужъ кричатъ по-птичьи!.. отзовитесь властно! Мы готовы, умремъ, вамъ пойдемъ на жертву, лишь бы услышать... голосъ власти вашей, громкій голосъ, что „истина, добро и красота,“ о чемъ еще толкуютъ, — живы, сильны! что вѣчное не умираетъ! И мы уйдемъ, спокойные...“ А они бы, наши-то... ни-какъ!?. Такъ бы, промежъ себя... Или — про колесо Исторіи! вертится, а я — краснѣю!.. Нѣтъ, кушунство такъ говорить про нашихъ.

Многое мнѣ здѣсь открылось. Глаза кривые?.. Прямыми насмотрѣлся, съ образцовъ музейныхъ переносилъ на все. Макарка мнѣ ихъ исправилъ. Раскопокъ теперъ не нужно: все раскопалъ! Сижу въ музеяхъ и вспоминаю.

Сны вижу...

Соловьевъ недавно слушалъ. Безъ тревоги. И трель слаба и коротка, и страсти нѣтъ той, и замиранье не выходитъ. Нѣтъ и посвиста раздольнаго, и поцѣлуйнаго разлива. Наши здѣсь не живутъ... остались тамъ. Пустымъ оврагамъ поютъ по зорямъ.

Іюль 1924. Ланды.

ДВА ПИСЬМА

New-Dear, 21 дек. 192... г.

Дорогой N. N.

..... надо лишь глубже вдуматься!

Сейчасъ идетъ дождь, туманно, какъ всегда у насъ въ эту пору въ Шотландіи, на холмахъ. Но въ моемъ кабинетѣ тепло и сухо, жарко горитъ каминъ. Я только что вернулся съ обычной своей прогулки — она оказалась необычной! — и вотъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть за работу надъ „Исторіей Возрожденія“, я невольно отдался встрѣтившимся за прогулку мыслямъ. Во мнѣ сейчасъ славная бодрость и радостность, подъемъ необычайный! Я съ особеннымъ наслажденіемъ отпиваю глоточками ароматичный грогъ, — я немножко прозябъ въ прогулкѣ, — и удобный мой кабинетъ, съ афганскимъ ковромъ, съ почернѣвшимъ дубовымъ потолкомъ, гдѣ еще видны крючки отъ клѣтокъ съ перепелами и жаворонками, которыхъ любилъ водить мой прапрадѣдъ, — съ потемнѣвшими латами рыцаря у двери, отъ давняго моего предка, кажется мнѣ еще покойнѣй и даетъ больше увѣренности въ работѣ.

И такъ — я перебираю встрѣтившіяся за прогулку мысли. Онѣ связались и съ Вашимъ послѣднимъ письмомъ ко мнѣ.

Я зашелъ далеко — за шлюзы, за озерки. Что меня повело туда — не знаю. Я не страдаю разсѣянностью, но сегодня такъ странно вышло. Тамъ, близъ фермы „Limit Ways“, что по-русски значить — какіе я дѣлаю успѣхи! —

„Предѣлъ дорогъ“, — старинное названіе мѣстности, — возлѣ древней, родовой нашей, церкви, есть очень давнее кладбище, сплошь заросшее верескомъ и барбарисомъ. Это и теперь еще очень глухое мѣсто, описанное Вальтеръ-Скоттомъ. Я удивился — куда зашелъ! И вспомнилъ, что именно здѣсь мой дѣдъ встрѣчалъ, на границѣ своихъ помѣстій, покойную королеву. Какъ Вы знаете, я далеко не мистикъ; но я ясно почувствовалъ что-то, отозвавшееся во мнѣ тревогой. Было ли то отъ кладбища, или это старая церковь, плачущая въ дождѣ, тронула мою душу, — не знаю. Но помню ясно, какъ сейчасъ же сказалъ себѣ: „свиданье!“ Больше двадцати лѣтъ не заглядывалъ я сюда, хотя это довольно близко. И вотъ — свиданье. Отзвукъ давно ушедшаго. Будто они, тысячи ихъ, отжившихъ, — ихъ костяки лежали отъ меня близко, на три какихъ-нибудь ярда подъ ногами, и мои предки въ церкви, — будто они призвали меня къ себѣ и что-то хотятъ повѣдать. Именно это мелькнуло въ моемъ мозгу, когда я увидалъ кладбище.

Дождь усиливался. Стадо овецъ паслось подъ дождемъ, дымилось. И я услышалъ старческой хриплой голосъ:
— Здравствуйте, добрый сэръ!

Я вздрогнулъ отъ неожиданности: изъ церкви голосъ! Это былъ старый пастухъ, въ клеенкѣ и юбочкѣ, голоногий — у насъ еще многіе такъ ходятъ. Онъ сидѣлъ подъ крышей звонарни и читалъ Библию. Васъ это удивитъ, быть можетъ; у насъ — обычно. И мы стали бесѣдовать на удивительно образномъ языкѣ-нарѣчьи, моемъ родномъ, которымъ гордятся абердинцы и грэмпыенцы, на которомъ дѣти лѣсистыхъ холмовъ еще распѣваютъ о цвѣтахъ чудеснаго вереска и про стараго Короля. Это такъ чудесно. У Короля были руки изъ золота, тяжелыя, какъ горы, — и онъ просилъ Святого Духа Горъ вернуть ему руки живыя и легкія, чтобы покинуть тяжелый мечъ и опять молиться. Еще поютъ дѣти, но пѣсни новыя не рождаются, старыя забываются. Ну, да: гаснетъ воображеніе.

Мы побесѣдовали. На раскрытой Библии старика, въ старыхъ пятнахъ отъ молока и сыра, на давней пожелтѣлой страницѣ, засыпанной крошками, — представьте, какая

дальность: Эдинбургъ, 1537 года! — я увидѣлъ чудесное мѣсто изъ великолѣпнѣйшаго Исаи: начало 5 главы. Вы помните это мѣсто? Но чудеснѣе было то, что эти слова, эти слова такъ настойчиво и неожиданно постучались въ душу. Нежданно. Въ пустынномъ мѣстѣ, у забытой церкви, у засыпанныхъ костяковъ жившихъ. „Свиданіе“. Я же гулялъ и думалъ все о своемъ, — объ „Исторіи Возрожденія“, о Вашемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, которое лишь отчасти отвѣчало моимъ мыслямъ, о путяхъ современнаго человѣчества, о томъ, какъ Вы называете, „тупикъ“ или, кажется, „топчакъ“? — я не совсѣмъ понимаю это слово, — куда оно, будто бы, заглянуло стадно, — допустимъ, что заглянуло, но — только заглянуло. И вотъ — Исаія. И я, наслаждаясь, и вдохновенно, прочиталъ два раза — и самому себѣ, и этому, будто вѣчному (ему 94 года), пастуху, и кроткому овечьему стаду въ дождѣ, подъ кровомъ церкви, — эти слова, показавшіяся мнѣ до осязаемости вѣчными:

„Воспою Возлюбленному Моему пѣснь Возлюбленнаго Моего о виноградникѣ Его. У Возлюбленнаго Моего былъ виноградникъ на вершинѣ утучненной горы. И Онъ обнесъ его оградой, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы, и построилъ башню посреди его, и выкопалъ въ немъ точило, и ожидалъ, что онъ принесетъ добрые гроздья, а онъ принесъ дикія ягоды. И нынѣ, жители Іерусалима и мужи Іуды, разсудите Меня съ виноградникомъ Моимъ“.

И прочиталъ дальше — чудесное и грозящее, какъ бы исторію жизни гибнущей.

„Хорошо, добрый сэръ!“ — сказалъ мнѣ пастухъ. — „Дальше читайте, про, судъ бу, дорогой сэръ“.

И показалъ мѣсто корочкой отъ сыра. И я прочиталъ:

„... преисподняя расширилась и безъ мѣры раскрыла пасть свою, и сойдетъ слава ихъ, и богатство ихъ, и шумъ ихъ... Горе тѣмъ, которые зло называютъ добромъ, и добро зломъ, тьму почитаютъ свѣтомъ и свѣтъ тьмою, горькое почитаютъ сладкимъ, и сладкое горькимъ!.. Горе тѣмъ, которые мудры въ своихъ глазахъ“.

„Здѣсь, сэръ!“ — еще показаль корочкой старикъ:—
 „Здѣсь судъ“.

И я прочиталь покорно:

„... ислѣдетъ корень ихъ, и цвѣтъ ихъ разнесетъ,
 какъ прахъ; потому что они отвергли законъ Господа.“

— „Все это правда, дорогой сэръ!“ — погрозилъ старикъ корочкой. — „Невѣрная стала жизнь“.

Мы хорошо поговорили со старикомъ. Словъ было мало, но такъ, — я не помню, когда говорилъ и съ кѣмъ. Многого онъ не зналъ, конечно. Гдѣ же, при овцахъ, знать многое въ нашей жизни. Но онъ зналъ многое, и такое, чего не зналъ я, историкъ. Онъ, мудрый отъ неба и отъ земли, — явился живымъ Исаіей. И я услыхаль отъ него его судъ надъ жизнью. Исаія... Его, живого, я встрѣтилъ — въ моемъ шотландцѣ. Я такъ былъ радостно потрясенъ. Чѣмъ — Вы спросите. Величавою простотой и чистотою сердца. Этому — предложите всѣ богатства міра, и онъ не отдастъ за нихъ свою книгу, овецъ, осыпающуюся церковь, свою корку сыра и кусокъ хлѣба. Я былъ радостно потрясенъ, почувствовавъ въ немъ — святое, если оно еще есть на свѣтѣ. Вы понимаете? Корни — цѣлы. Виноградникъ еще хранитъ въ зимѣ нашей благородную почку, которая можетъ развернуться.

И я сказалъ ему это на его судъ надъ жизнью. Знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ?

„Поглядите, добрый сэръ, на это мѣсто. Больше тридцати лѣтъ тому здѣсь росъ столѣтній каштанъ, и мнѣ хорошо было подъ нимъ въ непогоды. Его повалила буря. Побѣговъ не было, сэръ... поѣли козы“.

Побѣги будутъ. Они, вѣроятно, будутъ.

Сколько онъ зналъ и видѣлъ! Онъ связаль меня съ предками. Онъ — я и не зналъ того, — семилѣтнимъ мальчикомъ приносилъ моему прапрадѣду перепеловъ и жаворонковъ, муравьиныя яйца и вересковыхъ улитокъ. Видѣлъ родившагося моего отца, когда впервые принесли его въ церковь. Онъ словомъ своимъ поднялъ все кладбище, всю округу, — и я ярко почувствовалъ, что всѣ они еще живы, какъ этотъ вечерній свѣтъ за окнами кабинета, пробив-

шейся изъ тумана, и уже гаснущей. Завтра онъ снова будетъ, будетъ навѣрное. Не все же туманъ и дождь.

Эта встрѣча и земля моей родины, которую я такъ близко почувствовалъ въ этотъ вечерній часъ, живыя нѣдра которой неизсякаемы, дѣлаютъ меня болѣе сильнымъ. Я крѣпче держу перо. Слово — великая сила, дарованная земнымъ. Слово творящее — Слово-Богъ. Тихія овцы, кроткія, и тихій пастырь. Я почувствовалъ непорываемую связь съ моимъ давнимъ, съ духовно-вѣчнымъ, что несли въ жизни и передали намъ всѣ, укрывшіеся камнями и кустами по кладбищамъ. Слово — родной мой языкъ и мысль. Я такъ былъ счастливъ, и я понесъ эту примиряющую тишину — къ себѣ.

Да, я еще увижу его, пастыря. Онъ далъ мнѣ слово зайти на Праздникъ. Я ему предложилъ пять шиллинговъ. Онъ сказалъ:

— „А чѣмъ же я отработаю ихъ, добрый сэръ?“

И положилъ за чулокъ, покачивая головою. Завтра доставитъ ему почтальонъ фуфайку, куртку и башмаки. И онъ покачаетъ головой.

Все еще ощущая неуловимый запахъ нашихъ холмовъ и туманнаго неба, древнихъ камней церковныхъ, которые унесли меня въ колыбель народа; запахи стада, овечьяго сыра и пастуха, и непередаваемый ароматъ скорбныхъ словъ древняго гения, трепетныхъ и доселѣ, — я пишу вамъ отвѣтъ — привѣтъ.

Да, Вы, отчасти, правы. Много и грязи, и крови, и неправды въ жизни. Много, какъ пишете Вы, „парикмахеровъ, мясниковъ, шофферовъ и лакеевъ“. Да, лакеевъ. И въ политикѣ, и въ искусствѣ, и въ мысли-чувствѣ. Много кинематографовъ, — правы Вы. Кинематографовъ и шофферовъ. „Шофферы всюду, — въ вонючей кожѣ, въ вонючемъ маслѣ. Мчатъ они въ ревѣ-гуль, рвутъ чаевыя и „по-часамъ“, ведутъ машину тысячеглазую, тысячеротую, послушную, какъ рабы, и давятъ въ бѣгѣ своемъ живое, оставляя угарный слѣдъ. Сброситъ она порой, ударитъ въ камень, — и разбивается на куски“. Да, я знаю. И без-

мѣрную пошлость, и исполинское чванство, и всемірное второклассничество. Отъ кинема, отъ отравляющихъ Духъ „мовис“ получаемъ мы и политику, и мораль, и новеллы, и—науку даже; и мысли, и рѣчи, и жесты, — все бѣгло, смѣшно и плоско, и „пахнетъ въ мірѣ бензиномъ“, какъ пишете Вы, „и потѣшающимъ „Максомъ“, паяцемъ и шуллеромъ всѣхъ сортовъ. А чудесныя лиліи, рожденныя изъ Голгоуской Крови...“ Да, Вы, отчасти, правы. Взмыли моторы и на Голгоу и сбили Крестъ, подавили святыя лиліи. Да, забыто много прекраснаго, и кроткій голосъ изъ Геосиманскаго Сада смолкъ. Ушелъ въ Пустыню — рѣшать и думать?

Съ холмовъ я часто поглядываю въ туманъ. Что дальше? Да, Вы отчасти правы. Не забудьте только, что когда-то „гласъ вопіющаго въ пустынѣ приготавлилъ путь Господу“. Этотъ гласъ не смолкнетъ, пока живо Слово творящее. Мысль — тревожно ищущая. „Воззвалъ голосъ отъ Іордана“. Голоса будутъ. Голоса должны быть.

Больное Ваше... Я знаю родину Вашу, знаю ея великую литературу, и тревожную ея совѣсть знаю. И вѣрю, что сильная мысль и чувство еще могутъ дѣлать въ Европѣ то, что когда-то въ приорданской пустынѣ дѣлалъ Великій Духомъ. Въ прогрессъ челоѣчества я вѣрю и этой вѣрѣ не измѣню. Надо творить и будить. Надо дѣлать. Надо умѣть быть вождями и крѣпко вѣрить въ себя.

Я знаю теперъ и о „провалѣ“ нашемъ, и о крови, залившей жизнь. Вы намекаете, что и у насъ быть можетъ. Да, трещины и у насъ, какъ-будто, начинаютъ проглядывать. Быть можетъ „гангрена“ и къ намъ лапы свои протянетъ. Но у насъ слишкомъ много желѣзной воли и много любви къ культурѣ. Великая историческая судьба выковала нашъ характеръ. Подъ спудомъ — крѣпко хранимъ мы безцѣннѣйшую духовную культуру. А эта сила—упругая. И рыцари наши стоятъ на стражѣ.

А вы... Вамъ не хватало воли и цѣпкой любви къ культурѣ: слишкомъ легко пріобрѣли вы ее, усвоивъ. Она не проникла въ нѣдра. Вы слишкомъ мало ее цѣнили. Вы слишкомъ опрометчиво вѣрили, что она безконечно будетъ сыпаться вамъ, — культура тысячелѣтняя, которую вы въ

одинъ вѣкъ схватили. Мы ее вамъ ковали — мы ее для себя удержать сумѣемъ. Вы были слишкомъ самоуверенны, — отъ таланта? Вы слишкомъ смотрѣли въ дали и не умѣли, и не хотѣли видѣть, какія цѣнности возлѣ васъ. И когда пришелъ тать — не было у васъ стражи рыцарской, стражи въ латахъ. И тать расхитилъ и расточилъ. Ваши рабы — народъ — (о, рабы, конечно!) понятія не имѣли о богатствѣ. И самъ хозяинъ не зналъ, какая стража въ его владѣнιάхъ. Если бы зналъ хозяинъ... Но вы—простите, — хозяйева развѣ были? Мы — хозяйева, и мы — знаемъ. И намъ ничего не страшно.

Близятся праздники, и я сердечно желаю Вамъ... Конечно, вамъ не до праздниковъ. Но будемъ вѣрить. Быть можетъ, вы ближе насъ, европейцевъ, къ великому очищенію. Иногда мнѣ думается: быть можетъ, новые пути откроются вамъ на пепелищѣ. Чась добрый. Ибо вы — въ пламени. Правда, вы въ тяжелой грязи. Но грязь отмоется, а огонь выжжетъ язвы.

Уже темнѣетъ, и я поворачиваю выключатель. На черномъ потолкѣ, въ крестовинѣ дубовыхъ балокъ, вспыхиваетъ кованный, прапрадѣдовскій фонарь, въ которомъ когда-то горѣла свѣтильня въ козлиномъ салѣ; теперь, за мягкими стеклами теплится электричество, поданное за сотню миль. Но оковка та же. А у двери старый латникъ, хранящая оболочка предка, крѣпко держитъ въ желѣзной рукѣ копье; въ другой — желѣзный, давній-давній ночникъ-фонарикъ, съ которымъ ходили въ ненастной ночи. Фонарикъ, правда, помятъ, — въ ночныхъ набѣгахъ? — но еще крѣпокъ. Я его покрылъ лакомъ, и онъ послужитъ. Видите, какъ мы связаны. Да будетъ и у васъ такъ же.

Дружески Вашъ Джемсъ У. Гудъ.

II

Парижъ, 23 дек. 192... г.

Дорогой Мистеръ Гудъ,

... но не буду касаться этого. Слишкомъ больно. Да, новые пути будутъ. Сослаться на что могу? На внутрен-

нее мое. Да, вѣрую. Новые пути намъ должны открыться! И мы, именно мы, пережитымъ страданіемъ утвердимъ величайшую изъ всѣхъ цѣнностей человѣчества — образъ Бога Живого въ каждомъ, признаніе величайшей цѣны и величайшаго смысла-цѣли за душою человѣка. Мы, именно. Она, душа, ея внѣшнее проявленіе — личность, у насъ стерта съ грязью, смѣщена съ кровью, да. У насъ же она и вознесется. Именно — будетъ чудо. Величайшее чудо Преображенія! Черезъ огонь и грязь, великою жаждой чуда, пронесемъ мы нетлѣнное, что не только культурою добыто, а и выковано страданіемъ. Вы говорите о культурѣ, дорогой мистеръ Гудъ. Гдѣ же у васъ культура?! Пишете Вы „Исторію Возрожденія“... Вы должны ясно видѣть, что давно умерла культура. Культура — святое дерзаніе и порывъ, культура — трепетное исканіе въ восторгахъ вѣры, культура — продвиженіе къ Божеству! Гдѣ они?! Ушелъ изъ Европы Богъ, и умерла культура, и личная пленка цивилизаціи затягиваетъ „бродило“ покровомъ похороннымъ. „Гаснетъ воображеніе“, и послѣднія пѣсенки допѣвають дѣти! Ваши дѣти. И пастухъ Вашъ вѣчный, „мудрый отъ Неба и отъ земли“, истину Вамъ повѣдалъ, — ее онъ учуялъ сердцемъ. И Вы учуяли, но бодритесь. Отъ бывшихъ черпнуть хотите, — и радостно Вамъ „свиданье“ у осыпавшейся стѣны церковной. Томится Ваша душа, ибо „провалы“ чуется. А вѣчный пастухъ Вашъ видитъ. И говоритъ: „невѣрная стала жизнь, сэръ“.

Простите,—но не фонарями же, не латами вашихъ предковъ можете удержать живое! Какъ Вы ни покрывайте лакомъ, какъ ни храните по музеямъ,—ржавчина точить-точить. Сколько ни ходите на „свиданье“, — не почерпнете силы: она давно истаяла и переселилась въ вещи, въ удобные кабинеты, съ пустыми латниками, свѣтящими электричествомъ, въ бьющія на сто верстъ пушки, разрывающія на куски живое, въ ревъ и грозу толпъ черни, требующей удобныхъ кабинетовъ съ каминами и громомъ, неумолимо требующей и умѣющей обращаться съ пушкой; въ острую мысль, разлагающую все ядомъ, въ усталость тоски и скуки. Допингу требуете отъ... кладбища! Поздно, доро-

гой мистеръ Гудъ: не увидите скоро послѣдняго вѣчнаго пастуха: сойдетъ! И не помогутъ Вамъ (вамъ) „свиданія“.

Не хочу быть пророкомъ, и пусть еще долго свѣтитъ латникъ на „Исторію Возрожденія“. Да будетъ!

Исаія... — да, чудесно! Я будто вижу Вашего пастуха, кроткихъ овецъ и церковь, и озерки, и верескъ, и барбарисъ по плитамъ... Что за счастье — бродить по родной землѣ! Вы искали, и къ Вамъ подошелъ Господь въ образѣ мудраго пастуха въ пустынь. Этотъ пастухъ, котораго Вы назвали вѣчнымъ, — Вы угадали, — вѣчный! Богъ въ душѣ — пастухъ этотъ. Зачѣмъ ему шиллинги, фуфайка и сапоги съ курткой! „Милости хочу, а не жертвы“! Онъ ласки отъ Васъ хотѣлъ, радостной и братской души Вашей! Сокрушенія Вашего (у него есть свое) онъ хотѣлъ, Вашей тоски надъ жизнью. И получилъ, быть можетъ. И придетъ къ Вамъ на праздникъ, одинокій, одинъ оставшійся съ овцами, всѣхъ и все пережившій. Поплачьте съ нимъ, поднесите ему стаканчикъ грога, и онъ споетъ Вамъ чудесный гимнъ Рождеству, на грэмьенскомъ нарѣчій, и вспомнитъ чудесныя легенды, которыя освѣжали душу у Вашихъ предковъ. И, не находя словъ, — чему у овецъ научишься? — на прощанье скажетъ самое вѣрное: „невѣрная стала жизнь, добрый сэръ!“ Онъ знаетъ. Онъ все, вѣдь, знаетъ! Знаетъ, что больше двадцати лѣтъ не были Вы у церкви, у праха предковъ (простите, не въ осужденіе!), не тосковали по дѣтскимъ пѣсенкамъ, не знали, что отсвѣты Вашего прапрадѣда еще подрагиваютъ въ живыхъ путяхъ его глаза, что въ самомъ въ немъ еще живетъ — таится струившаяся въ „прорывы“ сила Вашихъ покойныхъ предковъ! Онъ зарядилъ Васъ бодростью... Да будетъ! Поднесите же ему стаканчикъ грога.

Исаія... Откройте Библию и читайте: Исаія. 2 гл., стихъ 6, и дальше, дальше... И старику-пастуху читайте. И скажетъ онъ, покачивая головой съ грога: „Народъ мой! вожди твои вводятъ тебя въ заблужденіе, и путь стезей твоихъ испортили... Горе душѣ ихъ! ибо сами на себя на-

влекаютъ зло“... Онъ чуетъ...—и кто знаетъ, не придетъ ли и онъ на судъ?! Случиться можетъ.

Вы прочли у Исаи? Наше ли это? Нѣтъ. Это не мы грѣшили. Европа это! „И посохъ и трость“—у ней отымутся. Она наслала на насъ—свое. Мы его быстро усвоили съ „культурой“. У насъ все быстро. И развалились быстро — отъ таланта! У насъ „проклятый провалъ“ — случайность, ураганъ, смерчъ, ибо народъ — младенецъ, да и „вожди“, если не плуты, младенцы тоже. Помойное стеклышко могутъ принять за солнце. У насъ система не прививается: мы же глядимъ по далямъ! Наносное, какъ отметки цивилизаций. Система — для Европы. А у насъ первое солнышко „побѣги“ выбьетъ, и козы ихъ не погложутъ. Но... не хочу касаться.

„Исторія Возрожденія“? Хорошо. Но какъ бы чудесно было, если бы Вы писали о Возрожденіи безъ кавычекъ! Но... близятся Праздники, ваши праздники, — и я не хочу словъ мрачныхъ.

Въ туманы ваши протягиваю я руку и говорю желанное: съ Новымъ Годомъ!

Мнѣ повелительно хочется отзвукъ души моей Вамъ послать, откликъ того нетлѣннаго, что еще осталось. Что насъ связало? Культура? Величайшее Слово связало насъ! Голось отъ Иордана. Камень насъ тотъ скрѣпилъ, на Которомъ цвѣла культура, пока не отвергли Его строители. Мы никогда не видали одинъ другого, можетъ быть не увидимъ вовсе. А бѣдо прожили вѣка вмѣстѣ. Я же такъ ясно вижу ваши холмы, и кабинетъ съ афганскимъ пышнымъ ковромъ, и черные перекресты балокъ, и латника, и башни налѣво, если покоситься въ окно, — сѣрыя башни въ туманной сѣткѣ. И цневатыхъ гусей, подтягивающихся съ канала къ фермѣ. И вялую луговъ зелень, — зиму въ Шотландіи. А я никогда тамъ не былъ. О, великое Слово-Мысль! Будто встрѣтились, мы случайно, на перепутьи гдѣ-то, на глухой станціи мѣтового перекрестка, въ метельную ночь жизни, не видя лица другъ друга. Мы перекинулись словомъ въ вѣтрѣ. И то одному слову, по вздоху даже, — почувствовали мы об, что не мелькнувшій это

случайный встрѣчный, а близкій-близкій, изъ одной Кошницы, — частица того огромнаго, чего не назовешь словомъ, что есть Божественная Душа, что изъ предвѣчнаго тянется къ жизни вѣчной. Человѣческое общеніе! И тотъ Вашъ вѣчный старикъ-пастухъ — и мой, и Вашъ братъ — навѣки.

О, если бы перенестись на ваши туманные холмы! Всѣ дни сидѣлъ бы я съ овцами подъ дождемъ и читалъ у церкви. И съ нами Богъ! Но у насъ украли эти холмы, и овецъ, и Великую Книгу! Я не въ силахъ больше...

Съ Новымъ Годомъ! Дней благодатныхъ, и да хранить Васъ Господь отъ потрясеній! Что могу бѣльшаго пожелать? Мы, рускіе, те перь бѣльшаго пожелать не можемъ. Все мы знаемъ, всего хлебнули. Знаемъ паденія въ бездну и растлѣнне Духа...

Я хотѣлъ бы перенестись въ вашу Старую Англію зачарованный еще съ дѣтства чудесными сказками незабвеннаго Диккенса. Я хотѣлъ бы услышать „свѣчка“, очаровательнаго „сверчка“ его, по которому жизнь тоскуеть. Я хотѣлъ бы вернуть тѣ слезы, которыми плачутъ чистые, только дѣти. И старенькіе колокола, и завыванье вѣтра въ пустомъ каминѣ, и гулы-шумы черныхъ деревьевъ за ночными окошками. Я хотѣлъ бы понять тинственное въ этихъ лохматыхъ „гнѣздахъ“ омель, французскаго „gui“, въ блѣдныхъ и рѣдкихъ ея листочкахъ и странномъ „жемчугѣ“, въ ея поблѣднѣвшей — отъ страха? — „клюквѣ“, въ ея „слезахъ“, которыми плачутъ бури! На дняхъ, я видѣлъ груди ея на рынкѣ. Хотѣлъ бы слушать, какъ поютъ и потрескиваютъ буковья дрова и уголь въ каминахъ и очагахъ, какъ поютъ въ дальнихъ церквахъ, плитами связанныхъ съ отшедшимъ, — псалмы и гимны и побѣдную пѣсню Рожденному, Свѣту Неизрѣченному.

Я не былъ въ Англіи никогда, но я... я вижу ее и знаю. Я даже слышу запахи ея праздника, дѣтской ея одежды! — И курящагося сними огоньками сладкаго „плюм-пуддинга“, пунша и гроа, и жаренаго гуся или, можетъ быть, индюка, — почему-то я гуся вижу! — и особенныхъ, на корницѣ и имбирѣ, сливяно-медовыхъ пряни-

ковъ, и длинныхъ конфетъ-ломучекъ, изъ сладкаго хрусталя, — не посоховъ ли пастушьихъ или лдяныхъ сосулекъ?—подающихся, будто, только на Рождество. И серебряныя звѣзды вижу, и горшки гарденіи на столъ—цвѣтка лордовъ, въ цвѣтахъ сладкихъ и нѣжныхъ, какъ свѣжія сливки, сливками пахнущихъ и лимономъ; и пироги со „счастьемъ“, на день Крещенья, — высокій даръ Короля.

Сколько чудеснаго! сколько — бы-ло! Отодвинулось оно въ глубь время, и только развѣ бѣдный рыбакъ далекаго побережья Minch'a да дровосѣкъ съ Грэмпиенскихъ Горъ еще возносятъ молитву за Короля, скрѣпляющаго народъ, какъ „ключъ“ въ сводѣ широко, — сурово скрестивши руки, и ѣдятъ за его здоровье и во благоденствіе всей страны пирогъ — „счастье“. Уплываетъ взлелѣянное вѣками творчество сердца, погасаетъ, тлѣетъ... Теперь „счастье“ хватаютъ на базарѣ съ ларя торговки и кричатъ — чорртъ! — нащупавъ зубами горошину или ржавый пенни. Ворчатъ, что прокисло тѣсто. Да, прокисло.

Есть ли еще по Англии старинныя молотки у дверей? стучать ли?... А колокола... смѣютъ ли еще играть раздольно? Здѣсь, въ Парижѣ, я не слышу кованый гласъ земли, къ небу поднявшейся земли-мѣди, изъ грязи вырванной человѣкомъ, запѣвшей подъ небесами! Съ колоколами покончено. Отзвонили. Зато лихо ревутъ „такси“. Но еще покупаютъ шоколадныя „сабо де Ноэль“, „crotte“ и зайчиковъ и ставятъ на столъ сахарное полѣно—„bûche“. Зачѣмъ? — забыли. Зато на Святый Вечеръ танцуютъ по ресторанамъ, покупаютъ на „ревейон“ кусокъ индюшки „aux truffes“, особенной индюшки — изъ телятины и крольчины. Но все еще продаютъ „вихорево гнѣздо“ — омелу. И все еще покупаютъ ее, уже не зная — зачѣмъ? И... — вѣрять хочутъ — вздыхаютъ. По чѣмъ? Но, все меньше вздыхаютъ... Ржавѣютъ замки у сердца.

Миѣ холодно... не согрѣваютъ меня каминныя. Каминныя эти вытягиваютъ тепло, послѣднее... Здѣсь не знаютъ нашей широкой и жаркой печи. Изъ чудеснаго кабинета, изъ-за зеркальныхъ стеколъ Вы любовно всматриваетесь въ туманъ и ловите успокоенной мыслью послѣдній при-

вѣтъ погасающаго за дождливими облаками солнца?.. Я чаще посматриваю къ Востоку. Я уже начинаю видѣть... Родина наша теперь въ снѣгахъ, морозы гулко палятъ изъ бревенъ, но стало бы такъ тепло, если бы заблудился я въ русскомъ метельномъ полѣ, въ широкомъ, раздольномъ полѣ!..

Но... вѣрить! вѣрить!!

Наши праздники — впереди, вдальѣкъ... — но я уже начинаю видѣть. Они придутъ. И хлынетъ тогда, бурно хлынетъ тогда въ души зовущія, въ души унылыя, въ души испепеленныя... — небывалымъ свѣтомъ и звонами такими, что радостныхъ слезъ нехватитъ встрѣчать Рожденье! Нехватитъ криковъ! Мы услышимъ колокола... свои. Они набираютъ силу. Мы найдемъ много мѣди, пѣвучей и новой мѣди. Она подремываетъ въ глуби. Она загудитъ-зазвенитъ подъ солнцемъ! Мы увидимъ звѣзды, наши звѣзды, съ неба спустившіяся на наши сосны, на наши ели, — въ снѣгахъ, сѣдя, уснувшія... — и наши лѣса проснутся. Мы увидимъ, услышимъ Праздникъ. Мы должны увидѣть. Наши снѣга загорятся... сами снѣга загорятся и запоютъ! Лѣды растопятся и заплещутъ, — и вольный разливъ весенній, Великое Половодье Русское, смоетъ всю грязь въ моря.

Весна... Знаете ли Вы весеннія пѣсни наши? Мало ихъ знаютъ по Европѣ. Знаютъ весну лишь сѣверные народы, — чудесное Воскресеніе изъ мертвыхъ! Она проснется, новая Весна наша, Снѣгурка наша, потянется голубымъ паромъ въ небо, озолотится въ солнцѣ... разбудитъ сладостную тоску по счастью. Шумятъ подземные ключи, роютъ, роютъ... Мы обрѣтемъ ее, ускользящую Снѣгурку нашу, мечту нашу! Мы ее вспомнимъ-встрѣтимъ и обовьемъ желаньемъ!.. И снова, снова — откроются передъ нами дали, туманныя, пусть обманныя, наши дали. Дали родили насъ. Наши снѣга, плывущіе по веснѣ, зовутъ за собою — въ дали.

Сломаны наши связи, святыя могилы взрыты, обшарены... Прошлое наше, исполненное чудесъ, кинуту на базаръ, расхватывается чужими. Не найду, никогда не найду,

быть можетъ, милыхъ, старыхъ фонариковъ моихъ дѣдовъ, тихихъ кадилницъ, ржавыхъ мечей и копій, русскихъ кольчугъ и шлемовъ, гдѣ кровь потонула въ ржавчинѣ, кровь святая и гордая, кропившая города и поля Россіи... Не найду, должно быть, уцѣлѣвшей стѣны церковной... Вы, быть можетъ, увидите наши святые осколки-крохи по музеямъ вашимъ, по магазинамъ и витринамъ. Пустыми, нѣмыми будутъ они для Васъ. Но вѣчные пастухи наши живы и умереть не могутъ. Они не читаютъ Библии. Ихъ руки еще не доплели лаптя. Но они то же, вѣчное, держатъ въ сердцѣ. Вѣчное, въ нашихъ поляхъ убогихъ, въ нашемъ спокойномъ небѣ. Молодое оно у насъ, и, нищіе духомъ, мы съ вѣрой на него смотримъ. Наши глаза широки, теперь широки: слишкомъ много увидѣли глаза наши. Наши глаза глубоки, теперь глубоко необычайно: страшное погрузили они въ себя.

Великій Крестъ стоитъ на равнинѣ русской. Наша Душа на немъ распята, Духъ пригвожденъ народа. И не разумѣетъ сего Европа! Слушай: шумятъ при дверяхъ оружіемъ! Спать твои рыцари по гробницамъ: некому сторожить богатства. Ржавые латы ихъ украшаютъ музеи и салоны. Тоскуетъ земля по рыцарямъ, но не разумѣетъ сего Европа. Петры Амьенскіе не придутъ... тернии и волчцы заполняютъ виноградникъ, и Вы, лоза плодоносная, не дадите вина и одного „бата“, — скоро никакого „Возрожденія“ не будетъ никому нужно. Вино подаютъ на Праздникъ. Что за праздники въ пестрыхъ дняхъ?! Колокола звѣщаютъ Праздникъ... Гдѣ же ваши „колокола“?! Не видитъ сего Европа! Видитъ и разумѣетъ Тотъ — Онъ же всѣ сроки знаетъ. Уже лопата въ рукахъ Его... — вѣять, только подуетъ вѣтеръ.

Вы улыбаются, вижу это. Но это же мой голосъ, неумолчный, — его не измѣришь мѣркой, не покроешь числомъ и фактомъ. Такъ я вѣрую, такъ я вѣрю. И, нищая духомъ, затерзанная, замызганная, загаженная, бродяжная, стодорожная, калика-перехожая, познаетъ Россія свое, цѣннѣйшее, что въ нѣдрахъ духа ея сокрыто, что не предалось духу тьмы, что выстрадано въ борьбѣ, что выпла-

кано въ слезахъ безсилья. Съ холмовъ родины, изъ тумановъ, Вы посылаете мнѣ слово Пророка — образъ грядущаго — Судь Его. Вѣрю, что будетъ Судь. Я, съ чужбины, посылаю Вамъ „судьбы наши“:

„Возстань, свѣтись, Іерусалимъ, ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня взошла надъ тобою. Ибо вотъ, тьма покроеть землю, и мракъ — народы, а надъ тобою возсіяетъ Господь... Возведи очи твои и посмотри вокругъ: всѣ они собираются, идутъ къ тебѣ; сыновья твои издалёка идутъ и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ... Кто это летятъ, какъ облака, и какъ голуби — къ голубятнямъ своимъ? ... (Исаія, гл. 60).

Да будетъ надъ всѣми Солнце и не погаснетъ во вѣкъ!

Мой братскій привѣтъ примите.

Душевно Вашъ N. N.

Парижъ, мартъ 1924 г.

ЖУРАВЛИ

I

• То, что случилось съ Алей, — что она рѣшила, какъ надо дѣйствовать, — случилось не вдругъ.

Первое время за границей она чувствовала себя сравнительно спокойно: новыя впечатлѣнія, увѣренность, что такъ — долго не можетъ продолжаться, и весь міръ, наконецъ, пойметъ; надежда, что на ея розыски въ газетахъ придетъ письмо, и папа окажется въ Америкѣ, а Миша и Ляликъ гдѣ-нибудь на Кавказѣ, и вдругъ явятся къ ней въ Парижъ. Подобные случаи бывали. Но годы проходили, а чуда не случилось.

Аля служила машинисткой, ходила по вечерамъ въ Сорбонну, много читала о Россіи, слушала на собраніяхъ, какъ изъ года въ годъ политики убѣжденно развивали, что такое произошло, и почему это произошло, и какъ къ этому надо относиться: принимать ли революцію — или не принимать, бороться съ большевиками — или не бороться, а подождать, когда сами они измѣнятся, или Россія сама ихъ сброситъ. Алю удручало, что серьезные, какъ-будто, люди высмѣиваютъ другъ друга, кипятъ и спорятъ, а рѣшить ничего не могутъ. Она возмущалась и горѣла, теряла вѣру въ дѣятелей, но наружно была спокойна. А жизнь шла и шла. Обзаводились семьями, устраивались на землю, примирались съ мыслью, что ничего не подѣлаешь, жить надо. Умирили. Кое-кто уѣхали въ Россію, и, кажется, погибли. Иные поженились на иностранкахъ, иные

перемѣнили подданство. Тотъ нанялся въ легіонеры, тотъ уѣхалъ въ Бразилію. Единственно близкій человѣкъ, товарищъ отца, полковникъ Тиньковъ съ сыномъ — капитаномъ, скопивъ на заводѣ нѣсколько тысячъ франковъ, сняли ферму подъ Пиренеями. Это было большимъ ударомъ: обрывалась послѣдняя нить, связывавшая Алю съ прошлымъ. Полковникъ Тиньковъ, „дядичка“, вѣрившій непреклонно, какъ и она, что „все это скоро кончится“, какъ-будто махнулъ рукой: больше уже ждать нечего, и надо устраиваться прочно. Аля спрашивала себя, не потому ли такъ ее подавляетъ это, что Митя Тиньковъ, который за ней ухаживалъ, и она ему отказала, увезъ съ собой всякую надежду, что жизнь ея можетъ измѣниться? Нѣтъ, — отвѣчала она себѣ, — вовсе не потому: а потому, что они, люди, безусловно, сильные, вѣрившіе, что „скоро кончится“, укрѣпляли ея надежды, а теперь перестали вѣрить.

Аля прекрасно могла устроиться. Гдѣ бы она ни появлялась, она видѣла исключительное къ себѣ вниманіе. Стройная, синеглазая шатѣнка, съ томно-глубокимъ взглядомъ, загоравшимся вдругъ игрой, лаской и тайной силой, въ которой мужчины видятъ что-то, ихъ покорившее, сильная, двадцатилѣтняя дѣвушка, съ чудесными волосами, которые она ни за что не хотѣла рѣзать, она вызывала восхищеніе. Французы говорили о ней — *princesse!* Ее приглашали въ синема на роли и обѣщали славу, въ первоклассные модные дома — „картинкой“, соблазняли выступить въ кабарэ, „гдѣ только одни американцы“. Она выгнала отъ себя посредницу, предложившую ей милліонера. Въ конторѣ, гдѣ она служила, влюбился въ нее французъ-хозяинъ, сталъ набавлять ей жалованья, писалъ любовныя письма, въ которыхъ клялся, что „все положить къ ея ногамъ“. Помня обѣтъ, данный еще въ Галлиполи, — „пока не узнаю все“, — она разумѣла отца, брата и Лялика, — „не позволю себѣ и думать о личномъ счастьѣ!“ — она одолѣла колебанія. Выйти замужъ и жить въ довольствѣ, когда „походъ продолжается“, было бы съ ея стороны измѣной! Такъ она думала — такъ и вела себя. Изъ конторы она ушла и поступила чтицей въ католическую

семью, къ почтенной дамѣ, которая называла ее — „дитя мое“ и платила ей триста франковъ на всемъ готовомъ.

Строгая къ себѣ, она не прощала и другимъ. Ее называли непримиримой и весталкой. Иные ея боялись: она была слишкомъ прямой, послѣднее время даже рѣзкой. На одномъ собраніи она не выдержала и крикнула: „А ваши бомбы?!.. Или — ваша задача выполнена?..“ Докладчикъ отвѣтилъ съ пафосомъ: — „Я почтительно склоняюсь передъ вашимъ „святымъ горѣніемъ“, но... вѣдь патента на бомбы не выдается!.. „Вожди“ и „кадры“, пишутъ въ иныхъ газетахъ, еще имѣются?...“ Она не спала всю ночь. Смѣются еще смѣяться!..

Она перечитала, что только могла найти, о революціонномъ террорѣ былыхъ временъ, и ее поразила изступленность, какой-то религіозный пафосъ: „нашъ святой подвигъ“, „нашъ священный долгъ“, „высокое счастье отдать себя“, „во имя величайшей изъ святыхъ надо умѣть перешагнуть даже черезъ трупы близкихъ, переступить порогъ“... — эти фразы ей прожигали душу. Вычитанное изъ Михайловскаго — „Гроньяра“ — къ народовольцамъ: „борцы этого періода поднимали нашу жизнь чуть не до уровня первыхъ христіанъ“, или „терроръ въ 70-хъ годахъ не передѣлал, а не додѣлал“, — поражали ее кощунствомъ. Тогда — молились, почему же теперь — спокойствіе! Милліоны умученныхъ изъ ихъ же „святыхъ“, изъ народа... все святое осквернено, самое даже имя народа стерто, и... „эволюція“!?!.. Фальшь какая!..

Аля спрашивала себя: „А ты, могла бы? Вонъ, Дора Бриллиантъ требовала: „дайте мнѣ бомбу, я хочу быть метальщикомъ, я не могу принять меньшей отвѣтственности... я хочу переступить порогъ!“ А ты?.. Тѣ, когда была, дѣйствительно, эволюція, вѣрили только въ терроръ. Теперь, когда только терроръ, убѣждаютъ повѣрить въ „эволюцію“... Фальшь какая!..“

Она прочитала Ленотра о Шарлоттѣ Кордэ, прочитала исторію Юдиои, „Есѳиръ“...

„А ты... не сможешь?!..“ — спрашивала она себя.

Перечитала „Порогъ“ Тургенева, — стихотвореніе въ прозѣ, восторженно принятое когда-то русской интеллигенціей.

„Святая“!.. Переступила порогъ. Тогда — „святая“! А теперь? Почему такъ — теперь!..“

„А ты, русская... не можешь?..“

Аля не отвѣчала себѣ, не знала.

Она была подлинно русская, изъ старой семьи военныхъ. Ея пращуръ, стрѣлецъ-бунтарь, помилованъ былъ Петромъ за дерзость.

„Съ петлей на шеѣ, встрѣтился онъ съ Царемъ глазами!“ — не разъ страстно рассказывалъ ей отецъ. — „Спросилъ Царь: — „Бунтовалъ супротивъ Меня?“ — „Бунтовалъ, Государь“! — сказалъ и не опустилъ глазъ. Такъ и впились другъ въ друга. — „Висѣлицы боишься?“ — спросилъ опять Царь и показалъ плетью на перекладки, гдѣ качались. — „Не боюсь, Государь!“ — сказалъ стрѣлецъ: — „Хаживалъ я за смертью. За Тебя боюсь!“ — „А почто за Меня боишься?“ — усмѣхнулся жестоко Царь. — „Насъ сказнишь, кого подъ Тобой оставишь, тишихъ? Съ тишихъ, какой же Тебѣ прибытокъ! вонъ Ты какой шумной! Шумные Тебѣ нужны!“ Влипъ въ него Царь глазами, а тотъ не сдаетъ, какъ соколъ на солнце смотритъ! — „Добро“, — сказалъ Царь, — „правдой Мнѣ служить будешь?“ — „Такому буду“. — „Добро“, — сказалъ опять Царь, — „живи, шумной! служи меньшей Старшому, а пуще Его — Матери служи, Россіи!“ И собственной рукой царской снялъ съ шеи его удавку. Пушкирнаго строя урядника повелѣлъ писать въ царскую свою охрану, Ивана Соколъ-Стрѣльцова! И сложилъ Иванъ Соколъ за Государя и Россію голову въ славный Полтавскій бой, — „у Царева боку, у правой Его руки, швецкая пуля сразила въ сердце!“

Картинка Сурикова висѣла у нихъ въ Лоховѣ. Помнила ее съ дѣтства Аля, любила искать „Сокола“. Показывалъ ей отецъ: — „Всѣ — Сокола, всѣ — наши!“

II

Два событія укрѣпили Алю.

Зимой неожиданно пріѣхалъ Митя, привезъ золотой мимозы. Былъ онъ какой-то новый. „Жесткое что-то въ немъ“, — опредѣлила Аля, — „помолодѣлъ, загорѣлъ, сбрилъ усы... похожъ на англійскаго спортсмена... но что-то въ немъ, странное что-то, жесткое?..“ Онъ посидѣлъ недолго. Сказалъ, морщась: — „Нѣтъ, довольно. Кролики, клеверъ... все это чепуха. Вотъ что, Аля... только никому не говорите. Прощайте, ѣду туда... папа знаетъ“. И поглядѣлъ на нее прощально-нѣжно. — „Не думайте, что я это... отъ разочарованія, вы понимаете... что я хочу сказать. Личное... конечно, сейчасъ не время. Надо продолжать“.

Аля почувствовала, какъ у ней упало сердце. Она озарила его глазами, взяла его руку и поцѣловала молча. Онъ дотога растерялся, что не успѣлъ отнять руку.

— Дайте, я перекрещу васъ, Митя... — сказала она сквозь слезы.

Онъ глядѣлъ на нее съ печалью и восторгомъ. Нѣжно поцѣловалъ ей руку, пошелъ [къ окну, посвисталъ тихо...

— Сегодня ѣду. Иногда, вспомните?.. — сдержанно сказалъ онъ.

— Да, да... — сказала она, не соображая, — непременно... Разстались они свято и нерѣшительно.

Когда онъ ушелъ, Аля прислонилась къ оконному косяку и все читала на той сторонѣ, сквозь слезы: „vins café liquers... vins café liquers...“

Когда мимозы засохли, она поставила ихъ къ иконѣ. Стала за него молиться.

Въ апрѣлѣ, когда продавали на улицахъ фіалки, пришло отъ него условленное письмо: „помаленьку торгую, барышей нѣтъ“. Значило это, что все благополучно, о нихъ узнать ничего не могъ.

Второе событіе потрясло ее.

Въ октябрѣ прочитала она въ газетахъ, что „приговоренъ къ разстрѣлу за связь съ врагами совѣтовъ земскій

докторъ, бывший дворянинъ Семень Николаевичъ Кротковъ, 65 лѣтъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе“.

Аля сначала не поняла, не вѣрила. Потомъ поняла и помертвѣла. Вотъ почему уже полгода не писалъ онъ ей. Только онъ еще оставался въ Лоховѣ, наводилъ справки о пропавшихъ. Если кто изъ нихъ живъ еще и гдѣ-то еще скрывается, могъ бы дать знать о себѣ вѣрному человѣку, доктору. И вотъ, и его убили!..

Вспомнила Аля мартовскую метель, когда постучались къ нимъ два солдата и напугали... и такъ обрадовали! Бѣдные мальчики, съ ввалившимися, измученными глазами, заросшіе, постарѣвшіе, въ солдатскихъ изодранныхъ шинеляхъ, въ разбитыхъ сапогахъ, обмерзшіе и больные. Они пробирались къ югу. Остался въ ея сердцѣ шопоть замерзшихъ губъ, чуть слышныя слова брата: „зашли проститься...“ — и его лихорадочные глаза, и какіе то виноватые, печальные глаза Лялика. Вспомнился жуткій мѣсяць, когда день начинался страхомъ, кончался страхомъ, когда они трое, на темномъ хуторѣ, прислушивались къ лѣсному гулу, и браунинги лежали тутъ же. Жуткія ночи бреда, когда она терялась, не зная — что же?.. — а они лежали, безпомощные оба, — Миша въ возвратномъ тифѣ, а у Лялика загнивала рана.

Вспомнила Аля, какъ пробиралась лѣсомъ, въ снѣгу овраговъ, путалась въ темнотѣ, забывъ о волкахъ, которые бродили по округѣ, вела удивительнаго человѣка, святого человѣка, мученика, Семена Николаевича. Два раза въ недѣлю, подъ страхомъ смерти, брелъ за ней старикъ-докторъ, подбадривалъ. Свѣтлое вспомнила Аля — въ страшномъ.

Миша оправился, рана у Лялика закрылась.

— Черезъ недѣльку можно и отлетать! — сказалъ на прощанье докторъ, обнялъ и поцѣловалъ обоихъ. — Летите, братики... за Россію!

И заплакалъ.

Роняя слезы въ невидный снѣгъ, въ послѣдній разъ вела Аля доктора изъ лѣса. Въ оврагахъ кой-гдѣ уже сочилось, мокло.

— А-ты, сапоги плохіе... — вздохнулъ докторъ, — ботики не надѣлъ!

— Ноги промочили... бѣдный!.. — пожалѣла Аля, нашла въ темнотѣ его руку и поцѣловала страстно.

— А плакать-то зачѣмъ? Слезки горячія какія... соленыя! — причмокнулъ шутливо докторъ и пріостановился передохнуть. — А-ты, моя хорошая! А знаешь... придетъ время, и кто изъ насъ выживетъ... обернется на наше прошлое и вспомнитъ свѣтлое! Такъ только и познаются люди.. Промочилъ ноги... тычемся съ тобой въ темнотѣ... но за всю мою практику, за двадцать восемь лѣтъ работы по уѣздамъ, я не вспомню такого въ душѣ... такого свѣта! Словно кто-то меня прощаетъ... Да, хорошая моя, Алечка... Я, позитивистъ, сорокъ лѣтъ въ церкви не былъ, — и вотъ чувствую свѣтъ въ этой ужасной тьмѣ! Чувствую, какая можетъ быть, какая есть тьма! Теперь только чувствую. И съ болью вижу, за что родная наша, славная, бѣдная наша... и ни въ чемъ неповинная наша молодежь... такъ отдаетъ себя!.. такъ страдаетъ!.. Вотъ, затравленные, измученные, израненные, въ лѣсу, больные... и вотъ, идутъ! За наши вѣдь преступленія!.. за правду, которую мы такъ подло прогладѣли, проболтали... Можетъ быть, для меня это, эти путинки въ лѣсу съ тобой... легче мнѣ отъ нихъ стало!.. какъ покаяніе мнѣ... можетъ быть, и прощеніе?.. Да нѣтъ, прощенія быть не можетъ...

Помнила Аля, какъ докторъ уткнулся въ елку и всхлипывалъ.

— А-ты, что за подлые нервы стали! Ну, пойдѣмъ, моя хорошая...

И вотъ, убили его.

И еще Аля вспомнила — мечтательные глаза Лялика и свѣтлое, стыдливое его чувство къ ней, вылившееся такъ робко-нѣжно, когда они сидѣли въ вечернемъ лѣсу, въ капели, на иззяномъ порожкѣ. На льдистомъ, уже синѣвшемъ снѣгу поляны лежали оранжевыя и лиловыя полосы заката, и привыкшіе къ нимъ снѣгирики прыгали у ихъ ногъ. Миша кололъ дрова и приговаривалъ въ звонкомъ, мо-

розномъ трескъ... — „хороша береза, ло-ховскал! эхъ, послѣднія доколю!“

Ляликъ сказалъ, вздыхая:

— Завтра уходимъ...

И поднялъ каріе ласковые глаза, горячіе, въ влажномъ блескѣ, къ зеленоватому холодѣющему небу, къ голымъ березовымъ верхушкамъ, гдѣ еще багровѣло свѣтомъ.

— Можетъ быть, и не встрѣтимся больше съ вами. Аля?..

— Нѣтъ, мы должны встрѣтиться, Ляликъ! — сказала горячо Аля, качая его руку.

— Должны? Вы думаете... — смущенно-радостно сказалъ Ляликъ. — Да, хорошо бы было. Помните, писали Мишѣ на фронтъ... — „скажи твоему Лялику, мнѣ его лицо очень нравится, онъ славный...“? И потомъ... — „если онъ захочетъ, я буду ему за „крестную“! Вы помните?..

— Да, помню, — сказала Аля.

— Вотъ и пришлось вамъ быть „крестной“, перевязывали меня, кормили. Знаете... будьте моей сестрой, названной!? Я былъ бы о-чень счастливъ!..

И Аля — это ей показалось нужнымъ и очень важнымъ, — сказала тихо:

— Да. Я буду вашей сестрой, названной.

И опять взяла его руку и покачала нѣжно.

— Теперь я о-чень, очень счастливъ! — радостно прошепталъ Ляликъ. — Весело я теперь пойду! У меня никого вѣдь, отчимъ одинъ въ Орлѣ. А университета теперь, пожалуй, и не увидишь... Два года оставалось!

— Вы на какомъ были?

— Я избралъ астрономію...

И поглядѣлъ на небо. Но звѣзды еще не выходили.

Въ десять часовъ Аля пришла къ соснѣ на поворотѣ, у края лѣса. Лоховскій Акимъ — солдатъ, другъ дѣтства, уже поджидалъ съ санями. Подъ широкой, приземистой сосной едва чернѣлось.

— Сейчасъ и кавалеры подойдутъ, было шумокъ слыхать! — бодро сказалъ Акимъ. — Эхъ, барышня... женатый я сталъ, а то бы и самъ ушелъ отъ этого безобразія!..

Чаленькаго вотъ отымать грозятся, равень у всѣхъ чтобы. Вотъ тебѣ и на!... Ну, это погоди... даромъ, что ли, служилъ въ солдатахъ, раны испыталь?..

Подошли, съ мѣшками. Попрощались... И вотъ, донесло далекій звенящій шумъ, словно сыпалось гдѣ за лѣсомъ сухими палками.

— Журавли!?! — сторожко сказалъ Акимъ. — Какъ разъ на проводы.

Стало слышно курлыканье, вскрики тревоги и восторга, зовущіе за собой сполохомъ. Отъ этого крика въ небѣ, отъ шума несущей силы, у Али заныло сердце острой тоской по чѣмъ-то, тревогой и восторгомъ. На густой синевѣ, на звѣздахъ, зыбилась и звучала чужая лишь въ крикахъ стая. Ушла, затихло.

— Вали съ Богомъ! — сказалъ Акимъ. — Съ журавлями, это хорошо.

Хрупнули по снѣжку полозья, окликъ изъ темноты — „маму поцѣлуй!“ — и все. Осталось въ глазахъ мерцанье, кряжистая черная сосна, воздушныя, въ инеѣ, березы на полянѣ, мерцающія дымно, при свѣтѣ звѣздъ.

Вѣсть о разстрѣлѣ скрѣпила уже готовое. Но какъ все будетъ? Путей у Али не было никакихъ. Да вѣдь только начало надо... остальное все — въ ней самой?

Рѣшая и не рѣшая, бросивъ свои дѣла, Аля выѣхала на ферму, въ Шато де Бургонь, гдѣ-то подъ Пиренеями.

III

Алѣ приснился сонъ.

Будто она у себя въ Лоховѣ, сидитъ одна въ опустѣвшей залѣ и горько плачетъ: пьяные, наглые солдаты и мужики потащили сейчасъ куда-то ея рояль. Въ залѣ очень свѣтло и холодно, въ раскрытыя окна дуетъ, и виденъ голый, засыпанный снѣгомъ садъ. Тамъ орутъ и трещать кустами, — какъ-будто, ищутъ Мишу и Лялика. А они пріѣхали съ фронта, пьютъ чай въ столовой и совѣтъмъ ничего не знаютъ. Надо сейчасъ же предупредить ихъ, а она не можетъ ни двинуться, ни крикнуть. Вдругъ

входитъ отвратительный человѣкъ, долговязый лоховскій учитель Пукинъ, похожій на удава. Аля въ безумномъ ужасѣ, но спастись отъ него нельзя. Онъ мягко подпрыгиваетъ въ валенкахъ, разматываетъ на шеѣ свой грязный шарфъ, присаживается къ ней такъ тѣсно, что прижимаетъ ее плечомъ, разваливаетъ ужасныя свои ноги въ валенкахъ, сдавливая ей пальцы костлявой и липкой лапой и, обдавая табачной гнилью, говоритъ глухо, чахоточнымъ, пустымъ, голосомъ: „Что, Александра Вадимовна?... Вы меня всегда презирали и называли не иначе, какъ „какой-то учительшка, Пу-кинъ!“?... А вотъ теперь я здѣсь самый пер-вый... товарищъ Пушкинъ!... И вотъ реквизируль у васъ рояль... и все могу отобрать, до нитки, а васъ выгоню на морозъ! Вотъ захочу сейчасъ—и арестую Мишу и вашего жениха Лялика!... Отъ васъ зависитъ... станьте моею любовницей!...“ Тянетъ къ себѣ и хочетъ ее обнять. Аля вырывается отъ него и бѣжитъ къ дверямъ, чтобы позвать на помощь, но учитель страшно топчетъ валенками и сейчасъ выстрѣлитъ... Она закрывается отъ него, топчется у дверей и кричитъ въ ужасѣ...

Проснувшись, Аля слышала, какъ кричала, и никакъ не могла понять, — что это?... Какія-то бѣловатыя полоски. Сердце стучало, до удушья. Гукнулъ, какъ-будто, автомобиль, гдѣ-то говорили по-французски... — и ее охватила радость, что это сонъ, и съ ней ничего не будетъ. Бѣловатыя полоски—это ставни, разговариваетъ горничная въ коридорѣ, убираетъ... она—въ отелѣ, въ тихомъ городкѣ, у океана, вчера пріѣхала изъ Парижа и сегодня поѣдетъ въ Шато дэ Бургонъ, пятнадцать километровъ отъ городка, на ферму „Пуркуа-Па?“, къ милому „дядичкѣ“, послѣд-нему, кто у ней остался... все ему объяснить, все, все... — и пусть онъ ее благословить!

„Господи, какой ужасъ...“ — думала про сонъ Аля. — „Но дочего все ярко, кустики даже подъ окномъ, и милья трещинки на полу... и даже полоска на стѣнѣ, гдѣ стоялъ рояль, и снѣгъ!...“

Все встало передъ ней такъ живо, и такъ стало

больно и жаль всего, что она закрылась одѣяломъ и зарыдала.

Въ коридорѣ гремѣли чашками, пора вставать. Автобусъ уходилъ въ 9. Струились бѣловатыя полоски въ ставняхъ, — отъ солнца за обнажавшимися платанами, отъ вѣтра.

„Но какъ же это я... если даже во снѣ такъ страшно?“ — подумала о своемъ Аля. — „Но это во снѣ всегда, когда воля теряется. Господи, дай мнѣ силъ!“

И она стала одѣваться.

Въ церкви, за мэріей, звонили по-деревенски, часто, — совсѣмъ какъ въ Лоховѣ.

Такъ она и подумала вчера, когда ее подвезли къ отелю, и сразу здѣсь ей понравилось. Въ тупичкѣ темнѣла старыми мшистыми стѣнами церковь, съ георгинами и какими-то золотистыми цвѣтами въ садикѣ. Старушки въ черномъ шли вперевалочку къ вечернѣ. Спали подъ платанами собаки, въ мэріи кто-то игралъ на флейтѣ, грустно. Автобусъ шелъ только завтра, и это было пріятно Аля: она никогда не видала океана. Оставивъ въ отелѣ чемоданчикъ, она пробѣжалась по городку, уснувшему съ окончаніемъ сезона. Всѣ на нее смотрѣли, какъ въ уѣздѣ. Играли ребятишки въ обручъ, кубарики гоняли, старухи вязали на крылечкахъ, ходили куры, почитывали старички газеты, — и славно звонили въ церкви.

День былъ тихій и облачный, душный даже, хотъ и октябрь, какъ бываетъ въ этихъ мѣстахъ, у океана. За городкомъ начинался лѣсъ, — пески да сосны, какъ въ Лоховѣ. Сумрачный человѣкъ, съ топорикомъ на палкѣ, указалъ ей дорогу къ океану — лѣсомъ, прямо на *тег souvage*. Аля увидала сосны, залитыя смолой, въ плывущихъ ранахъ. Это были другія сосны, не розоватыя, какъ у насъ, въ золотисто-воздушныхъ пленкахъ, а угрюмыя сосны ландъ, терзаемая вѣчно скобелями. Но воздухъ былъ тотъ же, крѣпкій. И та же глушь. И звонкіе пѣтухи за лѣсомъ. Поросшіе соснякомъ холмы были совсѣмъ какъ въ Лоховѣ, если итти на хуторъ, — только березъ не видно.

Алѣ вспомнилось, какъ стояла она въ снѣгу, въ оврагѣ, и Семень Николаевичъ, бѣдный... какъ онъ плакалъ!.. И никого, никого теперь!..

Накатывало гуломъ. Океанъ?..

Она увидала у дорожки — рыжикъ! Такой же, розоватый, оранжевая бахромка снизу, и тотъ же запахъ! Она поцѣловала рыжикъ и спрятала въ сумочку — милый привѣтъ Россіи.

Песчаные, голые холмы. За ними—океанъ, бездумный, смутный отъ облаковъ.

Онъ вдругъ открылся изъ-за бугра, огромный, — всей своей пустотой открылся, — и она почувствовала себя потерянной. Тяжелый, сонный, плескалъ онъ глухо по берегамъ.

Тяжелъ океанъ для одинокаго. Его безбрежность, бездумное его качанье — давятъ душу незащищенную. Не умолкая, мѣрно, шумить, шумить, — одно и одно, всегда.

Долго она смотрѣла. И вотъ, безпредѣлье и пустота — сжали ее тоской. Она поглядѣла къ небу. Сѣрая пелена давила.

„Такая тоска... Го-споди!...“ — шептала она, теряясь. — „Вѣчная, слѣпая сила... Господи, есть же Ты?!...“

Замерцало въ глазахъ, и закружилось. Она быстро пошла отъ океана, слыша за собой шумъ, бездумный, темный.

Вечеръ она просидѣла въ номерѣ, смотрѣла на желтые платаны, какъ опадали листья. Зажглись фонарики, у мэрїи затрубили въ трубы: какой-то праздникъ. Крѣпко играли марсельезу. Потомъ очень скучно танцевали, пускали фейерверкъ. Въ трескѣ огня и трубъ чудились Алѣ писки какихъ-то птичекъ. И она увидала птичекъ: онѣ метались надъ площадью, прыгали по вѣтвямъ платановъ, тыкались сослѣпу въ балкончикъ, испуганныя трескомъ. Ихъ было множество — всякихъ, мелкихъ. Влетѣла одна въ окошко, куда-то ткнулась. Аля зажгла огонь. На спинкѣ кресла птичка держалась коготками, прижалась грудкой. Аля признала коноплянку-зеленушку. Нѣжно сняла, пригрѣла.

— Милая конопляночка, откуда?..

Не мигая, смотрѣла черными бусинками птичка. Задремала. Аля посадила ее подъ шляпку.

Огни погасли, кончился день у океана.

Проснувшись послѣ кошмара, Аля остро почувствовала безмѣрность своей утраты, — почувствовала затерянность, какъ было вчера у океана. Вспомнила, что тамъ Митя, что сегодня увидить „дядичку“...

„Нѣтъ, надо быть сильной, надо вѣрить!...“ — внушала она себѣ. — „Не слѣпая сила... нѣтъ, есть Господь... и все въ лонѣ Господа! живое, вѣчное, а не пустота... Духъ Божій надъ бездною!... Надо итти къ Правдѣ, искать Его!...“

Вспомнила про ночную гостью, вынула осторожно, поцѣловала и пустила. Утро было чудесное. Щебетомъ, пискомъ, свистомъ несло съ платановъ. Откуда столько! Горничная ей сказала, что въ эту пору всегда ихъ много, — летять черезъ это мѣсто, на Пиренеи, къ югу.

— У насъ милліонами ихъ ловять! Ъдятъ, вкусныя.

Бѣдная конопляночка!..

Въ девять часовъ Аля выѣхала изъ тихаго городка на Шато дѣ Бургонь, лѣсной дорогой, совсѣмъ спокойная.

IV

Отъ Шато дѣ Бургонь до „Пуркуа-Па?“ — какъ называлась ферма, — два километра Аля прошла пѣшкомъ. Въ перелѣсьяхъ сидѣли фермочки: домики, винограднички, коврики клевера, гривки засохшаго маиса, ниточки золотистаго патата, кучки розовыхъ тыквъ по дворикамъ. Дымились въ садикахъ костерки бурьяна. Тащили въ ящикахъ навозъ ослики. Хрюкали по закуткамъ свинки. Старички пилили дровишки на зиму. Все было пригнано, прибрано, поджато. И всюду перелетали птички. „Неужели и дядичка такой же?“ — думала грустно Аля, приглядываясь къ копавшимъ въ огородахъ: — „Полковникъ-артиллеристъ, специалистъ по баллистикѣ, создавшій свою теорію „дальнобойной пушки“! И ферма — „Пуркуа-Па?“!...“

Алѣ сейчасъ же указали:

— Русскій полковникъ?... Воп-ноште, замѣчательный совщнкы! Вонъ бѣлый домикъ съ синими ставнями!...

Крыша широкимъ скатомъ, шпалеры золотистаго патата, клеверъ, торчки маиса и розовыя тыквы. И Митя, ходилъ за курами!... Семь лѣтъ боевъ... три года на заводѣ, куры, патать и кролики... шкурки — кошатникамъ! Тамъ — при-шлые, негодяи, убиваютъ, тлятъ и поганяютъ все, сжира-ютъ, швыряютъ иностранцамъ... а здѣсь — достойнѣйшіе, свои, герои, спеціалисты... разводятъ патать и кроликовъ, и это—счастье! Митя, съ третьяго курса кораблестроенія... и сколько такихъ раскидано, и погибло, и погибаетъ...!

Въ шляпѣ факельщика, въ затертомъ фрэнчѣ, штаны въ сапоги, стоялъ полковникъ въ садикѣ, шевелилъ ви-лами въ кострѣ. Аля узнала его по росту и сапогамъ: къ ботинкамъ не могъ привыкнуть! Тутъ же, капитанъ Су-минъ, однорукой, копаль, избочась, картошку. Аля окликнула. Полковникъ уронилъ вилы, лицо его застыло. Она поняла и крикнула:

— Все благополучно! Я по своему дѣлу, не успѣла предупредить!..

— Аликъ... Аликъ... — взволнованно говорилъ пол-ковникъ, идя навстрѣчу, по привычкѣ одергиваясь и подтя-нувшись. — Ахъ, молодець... еще похорошѣла!.. По дѣлу... не замужъ, а?.. Господи, какъ я радъ тебѣ, Алечка... — говорилъ онъ растерянно. — Погоди, руки грязныя. Митя не писалъ?.. Нѣтъ, правда?.. Слава Богу. Отъ іюля было... Да ты бы телефонировала вчера, на машинѣ бы за тобой, у мосье Рабо за бензинъ бы только, по доброму сосѣд-ству! Не устала? Умыться если... Да брось, капитанъ, чортъ съ ней, съ картошкой! Ангель съ неба!.. Казаку бѣлаго литръ, за мной запишетъ! Латифундію поглядишь?... шесть гектаровъ... ну, чортъ съ ними! Куръ хочешь... кроликовъ?.. Ну, и чортъ съ ними. Двѣсти литровъ вина нажали, столько же покупать... Еще что?.. Пататà для скота, скотовъ — старый осель и тройка лихихъ свиней... Сапожничаемъ съ казакомъ, часы чиню, планы черчу, мэръ—пріятель, анализы дѣлаю, докторъ присылаетъ... на аренду бы наскребать. Ну, какъ?..

„Дядичка“ мало измѣнился, подсохъ, почернѣлъ, и руки жесткія. Морщинъ прибавилось, похожъ на горца... — Питаемся... а вообще — пытаемся! Неинтересно, къ чорту... Идемъ.

— Разгону намъ нѣту, барышня... — сказалъ знакомый Алѣ казакъ, ростомъ съ полковника, только моложе и пошире. — Промежъ забору, для разговору. Японцу тутъ ползаты!..

— Не уходитъ! — мотнулъ полковникъ на казака. — Гоню, ступай на Буко, подъ Байоной, артель тамъ, къ тысячѣ бы выгнать... Прилипъ съ Лемноса!

— Я говорю, что... Наберите на каміончикъ хочъ, а мы съ господиномъ капитаномъ управимся...

— Играй обѣдъ!

Для торжества, полковникъ надѣлъ пикейную тужурку и затопилъ громадный каминъ сосновыми дровами, „чтобы пальба была!“ Капитанъ надѣлъ пиджакъ съ приколотымъ рукавомъ и поставилъ букетъ золотистаго патата, за немѣніемъ хризантемъ. Подавалъ казакъ-поваръ: потофэ картошка со шкварками, яичница на салтѣ. Пили за „слетѣвшаго ангела“.

— Вино съ „Пуркуа-Па?“, или — „вэнъ-па-пердю“! А какъ мы его давили!

— Винцо соотвѣтственное, только наше урюпинское ку'-да! Вы-морозки!.. Графскій винодѣлъ антиресовался: „скажите, какъ вы достигаете 22 градуса?“

— Спирту, молъ, подливаю...

— Нѣ-этъ... А секретъ. И не сказалъ!

— И мнѣ не скажетъ!

— Вамъ я по дружбѣ скажу, какъ воротимся. Эхъ, садъ-виноградъ... не побей тебя гра-адъ.!

Аля увидала маленькую икону Спаса, на русской лентѣ. Къ лентѣ приколоты ордена — бѣлый Георгій, солдатскій, еще... Ей сжало сердце. „Живутъ, сыты...“ — думала она, — и хотѣлось плакать. Всѣхъ ихъ ей было жалко: казака, которому нѣтъ разгону, дядичку, и однорукаго молодого капитана, такого тихаго, — у него начинался туберкулезъ. У него убили мать и двухъ братьевъ. Онъ

былъ студентомъ-филологомъ, а теперь собирался уйти на Валаамъ или на Аюонъ, — но куда же пойдешь безъ денегъ и безъ руки!

Послѣ обѣда полковникъ сказалъ:

— Отпускъ до ужина. Казакъ отправляется въ походъ, къ мадамъ „Филе“, чинить ей раму, дѣло соотвѣтственное. Сума будетъ смотрѣть на небо, не пойдетъ ли дождь, а мы будемъ щекотать душу. Кофе выпили, ликеры... выпьемъ потомъ!.. Сигары — кто желаетъ — въ Гаваннѣ...

Аля видѣла, что у дядички „пѣли нервы“: онъ ходилъ, тихонько насвистывая, какъ Митя.

Она его хорошо знала.

Полковники, — и отецъ ея былъ полковникъ-артиллеристъ, — были друзьями еще со школы, въ Петербургѣ жили одной семьей, и имѣнница ихъ находились въ одной округѣ. Но у Али съ Митей почему-то были всегда раздоры. Они очень во многомъ не сходились. Имъ казалось, что другой заносчивъ и считаетъ себя авторитетомъ. Во время войны, когда Аля была на санитарныхъ курсахъ, Митя прислалъ съ фронта карточку, гдѣ снялся съ „сестрой“, какой-то княжной Забѣлло, спасшей, будто, его отъ смерти. Княжна была очень некрасива. Когда Митя пріѣхалъ, Аля смѣялась, какъ онъ „попался“, что такихъ князей нѣтъ, наговорила дерзостей, бросила курсы и поступила въ консерваторію. Только черезъ три года встрѣтились они въ Новороссійскѣ. Митя помогъ ей похоронить мать, умершую отъ тифа, и почти насильно эвакуировалъ ее въ Крымъ: она хотѣла остаться, чтобы пробраться въ Сибирь, гдѣ находился ея отецъ. Въ Крыму она просилась въ полевой лазаретъ, но ее назначили въ Севастополь, и она узнала, что это сдѣлалъ ей „на зло“ Митя. „Княжна“ же оказалась въ полевомъ госпиталѣ въ Джанкоѣ. Встрѣтились они снова въ Галлиполи, гдѣ ихъ помирилъ дядичка. Но и здѣсь они часто вздорили.

Когда капитанъ и казакъ ушли, Аля сказала:

— Дядичка, я хочу поговорить съ вами.

Полковникъ бросилъ свистѣть.

— Слушаю, Алечка, поговоримъ...—сказалъ онъ мягко, понимая, что она уже рѣшила что-то: онъ зналъ ее.

Она начала спокойно. Лично, она потеряла все. Можетъ быть, есть надежда, что папа окажется въ Сибири. Послѣ гибели Колчака онъ могъ пробраться въ Америку, но и въ Америкѣ, и въ Китаѣ наведены всѣ справки. Значить: или погибъ, или находится въ Сибири, — на Алтаѣ, въ тайгѣ, — и дать знать о себѣ не можетъ. Если бы его арестовали, было бы извѣстно: онъ слишкомъ видный. Перхурова, напримѣръ, судили! А папа былъ и на кремлевскомъ фронтѣ, и въ Ярославлѣ, и на Волгѣ. Послѣднія свѣдѣнія о немъ — изъ Омска, гдѣ его видѣли. Можетъ быть, еще живъ...

— Вполнѣ возможно... — сказалъ полковникъ и помѣшалъ въ каминѣ.

Онъ зналъ опредѣленно, что Сокола разстрѣляли въ Омскѣ.

Миша и его другъ Ляликъ... Ляликъ не былъ ея женихомъ, это Митины выдумки. Одинокій, онъ былъ такъ счастливъ, когда она позволила ему называть ее „названной сестрой“! Что-то ей говорить, что они должны быть живы! Какой-то внутренней голосъ...

Полковникъ сказалъ — „возможно, внутренней голосъ... это вполнѣ возможно“, — и помѣшалъ въ каминѣ.

Неправда, что оба они погибли 5-го марта, при отходѣ черезъ Кубань. Они участвовали въ этихъ страшныхъ аріергардныхъ бояхъ, когда полковникъ Туркулъ съ „дроздами“ пробился съ музыкой черезъ красную конницу. Въ этихъ бояхъ оба они были ранены, но не такъ серьезно, и ихъ потомъ видѣли въ районѣ станицы Крымской. Это ей подтвердили нѣкоторые, тамъ бывшіе. У одного казака былъ внукъ, который примкнулъ къ дроздовцамъ, и онъ спряталъ обоихъ у дѣда въ банькѣ. Они могли потомъ затеряться, перемѣнили фамиліи, а написать не могутъ. Докторъ Кротковъ сообщалъ ей, что бывали такіе случаи, собирался самъ съѣздить въ Крымскую, но его убили...

— Бывали такіе случаи, вполнѣ возможно... — сказалъ полковникъ и постучалъ щипцами.

Онъ самъ участвовалъ въ бояхъ 5-го марта и зналъ точно, что Миша и Ляликъ погибли 4-го марта, отъ красной конницы. Но Митя взялъ съ него слово не говорить.

Онъ нѣжно взглянулъ на Алю. Ея лицо поразило его горѣньемъ вѣры. Онъ склонился и началъ помѣшивать въ каминѣ.

— Что же ты думаешь... — сказалъ онъ въ пепель.

— Дѣло не въ моемъ личномъ. Я не могу такъ дальше... Вы знаете, какъ я всегда смотрѣла. Митя пошелъ туда...

Полковникъ насторожился надъ щипцами.

— Онъ сдѣлалъ правильно... и я горжусь, что онъ сдѣлалъ такъ!.. — сказала она страстно и посмотрѣла на закопченныя балки подъ потолкомъ.

Полковникъ видѣлъ, какъ блеснули ея глаза, и у него остро заныло сердце.

— Митя всегда говорилъ, какъ я... что мы — въ походѣ! Да, мы — въ походѣ!..

И она высказала все, что въ ней накопилось и кипѣло.

Сидѣть и ждать, — этого она не понимаетъ. Она презираетъ тѣхъ, которые говорятъ объ „эволюціи“. Можно прождать десять, и еще десять лѣтъ! Для чего мы пришли сюда? Медленно исходить тоскою, безсильно смотрѣть, какъ тамъ продолжаютъ убивать, растлѣвать, расточать!? Ждать, когда позоветъ „народъ“... масса, которую пихаютъ куда хотятъ! Россія — это мы, всѣ тѣ, кто дѣйствительно ее чувствуетъ и выражаетъ, кто за нее боролся! Гдѣ борьба?! Сохранять „кадры“... Еще десять лѣтъ, — и во что превратятся „кадры“? Это гипнозъ. Да, борьба! Почему отходъ оправдываетъ бездѣйствіе? Развѣ что измѣнилось? Тамъ, когда мы бились, мы знали, что каждую секунду рискуемъ жизнью, и шли на это. Почему же теперь... покой? Приказывать здѣсь нельзя, но Добровольчество продолжается, и не надо гасить и сдерживать! Къ чему же тогда — вожди?! Ясно, что тогда тѣ жертвы, миллионы замученныхъ и павшихъ — не оправданы. Имя въ исторіи? Исторія... Есть, кому нужно, чтобы все незамѣтно переварилось... Повымрутъ, забудется... довольно крови! Пусть это

говорятъ тѣмъ! Мы проливали кровь въ бояхъ, тѣ — въ подвалахъ! И продолжаютъ. Къ намъ вопіють мученики. Это странный самогипнозъ, что борьба кончена. Она должна продолжаться, до конца! Нѣтъ территоріи, оружія, все и всѣ противъ насъ, но у насъ остается воля, — наша воля и воля мертвыхъ! За насъ онѣмѣвшая Россія! Мы будемъ бороться тамъ!.. Какъ когда-то боролись террористы, исполнившіе свою задачу. Теперь — примолкли они, взираютъ! За насъ — Правда, Христова Правда! Ложь говорятъ про „мечъ“, хотятъ для себя и Христа использовать, одни — фальшиво, другіе ради словеснаго торжества, безлюбцы! Грѣхъ — борьба съ Дьяволомъ?! Архангелъ съ мечомъ на Сатану — грѣхъ?! Онъ поразитъ Антихриста, — такъ сказало Святое Слово! Мы — слуги Господа! Мечъ и огонь на Дьявола — Божье дѣло! и благословенна рука, которая поразитъ его!..

— Правда, все правда!.. — сказалъ горячо полковникъ. — Но та борьба, открытая, полевая, строемъ... совсѣмъ иное! А тутъ, одинъ... И прежніе террористы чувствовали себя въ странѣ... развѣ можно сравнить систему нашу съ системой дьявола?! Непреодолимая трудности, на это толкать... страшно! Надо не толкать, а самимъ, кто сможетъ, итти. Такъ и дѣлается, и вожди тутъ невиноваты, Аля.

— Я рѣшила итти... и я пойду! — сказала она и перекрестилась. — Вы мнѣ за папу, скажите же... Если бы папа былъ...

Но что тутъ скажешь?.. Полковникъ смотрѣлъ въ мерцающую золу. Но что тутъ скажешь!?

— Бѣдная ты моя... Алечка... я понимаю все, бѣдная ты моя!.. — сказалъ онъ шопотомъ, стараясь проглотить комъ. И вспомнилась почему-то Алѣ залетѣвшая ночью коноплянка.

Ей стало жаль и себя, и этого храбраго солдата, смотрѣвшаго такъ растерянно.

— Дядичка... — сказала она съ болью. — Вы отпустили Митю... и меня благословите. Можетъ быть, я тамъ папу встрѣчу...

Полковникъ видѣлъ, что онъ безсиленъ. Сказать, что она никого не встрѣтитъ, навалить на бѣдную ея головку

еще тяжесть? Этимъ не удержать, а хуже... отнять покой. Она, все равно, рѣшила. Отцовское въ ней, буйная кровь ихняго стрѣльца Ивана.

— Я обдумала все, — продолжала Аля. — Это не подвигъ, это — искупленіе прошлаго. Я только русская дѣвушка, и вотъ, надо намъ искупать... — и, говоря это, она вспомнила ночь въ оврагѣ и что говорилъ докторъ, — искупать прошлое. Когда-то и русскія дѣвушки уходили для разрушенія... Разрушено, надо очищать отъ скверны! И я готова.

— Понимаю, родная... — сказалъ полковникъ, — что все это за наши грѣхи, за преступленія, за ошибки... Но подумай!.. Извини меня... Но, можетъ быть, тебя... мнѣ иногда казалось..? — замылся онъ.

— Вы хотите сказать, что... — вспыхнула Аля, — другіе еще мотивы?... что чувство о могло меня..? Личнаго тутъ нѣтъ. Вамъ я скажу. Да, я люблю Митю, давно любила... Теперь я боготворю его! Вы знаете. Но я пойду — и не увижу его, не позволю себѣ его увидѣть! Я ему отказала, вы тоже это знаете... но я не толкала его, онъ такой самъ. Я чувствовала, что намъ нельзя завязывать личной жизни, закрыть все нашимъ счастьемъ. Онъ свѣтлый, онъ рыцарь... только такой онъ и дорогъ мнѣ! Онъ пошелъ. Я не могу не пойти.

— Я понимаю, — сказалъ полковникъ. — Но... подумай, Аля!.. Ты не учитываешь, что ожидаетъ тебя! Ты же вѣдь... исключительная, сама ты себя не знаешь... а тамъ надо умѣть затериваться! Ты же изъ тысячъ выдѣлишься, съ такимъ лицомъ!.. Что тебя ожидаетъ?!..

— Я готова на все. Богъ поможетъ. Буду дѣлать, какъ мнѣ укажутъ. За папу... благословите меня и дайте пути... вы знаете!..

Она подошла къ нему. Онъ поднялся, продолжая смотреть въ каминъ.

— Пути... — повторилъ онъ, стараясь собрать мысли. — Ахъ, Аля... трудно мнѣ... тяжело мнѣ,

Она обняла его, прижалась къ его груди. Сдерживая себя, онъ поцѣловалъ ее и благоговѣнно перекрестилъ.

Больше они не говорили.

V

Къ ужину сошлись всѣ. Капитанъ принесъ бѣлыхъ хризантемъ. Казакъ постелилъ на столъ палаточное полотнище и наложилъ изъ кармановъ миску зеленыхъ яблоковъ.

— Называются „кавыль“, собственнаго сада... мадамъ Филей.

— Собственный садъ завелъ! — сказалъ полковникъ, налегавшій на „па-пердю“. — „Скоро свадьба“

— Ка-нешно, я свободный, и она женщина способная, вдова, тридцать два годочка, всего... — раздумчиво говорилъ казакъ, налегавшій тоже на „па-пердю“, — однакожь, къ нашему не подходитъ. Ка-нешно... ей не управиться. Жениться не учиться, а какъ собираться... жалко будетъ оставить. Съ собой забирать... у ней стройка хорошая, всякій заводъ, двѣ коровы подъ ярмо... А мнѣ здѣсь не оставаться. А такъ, ка-нешно... мадамъ приличная, ничего.

— Казаки — народъ теплый, одна нога въ сѣдлѣ, другая въ селѣ!

— А хорошо у насъ, какъ на Пасху!.. — радовался казакъ на столѣ. — Цвѣты, парадъ. Порадовали вы насъ, Александра Вадимовна, душа отходитъ. А то сидимъ и глядимъ. Когда Митрій Александрычъ еще былъ, ну, еще поемъ. А то свиститъ-свиститъ, сядетъ у камину и плюетъ въ огонь. Всѣхъ чертей, бывало, оплюетъ. Въ Парижѣ-то, какъ они, на таксахъ?..

— Да, ничего...

— Тамъ веселѣй. И быстры, и всякія залы-танцы...

Капитанъ сидѣлъ тихій и вспыхивалъ, когда заговаривала съ нимъ Аля.

Полковникъ попросилъ капитана сходить пораньше къ мосье Рабо, попросить машину къ семи часамъ.

— Завтра ужъ и отъѣзжаете! — удивился казакъ. — Что жъ мало погостились?..

— Надо, Петръ Афанасьичъ. И такъ четыре дня прогуляю.

— Да, писали мнѣ... какая-то графиня конфетки вер-

титъ! Мы еще соотвѣтственно... а на заводѣ... бѣги по свистку, не дай Богъ.

Бли макароны съ сыромъ и кролика. Пылалъ каминъ, трещалъ, какъ изъ пулемета. Полковникъ принесъ еще два литра...

— Журавли!?!... — сторожко сказалъ казакъ.

Пошли смотрѣть. Была косая луна, на югъ. Въ зеленоватой дали дымно стояли горы. Наросталъ тревожно звучащей шумъ, словно часто и путанно били по деревяннымъ стрункамъ. Стало слышно курлыканье, вскрики тревоги и восторга, манившіе за собой сполохомъ.

— Вонъ, катятъ!.. — крикнулъ казакъ на небо.

Въ голубоватомъ свѣтѣ, отъ края къ краю, чернѣлась зыбкая полоса, съ заломомъ. Вотъ ужъ надъ головой, спереди — три дозорныхъ. Звучало ясно — курлы... курлы!..

— Колесомъ дорога! — крикнулъ вослѣдъ казакъ.

Издаваясь, зыблясь, стая прошла на мѣсяцъ, выломивъ край угломъ, — чуемая теперь лишь въ крикахъ Долго стояли, слушали.

Отъ этихъ тревожныхъ вскриковъ, отъ дымной косой луны, — казалось, — тянулись нити къ зимней лѣсной полянѣ, такой далекой! Словно залило свѣтомъ, — и вспомнила-увидала Аля кряжистую черную сосну, ясную, до дуги, лошадку, санки, снѣжокъ, мерцавшія въ инеѣ березы... вспомнила-услыхала запахъ сѣнца, мерзлой сосны и снѣга... увидала мѣшки, папахи, горбатыя шинели, лица... Глубиной сердца почувствовала она протянувшіяся отсюда нити въ глухую ночь. Смотрѣла въ небо, и луна расплывалась въ брызги колючихъ стрѣлокъ.

— Вторые это, — сказалъ казакъ. — Вчера по зарѣ прошли, пониже. А эти высоко-о забрали, къ ненастью. И горы видны, вѣрная здѣшняя примѣта. Для клевера на что лучше!..

Вечеромъ досидѣли у камина. Казакъ поигралъ на балалайкѣ. Потомъ полковникъ писалъ письмо. Долго писалъ, все рвалъ.

Въ семь часовъ полковникъ подалъ автомобиль. Сѣлъ за руль, Алю посадилъ рядомъ. Сзади — капитанъ съ хри-

зантемами. Садясь, Аля увидела у крыльца мимозу и попросила вѣтку. На мимозѣ уже выбило мелкій цвѣтъ, блѣдно-зеленоватой крупкой.

— А вотъ, въ январѣ зазолотится! — сказала казакъ. — Вотъ тогда приѣзжайте къ намъ. Не забывайте, счастливо ѣхать!

Ѣхали быстро, лѣсомъ.

И вотъ, уже океанъ, шумитъ... и вотъ, уже городокъ, съ задремавшими дачками, старая церковь изъ тупичка, нѣмая... — и дождь пошелъ. Пустая, у лѣса, станція. Сейчас отойдетъ поѣздъ, лѣсной, малюсенькій. Долговязый, рукастый, похожий на учителя Пукина, но брюнетъ, сипло кричитъ — аннн-тююр! Простились. Съ бѣлыми хризантемами, Аля высунулась въ окошко. Поѣздъ гремуче дрогнулъ. И Аля услышала, какъ крикнулъ не своимъ голосомъ полковникъ, взмахнувъ рукой:

— Святая!.. — и ухватилъ себя за голову.

Капитанъ все махалъ единственною рукою, съ хризантемкой, — дала ему изъ букета Аля.

И она долго махала имъ, отходившимъ за поворотъ

Декабрь, 1927 г.

Севръ.

ХРИСТОВА ВСЕНОЩНАЯ

Я прочелъ въ газетахъ:

„Въ Общежитіи русскихъ мальчиковъ (Шавиль, рю Мюльсо) квартетъ Н. Н. Кедрова будетъ пѣть всенощную, 29 января, въ субботу, 7 ч. вечера“.

Я люблю всенощную: она завершаетъ день и утишаетъ страсти. Придешь въ церковь, станешь въ полутемный уголокъ, — и тихія пѣснопѣнія, въ которыхъ и грусть, и примиреніе, и усталъ отъ дня сего, начинаютъ баюкать душу. И чувствуешь, что за этой беспокойной, мелкой и подчасъ горькой жизнью творится иная, свѣтлая, — Божья жизнь.

„Господь на небеси уготова Престоль Свой,
И Царство Его всѣми обладаетъ!“

И я поѣхалъ.

Былъ черный-черный осенній вечеръ, съ дождемъ; осеннее здѣсь всю зиму. Поѣздъ шелъ изъ Севра, по высотѣ. Въ черныхъ долинахъ, въ рѣдкихъ и смутныхъ огонькахъ невидныхъ поселеній, бѣжали золотыя ниточки поѣздовъ и гасли. Я глядѣлъ въ черное окошко. Какая тьма! Гдѣ-то тутъ, въ чернотѣ, Шавиль и рю Мюльсо: тамъ наши подростки-мальчики получили недавно надзоръ и кровь, — бѣдная юная Россія.

Я глядѣлъ въ глубокія черныя долины, на тихіе огоньки въ дождѣ. Чужое, темное... — и гдѣ-то тутъ будетъ всенощная, и чудесный русский квартетъ будетъ пѣть русскимъ дѣтямъ. Онъ сейчасъ ѣдетъ гдѣ-то, подвигается въ чернотѣ къ Шавиллю.

Я вспоминаю этихъ скромныхъ сердечныхъ русскихъ

людей. Недавно они пѣли въ Лондонѣ, Берлинѣ, въ Мадридѣ, въ Женевѣ, въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, — по всей Европѣ. Поѣдутъ въ Америку, въ Австралію. Пѣли королямъ и лордамъ, великимъ міра сего, во дворцахъ и роскошныхъ залахъ, въ салонахъ миллиардеровъ, въ соборахъ и подъ небомъ, десяткамъ и сотнямъ тысячъ, толпѣ и избраннымъ, — очаровывали русской пѣсней и молитвой, пѣвучей душой русской. А сейчасъ отыскиваютъ во мракѣ бѣдный русскій пріютъ, чтобы пропѣть всеночную дѣтямъ.

„Тебѣ, Господи, воспою!“

Вотъ и Шавиль. За станціей — темнота и грязь. Русское захоlustье вспомнилось. Гнилые заборчики по скату, ноги скользятъ и вязнутъ. Гдѣ же тутъ... рю Мюльсо?

Кто-то тяжело шлепаетъ за мною. Газовый рожокъ чуть свѣтитъ. Я смутно вижу хромающаго человѣка съ сумкой. Одѣтъ онъ плохо. Должно быть старикъ рабочій.

— Рю Мюльсо... — перебираетъ онъ въ памяти. — Не слыхалъ я что-то... Мюльсо?.. Пріютъ... убѣжище? Не слыхалъ.

Показываетъ дорогу въ городъ: тамъ укажутъ.

Онъ идетъ серединой улицы: такъ ровнѣе. Шлепаетъ въ темнотѣ. Я пробираюсь тротуаромъ. Ямки, увязшіе въ грязи камни. Лучше по мостовой итти, какъ старикъ. Онъ оглядывается, тутъ ли я. Останавливается, поджидаетъ: боится, что я собьюсь. Я благодарю его: „не утруждайте себя, пожалуйста... я найду!“ Онъ, наконецъ, уходитъ.

Иду и думаю: „Милый какой старикъ! съ работы идетъ, усталъ, и старается, чтобы я нашелъ рю Мюльсо! Ну, что я ему?!“

Улица освѣтлѣе. Перекрестокъ. Стоитъ на грязи старикъ, ждетъ меня. Дѣйствительно, рабочій: въ копоти руки, инструменты торчатъ изъ сумки. Нарочно остановился, чтобы показать дорогу. Онъ уже справился, гдѣ Мюльсо.

— А, вспомнилъ! Подъ виадукъ, и потомъ направо.

Есть еще въ людяхъ ласковость. Что ему я, попавшійся ему въ темнотѣ? Правда, онъ старый, прошлый. Я хотѣлъ бы взять его руку въ копоти и многое расска-

зять ему. И онъ бы понялъ. Я сказалъ бы ему, что на рю Мюльсо живутъ русскія дѣти, подростки-мальчики, которые много претерпѣли въ жизни; что у насъ много-много такихъ, бездомныхъ... что добро еще не ушло изъ жизни; что вотъ и онъ — добрый, душевный человѣкъ, и хорошо бы намъ какъ-нибудь еще встрѣтиться и поговорить подушѣ; что на этой рю Мюльсо сейчасъ будутъ пѣть всеищную, такую ночную службу, чудеснѣйшія молитвы прошлаго; что сейчасъ ѣдутъ сюда удивительные пѣвцы, которыхъ онъ никогда не слышалъ и не услышитъ... восхищеніе всѣхъ въ Европѣ, душевные русскіе люди, и ѣдутъ сюда они, въ темный его Шавиль, чтобы пѣть всеищную дѣтямъ. И старикъ все бы понялъ. Многое и безъ словъ бы понялъ. А, русскіе?.. Кое-что слыхалъ. Старый человѣкъ, душевный, прошлый.

Вотъ и Мюльсо, и домъ. Очертанія его въ темнотѣ широки. Многія окна свѣтятся, въ этажахъ. Жметса у воротъ кучка.

— Здѣсь, должно быть?.. Самое это, онзъ! Говорятъ, Кедровы будутъ пѣть...

— Да они же въ Шатлэ сегодня, у нихъ концертъ...

— Это ничего не значитъ. Разъ объявлено, что...

Пріѣдутъ.

Входимъ. На крыльцѣ мальчики-подростки. Въ пиджачкахъ, въ воротничкахъ, галстучкахъ, — Европа. А лица наши.

Въ комнатахъ тѣсновато. Восьмой часъ. О. Георгій уже пріѣхалъ изъ Парижа. Квартета еще нѣтъ. Понятно: сегодня дневной концертъ у нихъ, извѣстный „концертъ Колонна“, въ Шатлэ.

— Прямо съ концерта обѣщали.

Половина восьмого. Въ комнатахъ тѣсновато, жмутся. Пришли изъ Шавиля и съ окраинъ. Подъѣхали изъ Версаля, изъ Парижа.

А вотъ, гдѣ будетъ всеищная.

Комната въ три окна. У задней стѣны помостикъ. Вверху, подъ русскими лентами, — „Господи, спаси Россію“, — золотыя слова по голубому полю. Давняя, темная

икона Николая Чудотворца, — за триста лѣтъ. Теплится зеленоватая лампада, ночная, грустная. Вотъ она, русская походная молельня, храмъ бѣдныхъ, — во французскомъ домѣ, при дорогѣ.

„Стяжалъ еси смиреніемъ высокая,
„Нищетою — богатая!

За черными, словно сажей замазанными окнами, сверкаютъ въ грохотѣ поѣзда — Парижъ-Версаль. Вдрагиваетъ огонекъ въ лампадѣ, единственный здѣсь живой. Темный Никола меркнетъ, яснѣетъ, меркнетъ.

Мальчики строятся рядами. А — квартетъ?

Здѣсь. Прямо изъ Шатлэ, съ концерта.

Вдумчивый басокъ слышится. Широкая, плотная фигура: Н. Н. Кедровъ, самъ головщикъ, глава. Съ нимъ — его: К. Н. Кедровъ, И. К. Денисовъ, Т. Ф. Казаковъ. Четверо, всѣ: квартетъ. Съ дороги, изъ темноты, съ дождя. Всѣ — какъ надо, съ параднаго квартета, изъ Парижа: бѣлоснѣжные воротнички и груди, черный парадный блескъ. Лица... Ну, наши лица.

Смотритъ на нихъ Никола. Золотится изъ-подъ русской ленты —

„Господи, спаси Россію“

Плечо къ плечу. Четверо. Квартетъ. Встали. Листуютъ ноты.

Смотрю на нихъ. Приѣхали, славные наши, молодцы. Изъ многотысячнаго зала, съ блеска, — въ бѣдную эту комнату, къ образу Николы, къ Россіи. Прямо — Парижъ, Шавиль, всенощная. Чудесно. Я знаю, что они любятъ тихое, святое, наше. Знаю, что ими восхищается Европа. Чудо пѣсенъ несутъ они, поютъ Россію.

„Господи, спаси Россію“

Только что блистающій Парижъ ихъ слушалъ. И вотъ — Шавиль, тихая лампада, тѣсная комната, мальчики.

„Бла-го-сло-ви-ду-ше-моя,

„Го- о-о-о... спо-да...

Всенощная идетъ.

„Свѣте тихій
„Святѣя Сла-а-а-вы,
„Безсме-ртнаго...

Всенощная идетъ, идетъ. Стою въ уголку, зажмурясь. Идетъ всенощная. Россія, въ Москвѣ, въ соборѣ... въ Новгородѣ... Кіевѣ... Владимірѣ... Суздаль...

Шестопсалміе. Читаетъ К. Н. Кедровъ. Какъ читаетъ!..

„Обновится, яко орля,
„Юность твоя...

Всенощная идетъ. Далекая Москва, далекое...

Открываю глаза. Какая простота, какая скудность! Грустная лампада, мальчики у черныхъ оконъ. Въ каждомъ, у cadaго изъ насъ въ недавнемъ — сколько! Дороги, однѣ дороги, — бездорожье. И всѣ въ дорогѣ. Бездомные. И дѣти... Пока Мюльсо. А дальше?..

„Хвалите Имя Господне,
„Хвалите, раби Го-спода...

Тихій хораль квартета. Всенощная идетъ, возноситъ сердце.

Хвалите! Бѣдныя русскія дѣти, хвалите непрестанно. Съ вами — Господь. И бѣдная Россія — съ вами — русскіе цвѣта на лентѣ. И Никола — съ вами. Въ дорогѣ, всегда въ дорогѣ. Ведетъ. И — доведетъ.

„Яко благъ...
„Яко въ вѣкъ ми-и-лость Его!

Всенощная идетъ...

„Отъ Іоанна... Святаго Евангелія... Чтеніе.

И каждое слово — Свѣтъ. Не знаменіе ли это — дивное это Слово Іоанна, на новыи день? на сей день?! Да, это, истинно, знаменіе, Евангеліе на сей день, глава 21, отъ Іоанна. Это — Христось пришелъ.

„Дѣти, еда что снѣдно имате? Отвѣчаша ему: ни.

„Онъ же рече имъ: вверзите мрежу одесную страну
корабля..

„Глагола ученикъ той, его же любляше Исусъ, Петрови:
„Господь есть!“

И они узнали Его: „Господь есть!“

Сердце томится, ширится. Что со мною? Вижу тихо стоящихъ мальчиковъ, склоненные ихъ головы, черныя окошки, за ними бездорожье. Комната чужого дома, лампада свѣтитъ.

„Изъ учениковъ же никто не смѣлъ спросить Его: „кто Ты?“, зная, что это Господь“.

Онъ сошелъ въ пѣснопѣнїяхъ и зовахъ. И это Его восторженно славить возгласъ:

„Слава Тебѣ, показавшему намъ Свѣтъ!“

И это Ему, близкому, поютъ тихо, ночными голосами:

„Хва-лимъ Тя, благосло-вимъ Тя..

„Кла-няемся Ти, славословимъ Тя, благодаримъ Тя..

Это уже не пѣніе: это сладкій, благоговѣйный шопотъ, молитвенная бесѣда съ Господомъ. Онъ—здѣсь, въ этой комнатѣ при дорогѣ, — Храмъ: пѣснопѣніе претворилось въ Слово, въ Бога-Слово.

Это почувствовали они, чуткіе пѣснопѣвцы наши. И пѣли—самому Христу, явившемуся здѣсь дѣтямъ, при дорогѣ, въ чужомъ Шавилѣ.

И дѣтямъ говорилъ Онъ, какъ когда-то, давно-давно говорилъ Онъ инымъ дѣтямъ, при морѣ Тиверїадскомъ.

Говорилъ обездоленнымъ русскимъ дѣтямъ, въ комнаткѣ невѣдомаго дома, при дорогѣ:

„Дѣти! еда что снѣдно имате?“

И то, что почувствовали пѣвцы, что почувствовалъ я и иные, здѣсь бывшіе, это громко сказалъ, съ Животворящимъ Крестомъ въ рукѣ, съ радостію и вѣрой, о. Георгій:

„Развѣ не почувствовали мы всѣ, слыша это святое пѣніе, этотъ даръ, принесенный дѣтямъ, что воистину здѣсь Христосъ былъ съ нами? Дѣти... пришелъ Онъ къ вамъ. Къ кому же и притти Ему — здѣсь?“...

Да. Къ кому же и притти Ему — здѣсь?!.
Сіяла лампада. Блестала лента:

„Господи, спаси Россію!“

И четверо — клиръ церковный — новыми голосами
пѣли:

„Взбранной Воеводѣ
„Побѣдительная!...“

Я былъ у Христовой Всенощной. Было чудо, ибо кос-
нулся души Господь. „Явился въ звукахъ молитвъ чудес-
ныхъ, животворящихъ душу.“

И передашь ли — чего передать нельзя? Это — въ
сердцѣ: горѣніе и трепеть.

17/30 января 1927 г.
Севръ.

Константину Дмитріевичу Бальмонту.

Я И Ч К О

Весна. А гдѣ же воздухъ, нашъ весенній воздухъ, снѣгъ плывучій, крикъ пѣтуховъ разливный, журчливья канавки подъ ледкомъ, по утрамъ гдѣ радость, заливающая сердце, — радость ни съ чего, какъ будто?.. И въ щебетаньи воробьевъ въ пустыхъ деревьяхъ, въ блескѣ засочнѣвшихъ почекъ, и въ блескѣ первыхъ камушковъ на мостовой, и въ первыхъ лужахъ, и въ будто потеплѣвшемъ звонѣ, тающемъ, весеннемъ.

Каштаны въ „свѣчкахъ“ не замѣняютъ мнѣ пушистой вербы, березки вольной, хлестающей по вѣтру. Жесткія деревья, плачутъ сажей. Весна? Въ дождѣ — какъ осень. Нѣтъ пробужденья, нѣтъ улыбки ясной, какъ у насъ, —

„Улыбкой ясною природа

„Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года.

Ищу чего-то. Земля — чужая, небо... — и оно другое. Или мои глаза — другіе?..

Изъ глубины душевной, гдѣ тѣни прошлаго, я вызываю мое небо. Свѣтлое, голубоватое, какъ пологъ надъ моей кроваткой, всегда въ сіяньи. Бѣлыхъ ли голубей въ немъ крылья, кресты ли колоколенъ въ блескѣ... или это снѣжокъ сквозистый, облачка?.. Оно вливается потокомъ въ окна, крѣпкимъ, свѣжимъ, все заливаешь новымъ, даже глухія сѣни, гдѣ еще хмурый холодокъ зимы, гдѣ еще пахнетъ звѣздными ночами, мерзлымъ трескомъ.

Мое родное, мое живое небо.

Въ витринахъ—груды яицъ изъ шоколада, темныхъ. Грузныя они, повязанныя лентами, нѣмыя. За окнами би-

стро, на стойкахъ, залитыхъ виномъ, я вижу розовыя яйца въ вазахъ. Чего-то отзвукъ? Позабыто.

Далекое мое, въ осколкахъ.

Свѣжій запахъ—будто сырой бумагой, шуршанье сѣренькаго платья няни. Праздничное, еще не мытое, оно третъ щеки. Воздухъ со двора, чудесный, свѣжій, перезвонъ веселый. Пологъ моей кровати дрожить, отходить, и голубое небо смотреть въ блескъ. И въ немъ — яичко, на золотомъ колечкѣ, на красной ленточкѣ, живое!..

Сахарное яичко. Здѣсь оно, со мной. Не потускнѣло, не побилось, на золотомъ колечкѣ, въ сердцѣ... Прозрачно-сѣренькое, какъ снѣжокъ сквозистый.

Уходитъ Праздникъ. Весна проходитъ, лѣто. Приходятъ ночи, въ буряхъ; хлещетъ въ окна. Вотъ-вотъ погаснетъ огонекъ лампадки, и мои глаза, испуганные черной ночью, ищутъ... Гдѣ яичко?.. Вонъ оно, святое, у кіота. И мнѣ не страшно. Свѣтъ отъ него, и Ангелъ ласково глядитъ мнѣ въ сердце.

Въ дѣтствѣ, когда бывало горе, я приходилъ къ кіоту, и смотрѣлъ.

За голубымъ и розовымъ безсмертникомъ, въ комочкѣ моха, въ глубинѣ за стеклышкомъ, я видѣлъ: свѣтозарный, съ блистающей хоругвью, воскресалъ Христосъ изъ Гроба. Я всматривался въ эту панорамку, до счастливыхъ слезъ, — и заливало свѣтомъ.

Помню, говорила няня:

„Въ стеклышко-то гляди, да хорошенько... и увидишь“.

„А чего, няня?“

„Ангелочка. До-лго гляди, вотъ и увидишь живого ангелочка“.

Я глядѣлъ долго-долго. Въ глазахъ мерцало, цвѣточки оживали, и въ глубинѣ, за ними...

„Вижу... живого ангелочка вижу!“...

Въ горькія минуты я приходилъ къ кіоту—и смотрѣлъ. Чудесное мое, далекое.

Апрѣль, 1925 г.

Парижъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Въездъ въ Парижъ	3
Пѣсня	12
Птицы	21
Тѣни дней	26
Сидя на берегу:	
Океанъ	47
Крестный Ходъ	50
Золотая книга	53
Городъ-призракъ	54
Москва въ позорѣ	58
Russie	62
Верескъ	69
На пенькахъ	72
Два письма	126
Журавли	141
Христова Всенощная	164
Яичко	171

Русская Библиотека

Вышли изъ печати:

1. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“ т. I.
2. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“ т. II.
3. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій Домъ“, романъ, т. I.
4. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій Домъ“, романъ, т. II.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очеркъ.
6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“: 1914—1918 г.
7. Б. К. Зайцевъ. — Разказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въездъ въ Парижъ“, разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.

Печатаются:

11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, стихотворенія.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.
16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчій домъ“, романъ, т. III.

Готовятся къ печати:

13. А. Р. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтїя“.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ, (выйдетъ изъ печати въ августъ мѣс.).

Дѣтская Библиотека

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный. — „Румяная книжка“.

Цѣна 30 динаръ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.

Јакшићева ул., бр. 2. Београд.